

Международный
научно-практический междисциплинарный журнал

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Том 4

Январь-июнь 2004

№ 1

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический междисциплинарный журнал

УЧРЕДИТЕЛИ: Институт психологии Российской академии наук,
Владимир Лепский (Россия)

При участии Института Человека РАН и Института рефлексивных
процессов и управления

Выходит два раза в год
(на русском и английском языках)

№ 1, 2004, январь-июнь, том 4

Главный редактор: **В.Е.Лепский (Россия)**

E-mail: lepsky@online.ru

Члены редакционного совета:

С. Амплеби (США), Б.И.Бирштейн (Канада), А.Л.Журавлев (Россия),
В.П.Зинченко (Россия), В.А.Лефевр (США), Г.В.Осипов (Россия),
В.Ф.Петренко (Россия), Д.А.Поспелов (Россия), И.В.Прангшвили (Россия),
В.В.Рубцов (Россия), В.С.Степин (Россия), А.А.Стрельцов (Россия),
Ю.Е.Фокин (Россия), Ю.П.Шанкин (Россия)

Члены редакционной коллегии:

Д.Адамс-Веббер (Канада), О.С.Анисимов (Россия), В.А.Бажанов (Россия),
К.К.Богатырев (США), В.И.Боршевич (Молдова), О.И.Генисаретский
(Россия), И.Е.Задорожнюк (Россия), Г.Г.Малинецкий (Россия),
В.А.Петровский (Россия), В.Л.Рабинович (Россия), С.П.Расторгуев (Россия),
В.М.Розин (Россия), Г.Л.Смолян (Россия), Т.А.Таран (Украина),
Т.Л.Томас (США)

Члены редакционно-издательской группы:

Б.М.Бороденков, В.И.Белопольский, В.Н.Крылова (Россия)

Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам
печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №77-7309 от 19 февраля 2001 г.

Адрес редакции: 129366, Москва, ул. Ярославская, 13, комн. 430

Факс: 282-92-01

E-mail: lepsky@online.ru

<http://www.reflexion.ru>

Журнал издается при поддержке Бориса Бирштейна
(доктор философии и экономики, профессор)

Перепечатка материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Присланные в редакцию рукописи не рецензируются и не возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ

От Главного редактора	4
-----------------------------	---

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Нигматулин Р.И., Бажанов В.А. (Россия). Как же все-таки обустроить Россию? (дискуссия)	5
Крупнов Ю.В. (Россия). Гиперимперия США или мировая держава Россия?	25

ЭТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Малков С.Ю. (Россия). Этические системы: история и российская действительность	48
--	----

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Григорьев Э.П., Лепский В.Е., Лобанов А.Н. (Россия). Об информационном манипулировании биржевым рынком	62
--	----

ПСИХОЛОГИЯ

Лефевр В.А. (США). Ментализм и бихевиоризм: слияние?	75
Карпов А.В. (Россия). Рефлексия в структуре метакогнитивной организации субъекта	99

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ЭТЮДЫ

Расторгуев С.П. (Россия). Фантазия на тему Бессмертия	110
---	-----

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

IV Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление»	120
Вечер памяти Г.П.Щедровицкого.....	123
Идеология для государственного управления в России	124

НОВЫЕ КНИГИ

Рефлексивные процессы и управление. Тезисы IV Международного симпозиума 7-9 октября 2003г., Москва	125
Рецензия на монографию В.А.Лефевра «Алгебра совести»	125

От Главного редактора

Очередной номер журнала выходит в беспокойные времена, когда срок, отведенный на определение стратегических ориентиров развития России, подходит к концу. Но и спрос на уяснение и принятие таких ориентиров возрос до предела. Все более укрепляется мнение, что Россия может способствовать разрешению многих проблем порождаемых процессами глобализации. Осознание этого факта значимо не только для россиян. Не в меньшей мере оно касается ее союзников — даже ненадежных и противников — даже закоренелых. Наконец-то оформляется заказ на цивилизационный опыт нашей страны, в которой на протяжении почти полутора тысячелетий ее истории (когда на территории бывшего СССР появились протогосударственные структуры) в основном всегда мирно сожительствовали представители различных этносов, религий и культур. И навязываемые образы Российской империи как «тюрьмы народов», СССР как «империи зла», да и Российской Федерации как «гнезда коррупционности и нестабильности» выявляют свою деструктивность, причем уже в глобальном масштабе. Пришла пора не навешивать ярлыки, а давать оценки и выдвигать проекты — эту истину все в большей мере осознают трезво мыслящие субъекты международной экономической и политической жизни.

Об этом — весь журнал. Не только посвященный анализу экономических перспектив диалог Р.И. Нигматуллина и В.А. Бажанова (их дискуссия на основе переписки по Интернету — принципиально новый жанр для отечественной научной периодики). Не только глубокая мыслями статья Ю.В. Крупнова, определяющая статус России как «мировой державы». Об этом также статья С.Ю. Малкова о роли этических систем в обосновании долгосрочной стратегии развития России. Но об этом и психологические статьи В.А. Лефевра, обосновывающего продуктивность жертвенного поведения, В.А. Карпова, излагающего свежий взгляд на рефлексивные закономерности. Об этом даже работа о возможностях и границах манипулирования биржевым рынком.

Все публикуемые в номере материалы свидетельствуют: голос рефлексологов звучит все убедительнее, и к нему тщательно прислушиваются те, кто принимает решения. Ибо вырисовывается необходимость более активного использования ресурса рефлексии. Которая с должной полнотой и эффективностью позволяет найти ответ на вопрос, так метко сформулированный в одной тревожной песне, которая часто звучит в радиоэфире: «Что же будет с Родиной и с нами?»

И следовательно — со всей планетой, существование которой без благоустроенной России просто непредставимо.

В.Е. Лепский

КАК ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ОБУСТРАИВАТЬ РОССИЮ?

Дискуссия между специалистом по физико-математическим наукам,
академиком РАН Р.И. Нигматулиным
и философом, профессором В.А. Бажановым

Р.И. Нигматулин
Академик
Российской академии наук,
г. Уфа

В.А. Бажанов
Ульяновский государственный
университет,
заведующий кафедрой философии
и политологии, доктор философских
наук, профессор

В 2002 и 2003 гг. были опубликованы статьи академика РАН Р.И. Нигматулина «Нельзя прожить без правды сущей» (Вестник РАН, №7, 2002) и «Полурабы неэффективны» (газета «Известия», 19 ноября 2002 г.), а также книга «Как обустроить экономику России. Экономический манифест». Уфа, Гилем, 2003. Эти публикации вызвали живой интерес у читателей. Академик Р.И. Нигматулин получил большое число одобрительных писем от ректоров вузов, академиков, профессоров, учителей, пенсионеров и других. Среди откликнувшихся — профессор В.А. Бажанов из Ульяновского университета, рецензия которого была лаконичной и критической. Академик Р.И. Нигматулин (далее Р.Н.) ответил профессору В.А. Бажанову (далее В.Б.). Завязалась дискуссия. В итоге оба участника решили предложить её «стенограмму» для более широкой аудитории, полагая, что обсуждаемые проблемы касаются, болезненных точек развития нашего общества.

В.Б. Для любого ученого важнейшую информацию несут ссылки. В своей статье «Нельзя прожить без правды сущей» Вы ссылаетесь, главным образом, на тех, кто близок к КПРФ или представляет родственные ей по духу организации (С. Куняев, В. Кожин, С. Кара-Мурза). При этом Вы в этой статье сетуете на то, что многие в своих суждениях исходят из «ненависти и раздражения». Как раз упомянутые авторы, мне кажется, часто и исходят из ненависти и раздражения ко всему новому (нередко, увы, «отрицательно» новому), связанному с реформами.

Вы не усматриваете чего-то предосудительного в журнале «Наш современник». Я же время от времени просматриваю этот журнал. Его ретроградность (а порой и плохо прикрытая антисемитская направленность) достаточно для меня очевидна. Более того, этот журнал, равно как и упомянутых авторов, отличается значительная степень примитивизма. По всей видимости, некоторое, по меньшей мере, косвенное влияние данные авторы (и журнал) оказали и на Вас. Это касается и оценки доктрины К. Маркса, и истолкования причин распада СССР, и проблемы сохранения национальных языков, и манеры цитирования ряда авторов, евреев по национальности.

Ситуация с принятием гимна России также далеко не столь однозначна, как Вы представляете в своей статье. Возражения по существу затронутых вопросов с Вашей стороны, по моему мнению, потребовало бы много времени, да и вряд ли были бы приняты: стоит вспомнить М. Планка с его провидческим высказыванием, которое касается закономерностей смены поколений в науке и восприятия ими новых истин.

Р.Н. Во-первых, библиография в моей статье состоит из 18 пунктов, из которых только четыре относятся к упоминаемым Вами авторам и журналу «Наш современник». Гораздо больше (8 пунктов) относятся к академикам Российской академии наук (Ж.И. Алферов, Д.С. Львов, Л.И. Абалкин, В.А. Коптюг, К.Я. Кондратьев, А.И. Солженицын, Н.Н. Скотов), что вполне понятно для академического журнала. Остальные шесть пунктов библиографии нельзя отнести к «левой» ориентации.

Во-вторых, Ваш упрек журналу «Наш современник» несправедлив. В статье «Нельзя прожить без правды сущей» я уже отмечал, что российская интеллигенция привыкла следовать в «заданной колее» и «приклеивать ярлыки» вместо обсуждения проблем страны по существу. Вам не нравятся журнал и некоторые авторы, на которых я ссылаюсь, потому что Вы считаете их подверженными антисемитизму и исходящими «из ненависти и раздражения».

Валентин Александрович, Вы повторяете необоснованные чужие высказывания. Вы не найдете в статьях С. Куняева, В. Кожинова, С. Кара-Мурзы, А.И. Казинцева, академика И.Р. Шафаревича, олицетворяющих идеологию «Нашего современника», хоть намек на ненависть или раздражение, хоть намеков на антисемитизм. Уверяю Вас, не найдете. Это очень уравновешенные и интересные люди, достойные, чтобы их аргументы обсуждали по существу. Я не говорю, что Вы обязаны соглашаться с ними. Я говорю, что обсуждаемые ими проблемы, их аргументы надо обсуждать по существу. А у нас их мало кто читает (в лучшем случае, как Вы: «просматривает»), но многие без сомнений высказываются и

с чувством ничем не обоснованного превосходства осуждают и судят, кто на кого оказал тлетворное влияние. Я Вас призываю высказаться, с чем Вы не согласны и почему. Повторяю — ПОЧЕМУ.

То же относится и к «левой» идеологии. Научные работники не должны следовать навязанной ныне моде и отвергать с порога социалистические идеи, ныне отстаиваемые КПРФ, и экономическую теорию К. Маркса. Мир переменчив, и все может понадобиться и поэтому все надо изучать.

В.Б. Не хотел бы специально анализировать «Наш современник» или печатные труды Куняева — это увело бы далеко в сторону и здесь мы, полагаю, с Вами не пришли бы к консенсусу. В этой области нет твердой почвы для дискуссии. Что касается К. Маркса, то это классик, оказавший влияние на многих крупных мыслителей и XIX, и XX века и его идеи безусловно достойны пристального внимания и изучения, хотя я усматриваю трагедию К. Маркса в том, что те тенденции развития капитализма, которые он экстраполировал в будущее и на них строил свою доктрину, стали существенно ослабевать еще при его жизни, и, таким образом, многие краеугольные положения его доктрины оказались ошибочными. Ряд социалистических идей и установок, впрочем, созвучны замыслу т.н. социального государства (доступность образования, культурных ценностей, поддержка слабо защищенных слоев населения государством и т.д.) и было бы замечательно, если бы они в полной мере реализовались в нашей стране.

Р.Н. Действительно, К. Маркс предсказывал гибель капитализму из-за неразрешимого, как считал К. Маркс, противоречия между стремлением капиталиста меньше платить рабочему и сокращением из-за этого покупательского спроса на производимые товары, что приводило к разрушительным кризисам перепроизводства. Но жизнь и понимание экономических законов заставила государственных мужей принять ряд мер по защите покупательского спроса, что привело к повышению доли оплаты труда в ВВП до 60-70%. В результате западноевропейский капитализм перешел на сбалансированную экономику. Наши правители этого пока не понимают. Чтобы как-то поколебать предубеждение против писателей и публицистов, печатающихся в «Нашем современнике» рекомендую прочесть или «просмотреть» книгу С. Куняева «Поэзия, судьба, Россия». Убежден, что будете читать ее с интересом. Если Вы не откажитесь, я пришлю ее Вам.

В.Б. Да, большое спасибо. Прочитаю.

Вы правильно пишете, что новым реальностям должны соответствовать «новые люди с новым мировоззрением» (статья в «Известиях»). Но те экономические авторитеты, к которым Вы апеллируете (Д. Львов,

Л. Абалкин) никак не могут считаться ни «новыми людьми», ни людьми с «новым мировоззрением». Таковым, по моему мнению, может вполне считаться А.Илларионов, которого Вы как-то упоминаете в отрицательном контексте.

Стоило бы существенно более внимательно отнестись к тем идеям и предложениям, которые выдвигаются людьми, близкими по мировоззрению к А. Илларионову. Боюсь, однако, что закон, подмеченный М. Планком, имеет силу также по отношению к политикам и экономистам.

Р.Н. И в этом пункте Вы одним «махом» без объяснения по существу отнесли к людям «со старым мировоззрением» академиков Л.И. Абалкина и Д.С. Львова (а отсюда, хотя и неявно, и меня с ними), а к людям «с новым мировоззрением» — А. Илларионова, советника Президента РФ по экономическим вопросам. Причем без всяких аргументов. При этом Вы выражаете неудовольствие, что я упоминаю А.Илларионова «как-то в отрицательном контексте». Уважаемый Валентин Александрович! Я не «упоминаю» А.Илларионова, а с аргументами критикую его концепцию. А концепция А.Илларионова состоит в том, что для ускорения экономического роста имеется только один действенный метод — сокращение доли ВВП на госрасходы (госбюджет) с нынешних официальных 28% (а в начале 90-х годов было около 45%) до 22%. И я жестко и конкретно критикую эту концепцию с аргументами. Можно оспаривать мои аргументы, но Вы вместо этого полагаетесь только на свои положительные чувства к А.Илларионову. Я тоже положительно отношусь к некоторым высказываниям А.Илларионова, но в моей статье обсуждаются идеи, а не отношение к личностям.

Может быть, станет яснее, если Вы прочтете не только газетную статью в «Известиях», но и мою академическую статью, опубликованную в «Вопросах экономики» (2003, № 3) — ведущем журнале РАН по экономике. В ней я, как математик, анализирую большую академическую статью А.Илларионова, опубликованную в этом же журнале. В моей статье показано, что «Ваш человек с новым мировоззрением», обосновывая свою концепцию о необходимости снижения госрасходов до 22% от ВВП для ускорения экономического роста, сделал ряд грубых математических (повторяю — математических) ошибок при обработке статистических данных. Когда я показал это академикам и другим специалистам, в том числе и А.Б. Чубайсу, кстати, человеку с «новым мировоззрением», то все они согласились с моей оценкой о низком уровне статьи А. Илларионова. А ведь А.Илларионов — советник Президента РФ по экономическим вопросам, и он влияет на экономическую политику в России.

Думаю, не надо объяснять, что означает сокращение госрасходов по Илларионову с целью обеспечить экономический рост. Это сокращение зарплат бюджетников, к которым относитесь и Вы. А Вам нравится А.Илларионов, человек с «новым мировоззрением».

Вы ссылаетесь на Планка, говоря, что «возражения по существу затронутых вопросов потребовали бы много времени, да и вряд ли были бы приняты: стоит вспомнить М. Планка с его провидческим высказыванием, которое касается закономерностей смены поколений в науке и восприятия ими новых истин».

Да, Планк говорил о необходимости смены поколений в науке, чтобы новые идеи воспринимались обществом. Но это не значит, что каждая новая идея хороша, а любая старая плоха. Только обсуждение по существу с аргументами, с опорой на эксперимент, а не на возраст автора может отделять правильные идеи от ложных.

И, наконец, вынужден сделать грустное заключение. Ваша реакция на «Наш современник», на «новых людей с новым мировоззрением» и на «старых людей со старым мировоззрением» еще раз свидетельствует, что часто наши интеллигенты не ищут истину, не анализируют аргументы, а исходят из предубеждений типа: этот человек — со старым мировоззрением, а этот — с новым, этот человек — примитивный тип, этот — приличный, этот — антисемит, этот — под влиянием людей со старым мировоззрением. Беда это.

Не сердитесь за прямые высказывания. Еще раз спасибо за Ваш отклик, который дает повод поговорить о наших нравах и идеях.

В.Б. Те зависимости, которые Вы описываете в своих статьях, Вами трактуются как имеющие как бы линейный характер. Грубо говоря, повышение зарплаты в 2 раза означает, по мнению автора, увеличение спроса в 2 раза (спрос же оживит экономику и т.д.). Полагаю, что здесь действуют сложные нелинейные зависимости. Так, реальная зарплата в 2002 г. увеличилась на 17%, а спрос возрос лишь на 8 %. Почему? С точки зрения академической спрос должен был бы также увеличиться на примерно 17%. Думается, что повышение зарплаты должно быть — в условиях дефицита средств — адресным. Прежде всего, она должна производиться наиболее квалифицированному контингенту бюджетников, потеря которого особенно болезненно отразится на будущем страны.

Кстати, в странах Центральной Европы лет 7-8 назад можно было наблюдать в чем-то похожие процессы. Дело не просто в механическом росте зарплат, а в интенсивном создании рыночной и конкурентной среды, поиске эффективного хозяина, а не «автоматической» приватизации (характерной для России), структурной перестройке экономики. Между тем реформы идут вяло, так что население, не ощущая каких-то

результатов, становится все более пассивным и поворачивается в сторону идеологии государственного патернализма, становясь пассивным и безразличным едва ли не ко всему происходящему.

Вполне, впрочем, разделяю Ваше мнение и о том, что налоговая шкала должна быть не плоской, а прогрессивной (хотя нижний порог, на мой взгляд, должен быть достаточно высоким — налог на доход не менее 20 000 долларов в год не должен превышать те же, что и ныне, 13%).

Р.Н. Да, Вы, Валентин Александрович правы, говоря, что в экономике много нелинейностей. И я как математик знаю это. Например, повышение зарплаты в два раза не означает двукратного увеличения платежеспособности народа, потому что повышение зарплаты приведет к нарушению даже ныне сбалансированных цен на промтовары (одежда, автомобили и другая техника) из-за увеличения затрат их производства на оплату труда. Но если оплата труда относительно бедных трудящихся составляет, как ныне в России, 25% в себестоимости промышленной продукции, то двукратное повышение оплаты труда (т.е. на 100%) приведет к повышению цен на эти промтовары на 25%, а та часть зарплаты трудящихся, которая идет на покупку промтоваров, — на $100/1,25 = 80\%$.

К сожалению, не только во власти, но и среди интеллигенции нет понимания необходимости двукратного увеличения доли ВВП на оплату труда трудящихся для мобилизации внутренних экономических ресурсов, для ускорения экономического роста, для спасения жизнеобеспечивающих отраслей экономики (сельского и жилищного хозяйств, энергетики и транспорта) и для структурной перестройки экономики. Большинство трактует это требование исключительно как политическое: бедным бюджетникам невогноту, надо им облегчить жизнь. Но дело не только в невыносимой бедности народа и необходимости справедливости. Увеличить долю ВВП на оплату труда необходимо для того, чтобы сбалансировать экономику (когда производитель товаров и услуг получает за них оплату не ниже их себестоимости), что и создаст условия для обеспечения экономического роста.

Научный анализ показывает: для того, чтобы был экономический рост, чтобы спасти наши жизнеобеспечивающие отрасли экономики, необходим умеренный передел доходов (подчеркиваю, речь о переделе доходов, а не о переделе собственности) в пользу «бедных» трудящихся за счет уменьшения очень больших доходов богатых. Делать этот «передел» надо с помощью налогов на большие доходы и богатую собственность, акцизов на экспортируемые нефть, газ, металлы, древесину, морепродукты, пошлин на импорт роскоши, с помощью законов о минимальной зарплате и законов стимулирующих рост средней зарплаты. Т.е. нам надо строить новый экономический порядок или строй, благодаря

которому все ныне развитые и развивающиеся страны добивались и добиваются экономического роста.

А нынешний экономический строй в России по свидетельству Нобелевского лауреата по экономике Джозефа Стиглица такой же, как в худших латиноамериканских и африканских странах с полуфеодальными системами и с застойной экономикой. При этом он писал: «Если Россия сумеет задействовать свои ресурсы, то ей не нужны будут займы, а если не сможет это сделать, то от займов ей будет мало пользы».

Надо осознать: то, что народу недоплачивается, растраниживается богатыми на импортную роскошь и забавы или вывозиться за границу, а тем самым выводится из отечественной экономики и не обеспечивает спроса на отечественную продукцию. Нынешний объем растрат национальных ресурсов на роскошь и на сверхдоходы очень богатых неподъемен для нашей экономики.

Та сумма финансовых средств, которую удастся от очень богатых цивилизованно перевести бедным трудящимся (рабочим, крестьянам, инженерам, учителям, врачам, научным сотрудникам), должна идти (как Вы правильно пишете, «адресно») на оплату первейших нужд трудящихся по сбалансированным ценам.

Что имеется в виду под сбалансированными ценами. Это цены, которые покрывают затраты и дают прибыль на развитие производства. А для этого при нынешних ценах на жидкое топливо, которые в России близки к мировым (10 руб/л), квартплата должна быть 4000 руб/месяц, а не 1000 руб/месяц, хлеб должен стоить 50 руб/кг, а не 10 руб/кг, электроэнергия должна стоить потребителю 2—2,5 руб/кВт·час, а не 0,9 руб/кВт·час. Именно такие цены могут покрывать затраты производства, в том числе и износ производительных сил и их модернизацию (инвестиции). Ныне же из-за низких зарплат трудящихся цены на содержание жилья, на сельхозпродукцию, электричество, тепло и транспорт у нас много ниже мировых и не покрывают затрат коммунальщиков, крестьян, пищевиков, энергетиков и транспортников. Последние не имеют средств на обновление своих производственных фондов, которые катастрофически изнашиваются. Это страшно разрушительный дисбаланс. И мы это начинаем чувствовать по состоянию ЖКХ и сельского хозяйства.

Существуют три тезиса.

Первый — тезис «леваков»: «Все у богатых отобрать и раздать бедным».

Второй — тезис «либералов»: «Надо сначала заработать, а потом делить».

Третий — тезис науки: «Чтобы страна больше заработала и больше произвела товаров, надо правильное распределять то, что уже страной

зарабатывается. Иначе страна больше не заработает».

Наша страна ныне слишком много тратит на роскошь (джипы, мерседесы, элитные квартиры и коттеджи, казино, футбольные клубы) слишком много вывозит за границу. В результате не остается на самое необходимое. Сначала надо обеспечить первейшие нужды страны и ее народа (питание, жилье, образование, медицину, производительные силы), и лишь оставшееся на роскошь богатых.

Главный инвестор экономики — народ, получающий сбалансированную долю ВВП, сбалансированную таким образом, чтобы, как минимум, оплачивать свои первейшие нужды (жилье, питание, энергию, транспорт) по сбалансированным ценам. А для этого народ должен быть платежеспособным, т.е. получать долю ВВП за свой труд, равную 50% и более, как в развитых странах.

Пора большинству интеллигенции понять, что для спасения жизнеобеспечивающих отраслей (сельское и жилищное хозяйство, энергетика, транспорт), для структурной перестройки экономики и для экономического роста необходимо, в первую очередь, привести базисные доли экономики к балансам. Это и будет обеспечивать мобилизацию внутренних ресурсов страны, а не бесплодное ожидание инвестиций. Что это за параметры и доли ВВП?

Доля ВВП на оплату труда — поднять с 25% до 50%. В Европе и США эта доля равна 60 - 70%.

Доля ВВП на госрасходы (налоги) — поднять с фактических 20% (официально 28%) до 45%. В США эта доля равна 40%, в Европе — 45 — 65%. Децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных) — уменьшить с 15 до 6—8, как в развитых и развивающихся странах.

Более подробно эти параметры обсуждаются в моей книге «Как обустроить экономику России», которая получила одобрение Отделения экономики РАН в ноябре 2003 г.

- В.Б. Вы приводите три (только три) тезиса — «леваков», «либералов» и «тезис науки»: «Чтобы страна больше заработала и больше произвела товаров, надо правильно распределять то, что уже страной зарабатывается. Иначе страна больше не заработает». Я бы, пожалуй, не согласился с тем, что это тезис исключительно науки; он, по-моему, тяготеет к положениям, которые выдвигают сторонники социалистического пути развития экономики. Я бы тезис науки сформулировал иначе, примерно так: «Для успешного развития экономики страны необходимо опираться на объективные законы развития общества, которые едины для любых социальных систем (хотя их проявление и опосредуется спецификой системы) и на опыт наиболее успешных в смысле экономического развития стран».

Есть разные точки зрения на существование объективных законов общественного развития. Так, один из крупнейших умов XX века К. Поппер отрицал наличие таковых. Признавая наличие объективных законов, я присоединяюсь к традиции, к которой принадлежал Маркс (хотя понимаю историческую ограниченность и ошибочность многих положений его доктрины).

Что касается высказывания Стиглица, то в работах уже почти классика западной политологической мысли А. Пешевского середины 1980-х гг. обосновывается положение о том, что переход к рыночной экономике может иметь результатом вовсе не относительно эффективную экономику западного типа, а коррумпированную экономику некоторых латиноамериканских стран. Столь же рыночную по своему статусу.

Р.Н. Утверждение об объективных законах и Вашей ипакировке тезисов науки для меня настолько очевидно, что я назову его тривиальным. Это одно из сверхобобщенных утверждений (типа: «надо жить правильно»), за которыми фактически отсутствует что-либо конкретное, и нет смысла его подтверждать или оспаривать.

В.Б. Тем не менее, я считаю его важным (вообще и для нашей дискуссии в частности), поскольку его принятие предполагает, что у РФ нет никакого «особого» пути и лечить ее недуги нужно тем же самым «аспирином», а не изобретать новое чудодейственное средство, предназначенное для локального употребления.

Р.Н. С этим замечанием в некотором смысле я согласен. Тем более из него следует, что России надо стремиться к вышеуказанным «безразмерным стандартам развитых и развивающихся стран» или правильного распределения ВВП. Конечно, для этого требуется время, политическая воля и усилия. Подчеркиваю — огромные усилия, а не ожидание, что все само «устаканится».

В.Б. Вы фактически рассуждаете в духе чисто монетаристского подхода — «поднять долю ВВП..., уменьшить децильный коэффициент». Илларионов, которому Вы возражаете, также пишет о «монетарном» факторе — уменьшении госрасходов. Конечно, это один из множества параметров, определяющих темп экономического развития, и все параметры учесть нельзя в принципе (а если можно было бы, то соответствующая система уравнений являлась бы, наверное, неразрешимой) и даже выразить, как Вы правильно замечаете, числом.

Я с Вами, Роберт Искандерович, совершенно согласен, что и децильный коэффициент, и доля ВВП, которая уходит на зарплату, и многие другие параметры у нас резко отличаются от остального — «успешного» — мира; что без приближения этих параметров к мировым об успешности нашей экономики говорить трудно. Однако полагаю, что невозможно сделать

это внеэкономическими, так сказать, методами невозможно: система при реформировании, даже достаточно длительном и правильном, в конечном счете, достигает указанных соотношений. Мы можем страстно желать, скажем, увидеть нашего ребенка взрослым (и зрело хотя бы мыслящим), но ускорить этот естественный процесс фактически невозможно. Девять месяцев дала природа на рождение новой жизни, и сократить этот срок не получится.

Я хотел бы обратить Ваше внимание, что советник президента по экономическим вопросам А. Илларионов все-таки прав, когда связывает возможность российского «экономического чуда» с реформой государственного управления: в нынешнем состоянии оно низводит до самого минимума (а часто и просто извращает) любые рыночные реформы.

А.Илларионов, однако, ошибается в расчете ВВП на душу населения. По его оценкам он дает \$5000 (возможно, здесь он имеет в виду покупательную способность), а Всемирный банк оценивает таковой в \$2300–2400. Оценки Всемирного банка совпадают с другими оценками. Казалось бы, какая разница — \$5000 или 2400? Как показывают мало известные в России западные исследования — принципиальная. От ВВП на душу населения зависит продолжительность и «качество» демократии. Эти закономерности были замечены на основе анализа более двух сотен государств. Так, демократия в стране с ВВП на душу населения в \$1000 в среднем имеет шанс продлиться не более 8–9 лет; если \$1000–\$2000, то 16 лет, \$2000–\$4000, то 33 года, \$4000–\$6000, то 100 лет. При достижении ВВП на душу населения более \$6000 демократия уже становится необратимой.

В этих же исследованиях, возрождающих в некотором смысле экономический детерминизм, установлено, что, вопреки широко распространенному мнению, диктатура (авторитаризм) вовсе не гарантирует большую экономическую эффективность, нежели демократия.

Полагаю, что нашим политикам и экономистам было бы полезно знать и учитывать эти объективные закономерности, которые неумолимо «правят» миром.

Р.Н. Я разделяю Ваши утверждения о влиянии подушного ВВП на уровень демократии и о завышенной оценке авторитаризма в обыденном сознании. Но увеличение ВВП связано не только с совершенствованием администрирования, но и со сбалансированностью экономики, сокращением потерь на роскошь.

Что же касается Вашего замечания об экономическом детерминизме. Хотя математическое моделирование макроэкономических объектов очень сложно, но не настолько, чтобы его избегать. Вы пишете: «все параметры учесть нельзя в принципе (а если можно было бы, то соот-

ветствующая система уравнений была бы, наверное, неразрешимой)». Это не так. Например, существует метод межотраслевого баланса выдающегося русского американца В.В. Леонтьева (с которым мне удалось пообщаться), основанного на системе нескольких сотен линейных дифференциальных уравнений производства продукции, ее потребления и распределения. Системы этих балансовых уравнений разрешимы, а сам метод широко применяется в развитых странах. За него В.В. Леонтьев получил Нобелевскую премию.

В своих статьях я поддержал тезис А.Илларионова (который Вы тоже отстаиваете) о необходимости реформы государственного управления и сокращения власти чиновника в экономике. Я возражаю только, когда мое конкретное утверждение о необходимости правильно распределять национальный доход Вы относите не к научному, а к тяготеющему «к положениям, которые выдвигают сторонники социалистического пути развития экономики». Опять обсуждение не идеи, а только приклеивание ярлыка к авторам или сторонникам утверждения («социалисты», «монетарный подход», раньше было «идеалисты», «ревизионисты», «оппортунисты» и т.д.).

В.Б. Причем здесь «приклеивание ярлыков»? И в науке, и в политике, и в экономике есть определенные — более или менее выраженные — позиции, которые имеют свое название. В основаниях математики, Вы знаете, есть сторонники интуиционизма (конструктивизма), формализма, логицизма — и каждое из этих направлений имеет право на существование.

Р.Н. Я не против названий позиций. Но «приклеивание» названий к позициям должно быть, во-первых, доказательным, а во-вторых, нельзя этим «приклеиванием» названий ограничиваться. Надо обсуждать суть утверждения или «позиции» в рассматриваемых условиях. Сформулированное выше мое утверждение о необходимости правильного распределения национального дохода никакого отношения ни к социализму, ни к монетаризму не имеет. Это экономический факт, следующий из экономического баланса.

Причем здесь «социализм» и «монетарный подход», когда утверждается, что темп экономического роста существенно зависит от распределения ВВП между разными слоями населения? Причем здесь «социализм» и «монетарный подход», когда ни в одной развитой и развивающейся стране нет доли ВВП на оплату труда ниже 50-55%? А в России доля оплаты труда в ВВП равна 25% (по отношению к полному ВВП с учетом вклада в ВВП теневой экономики), а теневая экономика составляет аж 40% от ВВП. При этом во всех этих странах доля теневой экономики не превышает 12%. А ведь платежеспособный спрос, определяемый фондом оплаты труда

— единственный двигатель рыночной экономики. И это утверждение относится к «азам» экономической теории. При этом творец немецкого экономического чуда Л.Эрхард говорил, что покупательский спрос должен умеренно опережать производственные возможности.

Кстати, примитивный («левацкий») «социализм» отличается избыточным стремлением сделать все жизнеобеспечивающие товары и услуги для народа принудительно дешевыми, а в крайних проявлениях — даже бесплатными. Это может быть только в «принудительной» (по терминологии Л.Эрхарда) или «командно-административной» экономике, в которой все возникающие дисбалансы из-за заниженных по сравнению с затратами цен покрываются из госбюджета¹. А для устойчивости «рыночной» (свободной) экономики и демократического общества необходимо, чтобы цены и зарплаты были сбалансированы, т.е. покрывали затраты. Именно это положение, «забытое» народом, и является основополагающим в экономической теории.

В.Б. Полагаю, что на «сбалансированные» показатели можно выйти в результате «нормального» экономического развития. Как пропорции у молодого организма отличаются от пропорций старого, и экономические показатели страны, становящейся на рельсы рыночной экономики, отличаются от показателей страны с более или менее полноценной рыночной экономикой. Кроме того, «баланс» в каждый конкретный момент с большей или меньшей степенью погрешности определяется состоянием экономики. Если попытаться сейчас выдержать предлагаемые Вами пропорции, так сказать, на 100%, то вполне вероятно, что рухнет здравоохранение, пенсионная система и т.д. Конечно, нужно стремиться к указанным Вами пропорциям и увеличивать зарплату (какой смысл в рекордном золотовалютном запасе, если он лежит «мертвым грузом!?). Но главное, как мне кажется, это достижение высокого уровня экономической свободы, подавление коррупции, обеспечение прав человека и т.д.

Р.Н. Здесь я хочу уточнить. Вы правы, «баланс» зависит от состояния экономики. Но я говорю, что доля ВВП на оплату труда, равная 25% в нынешних условиях России аномально низка и тормозит развитие экономики «задавленным» спросом на отечественную продукцию. Ее надо решительно поднимать за счет умеренного сокращения доходов очень богатых, чтобы обеспечить рост экономики. Это трудно, можно «сорваться» в инфляцию, но это надо делать, иначе деградация

¹ Кстати, в некоторых случаях стремление «социализма» занижать цены на некоторые товары и услуги и компенсировать соответствующую недоплату покупателем за счет госбюджета, очень благотворно для развития народа. Вспомним дешевые книги, билеты в театр, бесплатное для студентов высшее образование, бесплатную медицину и т.д.

экономики, народа и государства. То же о госрасходах и децильном коэффициенте.

Да, нужны экономические свободы, подавление коррупции, обеспечение прав человека, но без обеспечения отстаиваемых мной балансов и пропорций мы не подавим коррупцию, не обеспечим свободы и т.д. Все надо делать согласованно, но решительно.

Далее Вы говорите: «если попытаться выдержать предлагаемые мною пропорции, то вполне вероятно, что рухнет здравоохранение, пенсионная система и т.д.». Как раз наоборот. Именно нынешний дисбаланс из-за заниженной доли госбюджета в ВВП приводит к разрушению здравоохранения, пенсионной системы, образования и т.д. из-за недофинансирования. Чтобы спасти эти сферы надо их финансировать, увеличивая госбюджет за счет сокращения сверхвысоких доходов богатых в той степени, в какой это делается в развитых и развивающихся странах.

В.Б. Сравнительная политология (которая включает и то, что можно было бы назвать «сравнительной экономикой») достаточно однозначно свидетельствует, что сокращение госрасходов ускоряет экономический рост. В этом плане Илларионов исходит лишь из некоторой статистической закономерности.

Р.Н. Как это ни парадоксально для Вас и большинства «российской интеллигенции», это утверждение ошибочно в двух аспектах. Во-первых, сокращение госрасходов не всегда может привести к экономическому росту. Ведь госрасходы не только груз на экономике, они могут быть механизмом и даже стимулом роста экономики, причем не только в долгосрочной перспективе (образование, наука, оборона, экология), но и в краткосрочной перспективе. Например, таковым может быть строительство дорог, освоение новых территорий, новых видов энергии, иницируемых госбюджетом, что бывало во многих странах, в том числе в США, Германии, Франции.

Во-вторых, «некоторая статистическая закономерность», из которой, как Вы утверждаете, исходит Илларионов, не существует. Более того, Илларионов «устанавливает» ее сам, но с грубыми подтасовками. Неужели Вы этого не поняли, прочитав мою статью в «Вопросах экономики»? Для инженера и физика достаточно взглянуть на рисунки в моей статье, чтобы понять подтасовки А. Илларионова, происходящие из-за того, что его плохо учили математике в университете.

Конечно, госрасходы не должны быть избыточными, кормить бюрократию, быть источником для чиновничьих и идеологических прожектов. Именно эти избыточные госрасходы могут стать тормозом экономического роста. Поэтому доля госрасходов в ВВП имеет оптимум, как с

точки стимулирования экономического роста, так и с точки устойчивости общества и страны. В развитых и развивающихся странах этот оптимум установлен экспериментально и обоснован теоретически, и там доля государства в ВВП равна 40 – 65%. В северных странах (Швеция, Финляндия, Норвегия, Канада, Исландия) она выше (50-65%), чем в южных. В США – 40%, во Франции и Германии 45%. В России эта доля (доля консолидированного госбюджета в официальном ВВП) ныне равна 28%, а если учесть в ВВП вклад теневой экономики, то она составляет всего 20%.

Это не значит, что в России не надо экономить госрасходы. Надо и очень надо, в частности, на содержание чиновничества, «масса которого явно избыточна, а по качеству настолько воровата, что своими «коррупционными поборами», угнетает и даже «убивает» экономику. Но необходимые для общества госрасходы на образование, науку, армию, строительство дорог, освоение новых технологий и т.д. надо увеличивать.

В.Б. Я согласен с Вами, что снижение госрасходов – вовсе не панацея. Большой пласт литературы по этой проблеме до получения Вашего письма мне был не известен. Сейчас я посмотрел кое-какие работы и увидел, что на самом деле доля госрасходов в экономически развитых государствах может быть очень различной. Для России я все-таки полагаю, что доля госрасходов должна быть невысокой – в силу давней традиции у нас отношение к этой собственности плевое, как к ничейной...

Р.Н. Рад сближению наших позиций. Вы утверждаете, что доля госрасходов в России должна быть невысокой. А какой невысокой? Как сейчас? Но это через несколько лет убьет государствообразующие сферы России: образование, армию, науку и т.д. Разве это не ясно? Чем отличается научное рассуждение от обыденного? Во-первых, опорой на эксперимент, практику, статистику, анализ «механизмов» явления. Во-вторых, опорой на теорию (обобщенный предыдущий опыт), на установленные законы или закономерности, с учетом анализа применимости этих закономерностей к изучаемым ситуациям. При этом надо «не только объяснять мир, но и переделывать его» с целью совершенствования.

У Вас же суждения по поводу моих конкретных утверждений или «обыденные» или слишком обобщенные («слишком» философские). Я инженер, математик и рассуждаю, в каком направлении и с какой интенсивностью нужно президенту, правительству и Госдуме стараться менять экономические параметры. Такой подход наряду с философским тоже актуален.

Вы полагаете, что «сделать это (приближение экономических параметров к мировым) внеэкономическими, так сказать, методами невозмож-

но: система при реформировании, возможно достаточно длительном и правильном, в конечном счете, достигает указанных соотношений». Это почти верная, но обезоруживающая мысль типа: сиди и не «трепыхайся», всему свое время. Это все равно, что говорить милиционерам верную мысль: «Как вы не старайтесь, но преступность вы не искорените — для этого нужно изменить социальные и экономические условия, а для этого требуется время (как для рождения ребенка требуется 9 месяцев), и вы со своими “внеэкономическими методами” бессильны». В действительности же, для искоренения преступности надо менять и социально-экономические условия, и ловить конкретных преступников. И не в коем случае не противопоставлять одно другому.

Потом, почему Вы так уверены, что нужно «длительное» время для установления верных долей ВВП на труд, госрасходы и на содержание очень богатых? «Длительное» — это сколько? Двадцать, пятьдесят, сто лет? Потом, почему «внеэкономическими»? Высокие налоги с богатых (50–60% с их доходов и 4–5% годовых со стоимости их личной недвижимости), законы о минимальной зарплате, законы, стимулирующие рост средней зарплаты, пошлины на импорт роскоши — не являются «внеэкономическими». Они — практика всех развитых и развивающихся стран, и это пример экономической деятельности демократического государства с рыночной экономикой.

Исключения только в полуфеодальных и отсталых странах в Африке и Латинской Америке. Почему же не стоит объяснять народу апробированные на практике и в теории верные экономические идеи уже сейчас? Мы же хотим, чтобы народ более осознанно голосовал за партии, депутатов и президентов!

Неужели не ясно, что если для нормализации финансирования образования, науки, армии, экологии ждать экономического роста, то Россия деградирует. Государство должно создавать механизмы перераспределения, как это сделал в свое время Ф. Рузвельт в США, Л. Эрхард в Германии и др.

У нас много средств тратится на роскошь. Именно эти траты на роскошь 3% населения — непомерный груз для экономического роста, а не госрасходы на образование, науку, армию, правоохранительные органы, обновление производства, спасение ЖКХ. На роскошь надо траты уменьшить (с помощью налогов, пошлин), а эти траты перевести в реальную экономику, на острейшие общегосударственные и народные нужды. Ведь в США, Европе и других развивающихся странах состоятельные люди платят в виде налогов 40–60% своих доходов. Почему тезис о необходимости приведения макроэкономических параметров России к значениям, характерным для развивающихся и развитых

стран и обоснованным в экономической теории, нельзя поставить перед народом, депутатами и правительством? А Вы намекаете: надо подождать, потому что «внеэкономическими методами» их невозможно установить. На это Ваше «подождать» я Вам скажу, что промедление и ожидание «у моря погоды» - смерти подобно. Через два-три года Вы это почувствуете по ЖКХ — будут массовые отключения тепла зимой, в том числе и в Ульяновске, а не только во Владивостоке, а необходимые для спасения ЖКХ средства проматываются на джипы, мерседесы, казино и пр., ожидая пока не сработают какие-то не «внеэкономические» методы и не начнется поток мифических инвестиций.

Конечно, достичь оптимальных значений макроэкономических параметров мгновенно невозможно. Но те, кто работает в Думе и правительстве, мыслящие избиратели, должны эти значения знать. Они выявляют вектор реформирования, показывающий, к чему надо приближаться, как вести правильную экономическую политику. Главным в экономической политике государства является установление правильных налоговых законов, законов о минимальной оплате труда, законов, стимулирующих рост средней зарплаты. Налоги должны быть не «плоские» — со всех 13%, а с «прогрессивной» ставкой: чем богаче гражданин, тем большую долю доходов он должен платить в виде налогов. Налоги должны минимизироваться с сумм, которые направляются на открытие новых рабочих мест, покупку средств производства, расширение производства, но налоги на покупку роскоши, особенно импортной, должны быть высокими (100—200% их стоимости) и т.д. В Китае пошлины на ввоз дорогих автомобилей доходят до 300%. Минимальная месячная зарплата должна быть не меньше, чем стоимость 400 кг хлеба или 7000 кВт·ч электроэнергии. Средняя месячная зарплата должна быть не меньше стоимости 10 000 кг хлеба или 15 000 кВт·ч электроэнергии. Как на грузовой автомобиль надо ставить двигатель в 150—200 л.с. (а не 50 л.с.), и в экономике надо стремиться к апробированным нормам. Независимо от «социализма», «капитализма», «монетаризма» и «либерализма».

Вы правы. Необходимо создавать условия «экономической свободы», обуздывать чиновничество, коррупцию — об этом почти все говорят и понимают (по крайней мере, интеллигенция). Но та же интеллигенция не понимает, что повышение оплаты труда и «адресное» использование этого повышения является фактором экономического роста, а не инфляции. А «социализм» или «монетаризм» в качестве «клея» для указанных идей здесь неуместны.

В.Б. Очень важно учитывать мировой опыт. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Норт в свое время показал, что развитие одного сектора экономики может стимулировать рост других секторов, ведет к

межрегиональной торговле. При этом организационные факторы (экономические, политические, социальные) играют более важную роль, нежели технические, поскольку ведут к образованию социальных институтов, интенсифицирующих самоорганизацию социального организма. Особо важны стимулы, основанные на правах собственности. Конечно, существенным моментом в обществе является доля ВВП, распределяемая государством и стабильность правил этого распределения.

Движение по направлению к рыночной экономике может занять десятилетия (при нашей-то привычке к «двум шагам вперед и шагу назад!»). И более того, вообще иметь результатом рыночную экономику, образно выражаясь, боливийского типа. Это ведь недетерминированный процесс. Плоская шкала налогообложения введена для того, чтобы вывести налоги из тени. Едва ли не половина товарооборота у нас «теневая». Не вполне, правда, ясно каков результат этого нововведения... Я считал бы прогрессивный налог более эффективным со всех точек зрения (не случайно за него боролся М.М. Сперанский, хотя 15 лет спустя его кончины он все-таки был отменен), но со значительно большим верхним порогом.

Р.Н. Да, наша жизнь в значительной степени недетерминирована. Но мы (каждая личность, клан, народ, государство и т.д.) боремся «за счастье под солнцем». Хотим как лучше. Руководствуемся здравым смыслом (опытом), наукой (обобщенным опытом) и чем-то другим. Опыт говорит, что налоговая шкала должна быть прогрессивной, «но со значительно большим порогом». С каким же? В США если доход меньше 12 тыс. долларов в год, вам ваши налоговые отчисления возвращаются. Но там средняя зарплата около 25 тыс. долларов в год. Если у вас зарплата 70 тыс. долларов в год, то вы платите около 40% в виде налогов и страховых и пенсионных отчислений. Если 200 тыс. долларов в год то около 50%. Если у Вас дом стоимостью 200 тыс. долларов, то вы платите 8–10 тыс. долларов в год в местный бюджет. Попробуй, не заплати.

Налоги, акцизы, пошлины должны быть направлены на то, чтобы уменьшить траты на роскошь, а соответствующую экономию перевести в реальную экономику, на острейшие общегосударственные и народные нужды.

В.Б. Я полагаю, что очень многие наши экономические неурядицы лежат, увы, в политической плоскости. По-прежнему, как и при большевиках, политика имеет первенство над экономикой, по-прежнему (и в большей степени, чем ранее) страна живет не в условиях верховенства закона, а «по понятиям».

Многие региональные «бароны» — вопреки Конституции — могут и будут сидеть на своих креслах до «предела». Эти «бароны» всех уровней душат

конкурентов и работают, исходя не из интересов региона или страны, а лишь своего собственного кармана (или кармана своих родственников). У них все давно «схвачено» и новые люди, способные изменить ситуацию, просто не в состоянии пробиться. Монополизм служит катализатором преступности. Страна лишается и так слабой, еле-еле обозначившейся системы обратных связей, политическая сфера — инструментов «сдерживания и противовесов», без которых естественное развитие общества невозможно. Власть живет сама по себе. Даже такой инструмент обновления как выборы не работает — фальсификации (особенно в республиках) чудовищны.

Я вполне с Вами, Роберт Искандерович, согласен, что чрезвычайно важно поднимать внутренний спрос, что нужно совершенствовать налоговую систему. Но надо это делать, руководствуясь «наукой» и имеющимся опытом. Опыт показывает, что степень экономической свободы у нас крайне низка (и имеет тенденцию к понижению). Все-таки велики налоговые нагрузки, свирепствует государственный рэкёт, неустойчивые права собственности, масса таможенных ограничений, низка мобильность рабочей силы и капиталов (по сравнению со странами «золотого миллиарда»). Опять-таки опыт показывает, что экономическое развитие напрямую зависит от степени экономической свободы. Ее увеличение же противоречит интересам политических и экономических «элит», имеющих свое и плюющих на основную массу населения.

Р.Н. Да, налоги надо сокращать с реального производства, с затрат на средства производства, но увеличивать со сверхдоходов, с природно-ресурсной ренты за экспорт нефти, газа, металлов и т.д.

Все, что Вы пишете о региональных и «национальных» баронах, одновременности всех выборов, чудовищной их фальсификации и т.д., я полностью разделяю. Тем более, что испытывал, а сейчас особенно испытываю всю «прелестную силу» опричников-чиновников в своем регионе.

Но понимает ли наша интеллигенция, что в последние 4 года произошла существенная консолидация чиновничества под флагом наведения порядка и усиления центра? Ведь, став больше «кланяться» центру, оказывать ему политические и другие услуги, региональные бароны стали еще агрессивнее давить свой народ, нарушать законы и присваивать ресурсы, увереннее опираясь на «центр». Я только осторожнее бы выступал за «существенное территориальное укрупнение субъектов федерации и замену национального деления России простым административным делением, т.е. создание симметричной федерации».

Начнем (а точнее, начнут и продолжают чиновники) перекраивать, запутаем народ с перенесением центров и перераспределением функций

между Тулой, Курском и Калугой, между Казанью, Самарой и Нижним Новгородом, между Уфой, Екатеринбургом и Челябинском, между Махачкалой и Ростовом. Даже пока слабые федеральные округа показали свои пустые потуги, бессмысленность и мощный потенциал чиновников к размножению. Уж что, а проводить и обозначать чиновничьи и административные реформы наши «государственные мужи» и чиновники любят.

Много резервов улучшения и при нынешнем административном делении, которому уже пару сотен лет (я сейчас не говорю об этнической компоненте в административном делении). Надо только ограничить всевластие царей, наместников и баронов-царьков. Все даже «самые гениальные и любимые народом» президенты и губернаторы не должны занимать свои должности более двух сроков по 4 года. Надо осознать порочность «самой вредной» русской поговорки: «Коней на переправе не меняют». Эта порочно организованная «переправа» становится перманентной.

Телевидение и радио не должны никоим образом контролироваться чиновниками, подчиненными исполнительной власти. Все депутаты и все партийные лидеры, в том числе и региональные, должны иметь гарантированное право выступать с отчетами и своими программами по телевидению и радио². Деятельность местных органов и правоохранительных органов должна быть открытой и под наблюдением не только контрольных госорганов, но и партий. Никаких этнических преференций в административном аппарате и т.д. Это довольно простые и очевидные идеи. Интеллигенция их лучше понимает, нежели идеологию решения экономических проблем. В каком-то смысле «политика» проще для понимания, чем «экономика». Но это не значит, что не надо обсуждать проблемы совершенствования государственных дел. Я разделяю Ваши предложения в этом направлении. Я, в частности, в Госдуме предлагал установить один день в году в качестве Дня Выборов (как в США), и все выборы Президента РФ, президентов и губернаторов, всех депутатов проводить только в этот день, оговаривая процедуру назначе-

² В моей недавней избирательной компании в Госдуму в 2003 г. в Уфе мне было предоставлено время для выступлений на ТВ в 12-50 и в 17-50, когда телевидение смотрит наименьшая зрительская аудитория, хотя по закону о выборах это время должно быть с наибольшей зрительской аудиторией. Все наши попытки добиться выполнения закона были проигнорированы руководством Башкирского телевидения, несмотря даже на указание представителя избирательной комиссии. Всем главам администраций была дана команда не допускать моих встреч с избирателями, и некоторые главы признавались в этом моим помощникам. Все мои встречи были сорваны. Подчеркиваю – все. Была организована дезинформация населения о том, как я голосовал и многое другое. Власть научилась «в совершенстве» делать для себя выборы, попирая закон и нормы приличия.

ния исполняющего обязанностей вакантной должности. Постоянные выборы народу надоели. Кроме того, я предлагал исключить деньги из выборных компаний кандидатов, которые должны получать агитационные средства «бартером» за счет госбюджета, а не их коммерческих структур (см. мою книгу «Как обустроить ...» и «Моя депутатская работа»). Председатель ЦИК А. Вешняков отреагировал на мои предложения и обещал их обдумать. Не очень верю, но надо доказывать.

В.Б. Кстати, о необходимости одновременных выборов (включая выборы и в Совет Федерации) я писал еще в 1998 г. в статье «Сцилла и Харибда российской демократии: партийное строительство и федеративное устройство» в журнале «Посев» (№9). Эвфемизм «административный ресурс» часто проявляется не просто в доминировании одной — представляемой властью — точки зрения в СМИ, но и зачастую в грубо прикрытых фальсификациях результатов выборов. Я и мои коллеги, а также западные наблюдатели на выборах в Татарии, подробно описали эти проявления в книге «Особая зона: выборы в Татарстане»/ Под ред. В.В. Михайлова, В.А. Бажанова, М.Х. Фарукишина (Ульяновск, 2002).

Р.И. Вина российской власти не только в том, что она не понимает базисных положений экономики, не только в ее коррупционности, но и в том, что она не допускает беспристрастного обсуждения важнейших проблем страны перед своим народом и в условиях противостояния оппозиции. А народ может прийти к истине и сделать сознательный выбор, когда высшие руководители доказывают свою состоятельность «лицом к лицу» с оппозицией и перед народом, когда программы Президента и Правительства оспариваются её лидерами с их альтернативными программами. Посмотрите, как это делается в США и других демократических странах. Только в таких публичных дискуссиях лидеров власти с лидерами оппозиции народ сможет сделать сознательный выбор. У нас же политические дискуссии организуются только В. Познером, С. Сорокиной, В. Соловьевым и С. Шустером. Но руководители государства в дискуссиях с лидерами оппозиции не участвуют. Они научились «уважать себя заставить» — «и лучше выдумать не могут». Поэтому условий для сознательного выбора народом своей власти нет. В результате народ и власть дезориентированы. И в этом большая доля вины нынешней власти. А через три-четыре года начнется системный и даже катастрофический кризис в стране.

Резюмируя, я должен сказать, что позиции наши сблизилась, и обмен мнениями был взаимно полезен.

ГИПЕРИМПЕРИЯ США ИЛИ МИРОВАЯ ДЕРЖАВА РОССИЯ? *

© Ю.В. Крупнов (Россия)

Помощник депутата Государственной думы
Российской Федерации

Величайший перелом

Человечество в 21 веке становится рефлекслирующим, то есть выявляющим условия, предельные основания и цели своего существования. Заканчивается и переходит в новое качество старое «осевое время» о котором полвека назад в книге «Истоки истории и её цель» писал немецкий философ Карл Ясперс: «Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до Р.Х., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 годами до Р.Х. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы будем называть осевым» [1].

Сегодня же мы находимся в «поворотной» точке или, если использовать известное выражение Ильи Пригожина, в «точке бифуркации».

Выдающийся русский логик и социолог А.А.Зиновьев утверждает, что «после Второй мировой войны начался величайший перелом в социальной эволюции человечества...» [2]. Известный американский социолог Иммануэль Валлерстайн в 1997 году также заявляет, что «современная миросистема, как система историческая, вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет...» [3].

Что же является особенностью переживаемого величайшего перелома? Как его можно попытаться охарактеризовать?

Перелом состоит в том, что не работают известные способы общественной организации; возникает необходимость определения новых способов

* Статья публикуется в порядке дискуссии.

и нового миропорядка, что потребует целенаправленного преобразования и развития мира и, соответственно, появления человечества как субъекта и единой организованной силы решения мировых проблем.

Если в первом «осевом времени» через предшественников Иисуса Христа произошло явление в мир «Я-сознания», принципа личности и было положено начало «оси мировой истории» (по Г.Ф. Гегелю), самому деятельному и преобразующему отношению к миру [4], то теперь требуется реализация принципа личности по отношению ко всему мировому целому как единственная возможность поддержания справедливого миропорядка.

Сегодня уже невозможно верить лишь в «объективные тенденции», поскольку они непосредственно создаются самим человечеством и на деле оказываются не внешними «естественными процессами», а реализуемыми проектами.

От человека теперь требуется действовать не только в мире, но и с самим миром. Мировоззрение теперь начинает определяться по мировому действию. Универсальной чертой грядущего нового «осевого времени» становится мировое развитие, способность его программирования и организации.

Для этого требуются и уже возникают новые типы государственности.

Новые государственности 21 века

Государственность есть форма существования народов во всемирной истории и, таким образом, инструмент реализации личного и общественного спасения и бессмертия. Именно поэтому она является самой интимной стороной человеческой жизни. И глубоко неправы те, кто противопоставляет ей личность, смешивая с государственностью госаппарат и, соответственно, перенося на государственность малоинтересные ситуации противостояния «человека и государства», «государства и гражданского общества». Именно в государственности личность человека получает наивысшую реализацию и выявляет себя в полной мере. По крайней мере, российская государственность начинается с личности и существует вокруг принципа личности. В первой половине XIX века родоначальник русской философии И.В. Киреевский определил, что «в устройстве русской общественности личность есть первое основание» [5]

Критикуя либеральное непонимание и даже опошление государственности, когда её сводят к бездушной и призванной обслуживать бюргеров машине, немецкий философ и правовед Карл Шмитт выдвинул следующую формулу: суверенитет есть способность устанавливать чрезвычайное положение. Здесь очевидно представление государственности как активной творческой силы, субъектной и самодействующей, чувствительной к опасности уничтожения, к угрозе смерти.

Такое представление показывает подчинённый и вторичный смысл

другой известной формулы, которую, в частности, подробно описал Макс Вебер: суверенитет и государственность существуют в монополизации применения насилия.

Но и шмиттовское понятие государственности сегодня недостаточно. Государственность не просто сила, способная «вздрагивать» от угрозы, «просыпаться», мобилизоваться и защищаться при необходимости. Государственность сегодня — это способность относиться ко всей тотальности миробития, эпохальным вызовам и мировым проблемам, способность упорядочивать международные отношения и принимать на себя ответственность за мировое развитие. Государственность 21 века есть способность производить миропорядок.

Что это означает? Как можно представить такую государственность?

Во-первых, изменилось пространство или поле ответственности государственности: она принуждена быть общеземной или повсюдной. Повсюдность — это термин русского мыслителя В.И. Вернадского, который неоднократно писал о ней как ведущей характеристики жизни тотально и неограниченно распространяться и всюду проникать, образуя оболочку Земли — биосферу, укутывая ею Землю как планету.

Не только национальные государства (классическое nation-state), но даже и классические империи никогда не претендовали на реализацию своей власти в буквальном всемирном масштабе.

Британская или Российская империи, к примеру, потому и сталкивались на своих границах, что у них были ясные и натурально, физически, существующие границы. Британское Содружество (Commonwealth), охватывая страны на всех континентах, оставалось при этом неповсюдным и частичным, покрывало Земной шар пусть большими, но «пятнами».

Совсем другое дело, когда государственность начинает распространяться по всему Земному шару и стремиться к деятельному присутствию в буквально каждой его точке, когда сам Земной шар, или, как его определяют геологи, геоид, становится рутинным и банальным предметом государственной работы, становится ведущим условием решения стратегических задач.

В военной доктрине США появляются, к примеру, такие характеристики боеспособности вооруженных сил как возможность одновременно вести в любых точках Земного шара две локальные войны. Или возникают такие рабочие определения как «ось зла» президента Дж. Буша-младшего, когда подобная «ось» включает в себя не частное земное пространство своей империи, которое взбунтовалось, а последнее оставшееся недоосвоенным для США пространство Земного шара.

Для всех, кто внимательно анализирует так называемую «войну с международным терроризмом», очевидно: она является в первую очередь средством

полагания всеохватного господства, когда «глобальные террористические сети» выступают не столько угрозой для США, сколько обозначением всеземного объекта действия и присутствия [6].

О повсюдности действия новой американской государственности чётко заявлено в доктрине преземптивной войны (preemptive war), которая была представлена Дж. Бушем 17 сентября 2002 г. в виде ежегодного официального документа «Национальной стратегии обеспечения безопасности США» (National Security Strategy of the United States): «США находятся в состоянии войны с террористами, которая ведётся повсюду на Земном шаре... Мы уничтожим террористические организации посредством ... определения и уничтожения любой угрозы до того, как она достигнет наших границ. При всём стремлении США всегда и везде заручаться поддержкой международного сообщества, мы, если необходимо, ни в коем случае не остановимся перед принятием односторонних решений и действий в целях реализации нашего права на самозащиту посредством преземптивного действия против террористов, чтобы не дать им возможности свободно действовать против наших сограждан и нашей страны» [7].

Общеземной масштаб становится определяющей характеристикой государственности. Для мыслящей государственной элиты девизом становится перевернутая популярная формула 80-х годов прошлого века: «Мысли глобально и действуй глобально» (старая формула: «Мысли глобально, действуй локально» — Think globally, act locally).

Во-вторых, государственность 21 века получает свою легитимность и динамизм в предложении всем народам и странам мира наилучшего универсального порядка.

Неоднократно высказывал свою позицию по вопросу мироустройства президент США Дж. Буш-младший. Так, выступая 1 июня 2002 года перед выпускниками знаменитого Вест-Пойнта — главной Военной Академии США — он однозначно заявил, что на конец прошедшего века «выжила и оказалась дееспособной только одна-единственная модель прогресса человечества» («a single surviving model of human progress») и что Вест-Пойнт является стражем тех ценностей, формирующих солдат, которые, в свою очередь, формируют историю мира» («the guardian of values that have shaped the soldiers who have shaped the history of the world», The New York Times, 02.06.2002).

Чрезвычайно показательным является это выражение «to shape the history of the world», которое вполне возможно перевести не просто как «очерчивание истории мира», но и как мирошейпинг — тот главный бизнес, которым и призвал заниматься элитных офицеров — завтрашний костяк армии США и НАТО — Дж. Буш.

И совсем неудивительным в рамках универсалистской логики новой государственности, которая стремится распространять и «экспортировать»

свою версию наилучшего мироустройства, следующее, к примеру, высказывание советника президента США по национальной безопасности Кондолизы Райс от 14 марта 2004 года по телеканалу NBC: «Мы считаем, что лучшее, что может сделать Россия — это попытаться проводить в жизнь западные и демократические ценности».

Поворот к повсюдным или геоидным государственным, изначально охватывающим весь Земной шар, начал происходить с появлением ядерного оружия, способного напрямую и фактически поражать любую его точку, и с всемирных СМИ, медиа-сетей, которые не только пронизывали весь земной эфир, но и стали тиражировать и навязывать всему мировому населению образы «лучшей системы» (разумеется, разных для двух сверхдержав [8]). Своё окончательное выражение и закрепление данный поворот получил с началом освоения космоса, когда появились люди, посмотревшие на Землю из Космоса, извне, «оттуда», и когда через фото и телевидение эти картины геоида стали доступными для всех.

Наряду с пространственным охватом человечеством всего Земного шара большое значение имеет невиданный рост народонаселения и формирование человеческих масс, что имеет не только негативный смысл, выраженный в известной работе Хосе Ортега-и-Гассета «Восстание масс», но и позитивный, интересно описанный немецким теологом Р. Гвардини: в первые годы после Второй мировой войны он зафиксировал конец нового времени и появление «людей массы» [9].

Если в последние два столетия типичными формами государственности были нации или империи, то сегодня на наших глазах рождаются принципиально новые формы (например, гиперимперии и мировые державы), а старые нации и империи становятся своего рода «строительными кубиками» или глобальной силы-мощи.

Новые государственности рожают совершенно новые переустроительные идеи. Прекрасно выражает это в своём почти поэтическом эссе Майкл Игнатъевф (Michael Ignatieff): «Какое ещё слово, кроме слова «империя» в состоянии описать ту внушающую трепет силу, в которую на наших глазах превращается Америка? Она сегодня — единственная нация, которая определяет ситуацию в мире через пять глобальных военных группировок; держит под ружьём более миллиона мужчин и женщин на четырёх континентах; размещает авианесущие боевые соединения в состоянии полной готовности в каждом океане; гарантирует безопасность и выживание самым разным странам от Израиля до Южной Кореи; приводит в движение маховик глобальной торговли и коммерции; наполняет сердца и умы повсюду на Земле своими мечтами и желаниями.

Быть новой имперской державой, однако, означает гораздо большее, чем представать самой влиятельной и сильной или самой ненавидимой

нацией.

Быть сегодня империей — значит:

— навязывать необходимый в мире порядок и делать это в американских интересах;

— устанавливать правила, которые Америка пожелает (во всём: от рынков до оружия массового поражения), освобождая себя от каких бы то ни было правил (Киотский протокол по контролю за изменением климата и Международный уголовный суд), которые идут вразрез с её интересами;

— нести имперские функции в тех регионах, которые Америка унаследовала от потерпевших крушение империй 20-го столетия — Османской, Британской и Советской.

В 21 веке Америка правит одна, вступая в борьбу за наведение порядка во всех мятежных зонах типа Палестины или северо-западной границы Пакистана (назовём пока только эти точки) — везде, где обнаруживаются грехи империй прошлого...» [10].

Насмену цивилизаторской миссии, например, покорения Западом Востока, приходит поэтика всеземного переосвоения и глобальной структуризации, геоидного упорядочивания. Здесь уже недостаточной оказывается энергия покорения — эксплорации (exploration) и начинает часто использоваться по отношению к социально-политическим системам слово «переделка» — римейк [11].

Открытая в 20-х годах прошлого века усилиями Эдуарда Леруа, Тейяра де Шардена и Владимира Ивановича Вернадского ноосфера (сфера разума), сегодня превращается в объект проектирования и освоения, в поле деятельности, в почти материал для современной американской государственности — в ноополитику (noopolitik) [12]. Под ноополитикой авторы понимают возникающие в конце XX столетия метод и искусство государственного управления, которое основано на первостепенности глобального обмена идеями и ценностями посредством «проникающей «мягкой», софтовой, силы-мощи, а не привычной военной «жёсткой» силы-мощи («persuasive «soft power» rather than traditional military «hard power»», что даёт возможность государству совместно с глобальными негосударственными организациями решать транснациональные проблемы подходящим для её носителя образом.

Наконец, в подтверждении мысли о рождении новых государственных следует указать на глобализацию как программу действий консолидирующегося вокруг США Запада повсюду в мире, а не простой рост абстрактной взаимосвязанности всего со всем [13].

Для обозначения глобализации как особого вида государственности приходится вводить парадоксальные, на первый взгляд, термины типа «внутренняя глобализация» или, для России, «внутренняя геополитика» [14]. Так, Элуа Лоран, профессор экономики парижского Института поли-

тических исследований, обсуждая то, как европейцы вынуждены защищаться от «либеральной глобализации», которую им навязывают США, указывает на особый её характер: она фактически выступает формой американской государственности и поэтому является «внутренней глобализацией» (*mondialisation interieure*). «Американская экономика является относительно закрытой, но каждый очередной шаг экономической интеграции во внешний для США мир неуклонно приводит к усилению американского политического порядка» [15].

Соединённые Штаты Америки и в качестве примера государственности нового типа приходится описывать исключительно для большей наглядности. Все другие сильные государственности, включая Европейский Союз, Китай, Японию, пока что формируют основы своей глобальной государственности не в столь явной форме, а Российская Федерация в этом плане пока ещё и «не просыпалась».

Однако было бы ошибкой принимать происходящее за частное дело США или англо-саксонского мира и Запада. США становятся повсюдными не потому, что они США и что в их «природе» и традициях заложен некий ген глобальной всеохватывающей государственности. США становятся глобальными, поскольку любое историческое действие в 21 веке для любого народа требует именно такой — глобальной, геоидной и повсюдной — формы государственности.

И в этом плане у России нет никакого выбора. Россия и её народы, прежде всего, русские, чтобы продолжать реализацию своего всемирно-исторического призвания, должны также построить свою новую повсюдную геоидную государственность. Если народы России откажутся строить такую государственность или попросту не сумеют это сделать, тогда они будут уже через десятилетие вычеркнуты из истории.

Грядущие миропорядки

Итак, в 21 веке мировую ситуацию будут определять всемирные повсюдные государственности, производящие миропорядки. Однако выделение такой общей для всех государственных характеристик явно недостаточно для того, чтобы ответить на насущные вопросы разных народов и, тем более, для того, чтобы практически приступить к строительству собственного миропорядка.

Несчастьем мировой политики — как практики, так и теории — является дефицит рефлексии. Отсюда возникает сумеречное сознание, носители которого не в состоянии справиться с возникающими в мире ситуациями. Рефлексия позволяет выводить сознание из сумеречного состояния, поскольку требует обязательного освещения и прояснения как минимум пяти позиций:

1) выявление и определение всех действующих лиц, в нашем случае, всех одновременно существующих или нарождающихся повсюдных или всемирных государственныхностей;

2) обнаружение и описание базовых процессов, которые задают жесткие требования к действующим лицам, их управленческим решениям, определяющим развертывание мировой ситуации и долгосрочный всеобщий смысл действий;

3) построение наиболее эффективного метода действия каждой государственныхности;

4) традиционные основания (историко-культурный геном) и вектор продвижения в будущее;

5) уникальная форма государственности, которая позволяет в новых условиях действовать своим народам во всемирной истории, быть субъектом мировой политики.

Все эти пять позиций в совокупности определяют принцип каждой государственности, который, в свою очередь, влияет на её прагматику, перспективность, основательность и мощь. В этом плане государственности, как и все практики, становятся рефлексивными [16].

Искусственное и в определённом смысле техническое отношение к государственнымностям не только не отрицает, но и, наоборот, требует прямого обращения к вековым и тысячелетним традициям, поскольку государственности образуются и «вырастают» в исторические сроки.

Кратко укажем на некоторые динамичные государственности и возможные миропорядки, которые они задают.

Существенно значимые в данном отношении процессы происходят в Японии. Отсчет японского летоисчисления и дата основания японского государства, как известно, правительством Мэйдзи во второй половине XIX века была установлена с 1 января 660 года до н.э. Как считается, именно с этого года вступил на престол первый полумифический император Японии («Ниппон» или «Нихон» — «Начало Солнца»), прямой потомок богини Солнца Аматерасу (небесное сияние) и основатель нынешней династии Дзимму. Он, согласно хроникам, ставил для Японии задачу мирового господства и провозгласил соответствующий лозунг «Хакко итиу», что означает «восемь углов под одной крышей» [17].

Понятие «хакко итиу» исходно означало всеобщий принцип гуманности, который следует распространять на весь мир. В период Токугава это изречение стало толковаться как идея верховенства Японии над миром. Осуществить принцип «хакко итиу» надлежало путем обеспечения «единства императорского пути» — «кодо». Император Муцухито (первый после свержения сёгуната в ходе буржуазной революции 1867–1868 гг. — Мэйдзи исин — император Японии; после смерти стал именоваться императором

Мэйдзи) в своем рескрипте от 1871 года официально провозгласил эти два принципа ведущими для Японии.

Именно идея «Хакко итиу» составляла ядро «меморандума Танака» (1927 год), составленного генералом Танака Гиити, занимавшего тогда пост премьер-министра, для императора Хирохито. В преамбуле меморандума указывалось: «Для того, чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи [18].

Признание японского верховенства в Азии вошло одним из важнейших пунктов в Тройственный пакт Германии, Италии и Японии, подписанный 27 сентября 1940 г. [19]. В ходе Второй мировой войны Япония практически начала захватывать и объединять «восемь углов под одной крышей» всей Восточной Азии в целях создания «Великой сферы процветания Восточной Азии». Однако идея «Хакко итиу», вовсе не ограничивалась Восточной Азией, а касалась всего Земного шара, все «углы» которого и должны были быть объединены единым островным центром.

В документах Токийского процесса, который стал судом над главными японскими военными преступниками в Международном военном трибунале для Дальнего Востока, указывалось, что «понятия «хакко итиу» и «кодо» в конце концов стали символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы».

Очевидно, что сегодня идею «восемь углов под одной крышей» следует воспринимать во всей её сложности и без однозначно милитаристского идеологического налёта в качестве основания Японии для её участия в соревновании современных государств на тысячелетних традиционных основаниях.

Страна активно строит свою новую государственность. В частности, идут жаркие споры по поводу возвращения в качестве официальных символов и образа Японии гимна «Кимигаё» и флага «Хиномару», которые американские оккупационные власти после капитуляции Японии включили в число запрещенных символов милитаризма.

Немаловажной является и инициатива Японии по разработке концепта «единая азиатская нация» (the asian nation), который активно предлагается странам Восточной Азии и, в частности, был представлен в книге премьер-министра Малайзии до ноября 2003 года Мохамеда Махатхира и губернатора Токио Синтаро Исихары «Голос Азии» [20].

Сегодня также наблюдаются тенденции роста мирополитической субъектности Германии, что, в частности, проявилось в открытом выступлении канцлера Шрёдера против агрессии США в Ираке. Такое «восстановление» полноценной германской государственности стало итогом длительного подспудного процесса переосмысления и нередко прямого отрицания «программы по перевоспитанию немецкого народа», навязанной американцами после Второй мировой войны, а также результатом интенсивно разрабатываемой немецкой элитой собственной версии грядущего миропорядка через доктрину «европейской оборонной идентичности».

Наконец, укажем на Китай, который активно ищет формы собственного миропорядка.

Китаевед М.В. Исаева так описала традиционные тысячелетние основания позиции и мировой политики Китая: «Имперская доктрина, получившая окончательное оформление в эпоху Хань, опиралась на идею разделения мира на две абсолютно равные по своим качествам части: Китай, с одной стороны, и все остальные, окружающие его территории, населённые варварами, с другой. Осознание китайцами этого исторического «первенства» во многом и определило их видение мира [21].

И ещё: «Как очень верно отметил А.С. Мартынов, регулярные присылки посольств с подношениями к императорскому двору являлись, наряду с небесными и другими знамениями, показателем правильного функционирования универсальных космических процессов, в том числе результативности мироустроительной деятельности императора, выступавшего как главное гармонизирующее начало в мире и аккумулировавшего в себе животворящую силу «дэ» [22].

Немного можно добавить к этой почти вечной для Китая характеристике принципа его государственности.

Итак, новые государственности, одинаково вынужденные строить свои планы и действия в масштабе Земного шара, являются абсолютно разными и имеют между собой несводимые различия. И такие различия необходимо видеть, поскольку они являются неслучайными и непосредственно определяющими принципиально разные и несводимые проекты миропорядков.

В многообразии предлагаемых миропорядков нет ничего общего с так называемой многополярностью. Она предполагает несколько «полюсов», которые отличаются друг от друга прежде всего культурно-исторически и имеют автономные ниши и собственные географические регионы [23]. А наличие нескольких государственных, которые производят разные миропорядки, означает то, что все государственности мира в итоге будут включены в тот или иной побеждающий миропорядок: каждое государство или станет определять тотальность мирового целого, или станет частью такого целого.

При этом речь не идёт об обязательном господстве государственности,

которая предложит победивший миропорядок. Речь идёт не о господстве-подчинении и, тем более, не о разрушении других государственныхностей, а о предложении именно наилучшего миропорядка, т.е. изначально построенного на взаимоусилении, синергии и кооперации всех существующих государственныхностей.

Мировая держава как уникальная форма государственности

Российская форма государственности в 21 веке — мировая держава [24], поскольку Россия предлагает кооперацию всех новых государственныхностей и принятие их миропорядков в качестве базиса своей российской версии миропорядка.

Мировая держава — это государственность, которая программирует и определяет мировое развитие через наращивание собственной полноценной жизни на традиционных основаниях. Это любая государственность, которая заметна на мировой арене или имеет существенное влияние в мировой политике. Мировая держава является уникальной формой государственности исключительно России.

К сожалению, отсутствие соответствующей теории приводит к грубым смещениям и незаконным отождествлениям в характеристики форм абсолютно разных государственныхностей. Очень часто слова «нация», «империя», «держава» употребляются неадекватно даже в академических научных монографиях. Так, всем представляется значимым, что нации являются обычно небольшими и неагрессивными, «тихими», а империи и державы на этом фоне должны одним названием вызывать чувство уважения или даже страха. Хорошим примером некорректного отношения к фундаментальным понятиям может служить употребление выражения «мировая держава».

В русских переводах знаменитой ныне книги Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» ключевое утверждение мэтра геополитики и геостратегии переведено следующим образом: «В результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении. Они стали первой и единственной действительно мировой державой». Соответственно и название самой важной главы книги также переведено как «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ДЕРЖАВА» [25].

Однако, в оригинале речь определенно идёт совсем не о мировой державе, а о, буквально, the Global Power - т.е. о глобальной власти или глобальной силе-мощи: «The collapse of its rival left the United States in a unique position. It became simultaneously the first and the only truly global power». Соответственно, и глава называется в оригинале по-другому: «THE FIRST GLOBAL POWER» [26]. Выражение «the global power» нельзя переводить как мировая держава, поскольку «the global» следует переводить как глобальный, т.е. относящийся

к Земле как шару, как к физическому телу, а «power» следует переводить как власть или как силу-мощь, с акцентом на силовые и мощностные характеристики власти. Например, в самых первых строках той же книжки Бжезинского ясно показано значение слова «power»: «С самого начала активного политического взаимодействия континентов, которое случилось около пяти столетий назад, Евразия стала центром мировой власти» («Ever since the continents started interacting politically, some five hundred years ago, Eurasia has been the center of world power» [27]). Весь смысл употребления слова «power» связан исключительно с властью и с силовыми действиями, а выражение «the global power» фактически означает ту силу, которая имеет власть над миром.

Соответствующим образом строится и вся работа Бжезинского, которого можно считать одним из самых талантливых и образцово-показательных выразителей духа англо-саксонской геополитики. Сплошь и рядом ключевые слова и термины этой геополитики власти: «глобальное первенство» (global primacy), «глобальная гегемония» (global hegemony), «господство над миром», «экспансия», «захват», «приз — Евразия» и т.п. и т.д.

Хорошей иллюстрацией полного произвола в употреблении словосочетания «мировая держава» является также перевод программной статьи государственного секретаря США Колин Пауэлла на русский язык журналом «Россия в глобальной политике», когда в русском варианте статьи раздел называется «СБЛИЖЕНИЕ С МИРОВЫМИ ДЕРЖАВАМИ», тогда как в оригинале госсекретарь называет данный раздел «EMBRACING MAJOR POWERS» и использует внутри данного раздела прозрачное по значению словосочетание «MAJOR POWERS» — крупные и сильные государства [28].

Итак, global power — это глобальная сила-мощь, глобальная власть, глобальная империя или сверхимперия, гегемонистская «либеральная империя» [29] в целях глобальной гегемонии (global hegemony), тот глобальный центр власти, который, собственно, и является субъектом глобализации.

Очень близкое значение к английскому global power имеет немецкое слово Weltmacht («мировая сила-мощь»), которое ввёл в научный обиход в конце XIX века Фридрих Ратцель и которое также неправильно переводится на русский язык как «мировая держава».

Здесь «Macht» — сила-мощь-власть, за которым тот же Ратцель уже отчётливо обозначал экспансию (он выделил «семь законов экспансии») и освоение жизненного пространства (Lebensraum) вплоть до планетарного масштаба. Можно сравнить название знаменитой книги Ф. Ницше *Der Wille zur Macht*, которое традиционно и правильно переводится на русский язык как «Воля к власти».

Идея мировой державы имеет то общее с немецкой идеей мировой силы-мощи Weltmacht, что они обозначают планетарное сообщество как мир (Welt). У американцев и англичан традиционно используется слово «global» — гло-

бальный, имеющий отношение к Земному шару, к Земле как шару.

Однако идея мировой державы отличается от немецкой идеи тем же, чем и от американской. Держава противостоит идее силы-мощи, то есть, по-английски «power» и по-немецки «Macht». И это главное, потому что держава имеет принципиально иное, сверхвластное и сверхсиловое значение — держать мир.

Глобальная сила—мощь (global power) — это даже не империя, это сверхимперия или гиперимперия. Известный английский историк, специалист по классической Британской империи, автор книги «Империя. Подъём и упадок британского мирового порядка и уроки для глобальной силы-мощи» (Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power) Найл Фергюсон (Niall Ferguson) считает неправильным отождествлять Британскую империю XIX-го века и американскую гегемонию нашего времени, поэтому и разводит их в одной из рецензий, вынося это различие в заглавие: “Hegemony or Empire?” [30].

В другой своей работе Н. Фергюсон напрямую отождествляет современные США с силой-мощью (power) самой по себе: «Что есть сила—мощь?» — задаётся вопросом Толстой в конце романа «Война и мир». Сегодня большинство людей не затруднятся с ответом: Сила—мощь — это Америка. Соединённые Штаты являются ныне очевидным глобальным гегемоном (the global hegemon). Говоря языком военных, никогда ещё в истории не было подобной супермощи [superpower обычно неправильно переводят как «сверхдержава»]. Впрочем, забудьте слово «супермощь», поскольку США ныне являются теперь тем, что бывший министр иностранных дел Франции Юбер Ветрин недавно назвал гипермощью (a hyperpuissance). Далее он показывает, что эта сила—мощь строится, в первую очередь, на военной силе, на «революции в военном деле» («revolution in military affairs», известная программа Пентагона 90-х годов) и на, разумеется, экономической мощи, что и позволяет США тратить почти половину всех мировых расходов на армию и вооружения [31].

И опять здесь везде power как мощь, сила, власть.

Мировая держава — прямая противоположность глобальной силы-мощи и любой империи [32]. Прежде всего, в основе державности — в отличие от имперскости — лежит идея не власти, господства или насилия, а основательности и прочности.

Многие неверно смысл слова «держава» воспринимают автоматически как то, что давит «сверху», воздействуют всей своей силой на нечто маленькое и слабое, что осуществляет насилие, навязывает известное «держать и не пущать». Но значение слова «держава» прежде всего связано с основательностью, стойкостью, выдерживанием, с сохранением — вопреки всему — состояния покоя и величественной недвижности, крепкого порядка.

По своему происхождению слово «держава» тесно связано со словом «дёргать» (этимологически также «раздражать», «дразнить», «сердить», «кромсать», «рвать зубами», «тащить к себе рывками» и др.) и выражает обратный этому «дёргать» смысл: сохранять от дёргания и раздёргивания, от любого раздвоя. Это очевидно из следующих примеров русской речи 19-го века: «в этих колёсах никакой державы не будет», «для державы железные полосы в стены заложены», «спасибо за хорошую державу в доме» [33].

Таким образом, держава — это то, что держит и удерживает, что не позволяет растаскивать мир и ввергать его в беспорядок, в хаос.

Не менее важна традиция употребления в России слова «держава». Её рассматривают в качестве необходимого земного связующего звена между человечеством и Богом, как реализацию идеи Христа Вседержителя (Пантократора), в Лице которого человечество таинственно соединяется с Богом и через это получает власть над сотворённым миром [34].

Таким образом, держава обозначает мировой центр, который способен находиться в состоянии абсолютного покоя и обеспечивать полноту времён. Не случайно также, что держава, как обязательный символ царской власти, изображая Земной шар, обозначает сам мир, который и надо целенаправленно держать — в царской руке и в порядке — через непрестанную духовную работу восстановления и раскрытия замысла Бога.

Так именно держится мир и, по осознанию Ивана Грозного, «Земля правится»: «Земля правится Божиим милосердием и Пречистыя Богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводами, и еже ипаты и стратеги...» [35].

Обеспечивать в мире державу, наивысший возможный порядок — это, вне всяких сомнений, не сладкая мечта обуянных имперской похотью власти, не смысл претензии самозванцев, а тяжелейший державный труд. На этом труде, прежде всего, строится самодержавие, т.е. самостоятельная и самодостаточная, данная от Бога, реализация идеи державы.

Держава как прямая связь человечества с Богом не может основываться и строиться на общественном договоре или только согласии гражданских или иных корпораций, сословий, классов и иных общественных групп. Отсюда и русская идея государства как дела поставленного Свыше Государя (что и выражает старое слово «господарство»), а не электората или иного абстрактного и безответственного существа.

Быть мировой державой — значит, предлагать и определять наиболее приемлемый для мира, т.е. для личности каждого человека, народа и страны, порядок.

Империя предлагает и навязывает порядок, который удобен только её метрополии, безотносительно к культуре и традиции других народов.

Мировая держава — это государственность, способная обеспечивать мировое развитие и решение главных мировых проблем через наращивание собственной полноценной жизни на традиционных основаниях и не за счёт других народов и стран.

Империя организует процветание метрополии за счет провинций.

Мировая держава заинтересована в развитии всех народов и стран как условия собственного развития.

Империя организует и поддерживает исключительно зависимость от себя и только так называемое «зависимое развитие».

За империей стоит «похоть власти».

Мировая держава организуется необходимостью управлять сотворённым миром в соответствии с замыслом Творца.

Глобальная империя стремится всецело контролировать мир и сделать его бессубъектным, неопасным для центральной власти, строится на уничтожении в зародыше любой исторической личности любого народа или страны.

Мировая держава, наоборот, реализует принцип личности каждого человека и народа, каждой страны и цивилизации.

Стать мировой державой и значит определить такой миропорядок, в котором самостоятельное развитие и продвижение каждой исторической личности является основой и условием осмысленного существования человечества.

Концы и начала

Государственности необходимы для участия народов во всемирной истории. Поэтому, если у истории есть конец (или он даже уже наступил), то, получается, государственности становятся ненужными, лишними.

Но есть ли у истории конец? И возможно ли вообще всерьез рассуждать о конце истории? Уверен, что нет. И сегодня необходимо критиковать две соотвествующие концепции на эту тему.

Одна концепция состоит в том, что конец истории уже произошёл и мы пребываем в послеисторическом состоянии. В наиболее ярком виде эту концепцию в 1992 году выдвинул профессор международной политической экономики в университете Джона Хопкинса Френсис Фукуяма в эссе «Конец истории», где он заявил: «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления».

Другая концепция состоит в том, что конец истории наступит ещё не скоро, но в любом случае он определён, поэтому делать ничего не имеет смысла. Так, заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей Московского

Патриархата протоиерей Всеволод Чаплин в своём выступлении 15 марта 2004 года на международной научно-практической конференции «Социальное учение православия в современном мире» однозначно объявил, что мир не может стать лучше: «Православным христианам не свойственны социальный оптимизм, вера в прогресс самостоятельно развивающегося человеческого общества, стремление создать «Царство Божие на земле». Православная традиция внимательно прислушивается к пророчествам Апокалипсиса, который предвещает постепенное отпадение человечества от Бога и умножение зла, победить которое окончательно сможет лишь второе пришествие Христово. Многие факты современной истории — секуляризация общественной жизни, господство обезбоженных идеологий, рост изоциренного насилия, появление новых болезней — лишь укрепляют православных в их сознании. Если принимать Откровение святого Иоанна всерьёз, мир не может становиться лучше. Поэтому глубоко не случайно скептическое отношение православных христиан даже к тем общественным переменам, которые улучшают быт людей, но не приближают их к Богу» [36]. Заметим, кстати, что название выступления протоиерея, прямо отрицающего смысл любого общественного идеала, звучало так: «Православие и общественный идеал сегодня».

Убеждён в наличии у истории известного конца и диакон Андрей Кураев, лицо столь же известное и статусное в Московской Патриархии, как и протоиерей В. Чаплин. Более того, диакон утверждает, что «христианство — едва ли не единственное мировоззрение на земле, которое убеждено в неизбежности своего собственного исторического поражения. Христианство возвестило одну из самых мрачных эсхатологий: оно предупредило, что в конце концов силам зла будет «дано... вести войну со святыми и победить их» (Откр. 13, 7). Евангелие обещает, что врата ада не смогут одолеть Церковь, что Церковь непобедима (см.: Мф. 16, 18). Но «непобедимое» не означает обязательно «победоносное».

В перспективе земной истории — не всемирно-историческое торжество христиан, но всемирное же владычество антихриста...

Библия кончается Апокалипсисом, а Апокалипсис на грани человеческой истории прозревает не Царство Христа (здесь, на земле: в жизни, в политике, в культуре, в отношениях между людьми), а царство антихриста. Христос, говоря о признаках Своего Второго пришествия, о признаках конца истории и конца света, находит для апостолов только одно утешение: да, будет тяжело, но утешитесь тем, что это — конец. Это — не надолго...

Сейчас христиане взяли в привычку молиться об отсрочке конца. Но Апокалипсис и вся Библия завершаются призывом: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22, 20). И в приходе Бога главное — что Он пришел, а не то, что все-таки разрушилось с Его приходом... «Молимся мы, да придет Господь и да разрушит мир» — свидетельствует о том же Ориген...» [37].

С моей точки, дело вовсе не в том, что, как считает диакон А. Кураев, «тема антихриста в демократической журналистике считается непристойной». Даже те публицисты, что числят себя христианами, находят неудобным вспоминать о завершающей книге Библии — Апокалипсисе», а дело в том, что, как тут же заявляет А. Кураев, ему «уже терять нечего».

За подобными концепциями либерала Ф. Фукуямы и консервативных деятелей Московской Патриархии стоят не только старые марксистские схемы, когда история рассматривается в качестве естественного процесса со своими строгими законами, со своими ступенями или формациями приближения к желанному финалу, но и какой-то новый антидеятельностный фатализм. Только Фукуяма исходит из того, что финал уже наступил, а протоирей В. Чаплин и диакон А. Кураев обреченно ожидают наступление известного финала.

Прямое следствие из подобных представлений состоит в том, что, история является насквозь известной и предсказуемой, абсолютно закрытой, что, собственно, делать ничего больше не надо, а новые государственности в позитивно-творческой роли не нужны.

Подобные воззрения, с моей точки зрения, являются не только ошибочными, но и вредными. И Россия, и мир находятся сегодня как раз в абсолютно открытой ситуации, когда будущее надо ещё «делать», когда вызревшие проблемы являются мировыми, т.е. пронизывающими все страны и народы, буквально каждого человека на Земле и требующими сосредоточения всего человечества для целокупного действия по недопущению вселенского коллапса и для решения ключевых проблем.

Мироразвитие

Важнее разрабатывать проблему не конца, а начала истории, поскольку для того, чтобы справиться с величайшим переломом, человечеству необходимо заново сформулировать основания своего существования и принципы взаимного действия. В основу истории следует, с моей точки зрения, положить принцип мирового развития или мироразвития [38].

Мироразвитие есть преобразование способа исторического существования человечества через решение мировых проблем с опорой на тысячелетние традиции [39].

В начале 21 века мир оказался в опасной ситуации, когда концом истории может оказаться не комфортное состояние победы демократии в глобальном масштабе, как это обещал в начале 90-х годов прошлого века Ф. Фукуяма, а буквальное вырождение и смерть человечества.

Очевидны симптомы «конца света» в зловеще-натуральном смысле.

Во-первых, это тотальное распространение социал-дарвинизма и неомальтузианства, в соответствии с которыми мир определяется тем, что че-

ловечество тождественно животному миру, что «выживают сильнейшие и наиболее приспособленные», что в основе любого общества лежит насилие («правда — в силе»). Идеология конкуренции и опережающего захвата того, что нужно в данный момент, распространяется как эпидемия. На самых высоких официальных форумах как о само собой разумеющемся говорится о конкурентоспособности государств, в качестве официальной доктрины США принимается принцип опережающего захвата — преэмпции и преэмптивной войны (preemptive war, которая изложена в так называемой «Доктрине Буша» — Bush's doctrine of preemption [40]) и этот принцип перенимается несамостоятельными странами (типа нынешней Российской Федерации). При этом фундаментальной идеологической основой данного «скотского» (поскольку основано на отождествлении человека и животного) мировоззрения объявляется гуманизм и права человека [41].

Во-вторых, налицо провал технократического мировоззрения, связанного с идеей научно-технического прогресса и научно-технической революции. Оказалось, что техносфера сама по себе не организует и не воспитывает общество в направлении возвышения; более того, она легко превращается во вторую «природу», которая быстро разрушается и мстит своим создателям в виде техногенных катастроф.

В-третьих, деградируют системы воспроизводства и развития труда, вредным становится курс на высококвалифицированный труд, повсеместно доминирует финансово-спекулятивный капитал, опирающийся не на труд, а на информационные технологии и сделки, и образующий гигантские «финансовые пузыри» в виде вторичных и третичных ценных бумаг (дериватов) [42]. Мир стоит на пороге невиданного в истории последних веков финансового кризиса.

В-четвертых, национальные государства оказались не в состоянии построить мировой порядок развития и воспроизводства наиболее выдающихся достижений человечества. Вместо этого было допущено скатывание мира в полуконтролируемый хаос, зафиксированный в идеях «интернационального плюрализма» и «многополярного мира». Это выражается не только и не столько в кризисе ООН и иных международных институтов «развития» или «безопасности», сколько в ставке наиболее могущественных интернациональных сил на мировую гражданскую войну — тотальную войну «всех против всех», ориентированную на бесконечное взаимное уничтожение различными группами мирового населения друг друга [43]. Здесь уже не удивляют агрессия против Ирака или Югославии, когда её повод многократно усиливается во времени (как это очевидно в Югославии), когда во многом выдуманные «этнические чистки» со стороны сербов заканчиваются фактическими массовыми убийствами сербов косовскими албанцами.

В-пятых, утеряна сверхценность личности и задача личного бессмертия, всеобщей становится мировоззрение индивидуализма и эгоизма, когда люди прямо рассматриваются в качестве *Homo economicus* (человеков экономических), жизнь которых должна заключаться в том, чтобы «суетиться на ниве зарабатывания средств».

Важно отметить, что оказались тупиковыми и ложными любые попытки противопоставить отмеченным выше разрушительные процессы на основе реакции и симметричной альтернативы.

Однако за всеми указанными тупиками и тревожными обстоятельствами, за перечисленными вариантами «конца света» стоят не злокозненные люди, организации или государственности, а фундаментальные мировые проблемы, т.е. открытые и не имеющие в культуре на данный момент отработанных решений. Каждая из таких проблем требует для своего решения культурно-технологических революций и тотального преобразования всех существующих наук и практик. Это невозможно сделать на принципе узких интересов и конкуренции, это требует иного мироустройства.

Собственно для этого и нужна мировая держава, т.е. государственность, которая организует народы и страны на решение мировых проблем и организацию мирового развития.

... Создаётся ощущение, что во Вселенной на время произошла остановка и некоторое смятение, что она «задумалась» о том, какой дальше миру и человечеству делать шаг. Для нас это и означает, что ключевой проблемой современности является проблема мирового развития.

Будет ли организовано мировое развитие, возникнет ли субъект управления мировым развитием — или человечеству не удастся породить, выделить из себя субъект мирового развития и справиться с ситуацией? — вот в чём сегодня главный вопрос.

Мировое развитие не обеспечено ни доктринально, ни институционально. Сегодня в мире отсутствуют организованные сообщества, которые были бы в состоянии и реально бы хотели принять на себя ответственность за управление мировым развитием.

Что нужно для организации мирового развития? Кто в состоянии управлять мировым развитием?

Мировое развитие требует систематической рефлексии способов и условий существования человечества. И для того, чтобы организовывать так развитие и управлять им, как раз нужна особая государственность — мировая держава.

Зачем Россия нужна миру?

В чём принципиальная разница между гиперимперией и мировой державой?

Гиперимперия создаётся за счёт уничтожения своеобразия народов и стран и в конечном счете принимает форму мирового правительства. Прекрасным примером здесь служат рассуждения Роберта Райта на тему «Новый мировой порядок» [44], которыми он пытается обосновать необходимости создания единого мирового правительства под началом США.

Такое глобальное, всеземное правительство, разумеется, предлагается в самых благородных целях, однако его истинный характер состоит в том, что страны и народы в этом случае не усиливаются, а становятся аморфным материалом, своего рода «глиной» для унифицированного мирового правительства. Стало быть, государственности (в том числе, кстати, и американская) не развиваются и преобразуются, а уничтожаются.

В настоящее время этот курс на мировое правительство реализуется на основе США, которых делают гиперимперией [45].

России здесь уготованы вполне понятные роль и место. Предельно ясно это обозначено в статье профессора государственного права и политики Университета Джорджа Мейсона (штат Вирджиния) Марка Каца «Может ли Россия стать великой державой? Россия более не возродится из пепла, как птица-феникс»: «Снижение желания или способности США действовать как суперсила-мощь (superpower) приведут только к одному — к тому, что Россия станет ещё слабее. Выбор сегодня у России только один: стать младшим партнёром США или слабой, изолированной страной, которая не в состоянии справиться ни с одной из угроз» [46].

Но России не стоит следовать вышеприведенным логике, советам и указаниям. Уже сегодня очевидно, что у гиперимперии и мирового правительства нет никаких перспектив. И наоборот, открывается уникальное и величественное поле для действия России как мировой державы.

Именно мировая держава больше всего нужна сегодня мировым народам, поскольку только в этом случае у них появляется шанс на сохранение и творческое развитие собственной самобытности и независимости.

В строительстве мировой державы и лежит точный ответ на вопрос «Зачем Россия нужна миру?». Без России как мировой державы у человечества нет перспектив и история действительно может однажды закончиться. И, наоборот.

Ссылки и комментарии

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 32.
2. Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. – Минск.: Харвест, М.: АСТ, 2000, с. 9-10.

3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн; Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003, с. 5-6.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 33.
5. Подробнее см. главу «Борьба за личность» (<http://www.pereplet.ru/krupnov/16.html#16>) в книге Ю. Крупнова «Стать мировой державой» (М., 2003).
6. Показательны в этом плане размышления Брэд Никербокера (Brad Knickerbocker) в американской газете «Christian Science Monitor» за 15 января 2004 года: «... США ведут борьбу с новым видом войны, которая не знает никаких границ, времени или места». – <http://www.csmonitor.com/2004/0115/p13s01-usfp.html>).
7. Преземпция (preemption, preemptive war) означает опережающий захват или силовое действие на опережение, т.е. уничтожение опережающим образом как самой угрозы, так и всех обстоятельств данной угрозы (оружия, к примеру) и, главное, самого субъекта этой угрозы. Подробнее см. главу «Преземптивная война» в книге Ю.Крупнова «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост». М., 2004.
8. Удивительно точным было название рубрики в газете «Правда» 70-х гг.: «Два мира – две системы».
9. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990, № 4.
10. The Burden // New York Times Magazine, by Michael Ignatieff, director of the Carr Center at the Kennedy School of Government, Harvard University, 5 января 2003 года. Показательными являются и работы геополитика Николая фон Крейтора, который описывал современные глобальные американскую экспансию и империализм как закономерную реализацию доктрины Монро 1824 года.
11. См., например, статью: Remaking the World: Bush and the Neoconservatives. By Joshua Micah Marshall // Foreign Affairs, November/December 2003.
12. Концепция ноополитики разрабатывается ведущими аналитиками РЭНД-корпорации Джоном Аркиллой (John Arquilla) и Дэвидом Ронфелдтом (David Ronfeldt) - см. The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. By John Arquilla, David F. Ronfeldt. RAND, Document No: MR-1033-OSD, 1999 - <http://www.rand.org/publications/MR/MR1033/>
13. Моя позиция по глобализации подробно изложена в статье «Четвертая мировая война» — http://www.kroupnov.ru/5/58_1.shtml .
14. Словосочетание «внутренняя геополитика» было сформулировано 6 июня 2002 года А.С. Кривовым, В.Л. Цымбурским и мною в ходе обсуждения итогов Круглого стола «Геополитическая стратегия России в 21 веке». См. также мою статью «Внутренняя геополитика» - http://www.kroupnov.ru/5/92_1.shtml и книгу А. Кривова и Ю. Крупнова «Дом в России. Национальная идея» (М., 2004).
15. George W. Bush, president de la mondialisation, par Eloi Laurent, economiste a l'Observatoire francais des conjonctures economiques (OFCE), maitre de conference a l'Institut d'etudes politiques de Paris // Liberation, 4 февраля 2004, <http://www.ofce.sciences-po.fr/article.php?ref=libe-04-02-04>
16. Крупнов Ю.В. Рефлексивные практики, инфраструктуры и государственность — основа реконструкции России. - Тезисы IV Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» (7–9 октября 2003, Москва), М., 2003, с. 64 -67. Также опубликовано на сайтах http://www.kroupnov.ru/5/42_1.shtml и www.reflexion.ru.
17. Интересно примечание к описанию данного праздника, которое помещено на официальном сайте Посольства Японии в Российской Федерации http://embjapan.ru/news/j_hol.html .
18. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2000. Отв. ред. А.Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910-1940-х годов. Сост. А.В. Мальгин. М.: Московский рабочий, 2000, с. 131-132.

19. В.Э.Молодяков «Геостратегические проекты принца Коноэ» - <http://whiteworld.ruweb.info/rubriki/000102/002/01010507.htm>
20. Mohamad Mahathir, Shintaro Ishihara, *The Voice of Asia. Two Leaders Discuss the Coming Century*, Tokio 1995.
21. М.В. Исаева «Представления о мире и государстве в Китае в III - VI веках н.э.» - Москва, Институт востоковедения РАН, 2000.
22. Там же, с. 88.
23. Буквальную гибельность концепта многополярного мира, который, напомним, составляет основу официальной российской внешнеполитической доктрины, ещё в 1993 году исчерпывающе показал А.Д. Богатуров. http://ebook.mpsf.org/books/38/liber_national_chapter2.html . Пункт 1-й главы 1 доклада написан А.Д. Богатуровым и впервые был представлен в 1993 году в журнале «Международная жизнь».
24. Крупнов Ю. Статья мировой державой. — М., 2003 (также <http://smd.kroupnov.ru/>)
25. Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Междунар. отношения, 1998, с. 16.
26. Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. - Basic Books, 1997, p. 10.
27. Там же, р. xiii.
28. Пауэлл, Колин. Стратегия партнерства // Россия в глобальной политике т. 2, № 1, 2004 г., с. 123. *A Strategy of Partnerships* by Colin L. Powell - *Foreign Affairs*, January/February 2004.
29. Либеральная империя, как известно, это не изобретение А. Чубайса в сентябре 2003 года перед парламентскими выборами, а традиционное в течение последних полутора столетий англо-саксонское обозначение их идеала государственного устройства - см. книгу Ю. Крупнова «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост», особенно главу «Что мы сделаем со страной» (также опубликована на сайте - http://www.kroupnov.ru/5/49_1.shtml).
30. *Hegemony or Empire?* By Niall Ferguson - *From Foreign Affairs*, September/October 2003.
31. «The Pentagon's budget is equal to the combined military budgets of the next 12 or 15 nations,» he wrote in a recent article in the *Financial Times*. «In other words, the United States accounts for 40-45 percent of all the defense spending of the world's 189 states» — цитирует Пола Кеннеди из Йельского университета Нейл Фергюсон. Ferguson, Niall. *What Is Power? Which global players have power today - and which are likely to acquire it in the coming decades?* - *Hoover Digest*, 2003, № 2.
32. Подробнее см. Крупнов Ю. Почему Россия не империя? — <http://www.pereplet.ru/krupnov/10.html#10> .
33. Эти примеры приводит В.И. Даль в своём знаменитом словаре. О происхождении слова «держава» см. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1, М., «Русский язык», 1993. См. статьи «Дёргать», «Держава», «Держать».
34. Эта идея разработана, как минимум, за полторы тысячи лет и представлена в иконографии Спаса Вседержителя (Пантократора). Без этой иконы и, следовательно, образа Христа Вседержителя невозможно представить себе главные храмы в Царстве Ромеев (Византии) и в России. См., в частности, Припачкин И.А. Иконография Господа Иисуса Христа // Паломник, 2001, с. 52 - 68.
35. Заметим, что философ В. Соловьёв считал эти слова Ивана Грозного «самой верной и самой полной формулой христианской монархической идеи», подчёркивая, что «эта формула безукоризненна; нельзя лучше выразить христианский взгляд на земное царство» (Вл. Соловьёв. «Византизм и Россия» - <http://civitasdei.boom.ru/articles/solov5.htm>).

36. Протоиерей Всеволод Чаплин. Выступление на международной научно-практической конференции «Социальное учение православия в современном мире», Москва, 15 марта 2004 года, см. <http://www.religare.ru/article8752.htm>.
37. Диакон Андрей Кураев. О НАШЕМ ПОРАЖЕНИИ. - <http://www.netda.ru/belka/texty/kurajev/o-porazhen.htm>.
38. Проблема мирового развития разрабатывается инициативным коллективом под руководством автора данной статьи в рамках созданной в 1999 году Школы мироразвития (см. <http://shmr.paideia.ru/index.html>).
39. Разумеется, мироразвитие не может сводиться к колонизации и другим видам глобального захвата, поэтому неверным является употребление этого понятия у многих учёных и практиков, например, у Михаила Ильина в его работе «Старые и новые политики мирового развития: параметры сосуществования» - «Космополис», № 3 (5), осень 2003, <http://www.rami.ru/cosmopolis/archives/5/ilyin.html> . Неправильно отождествлять и не различать развитие и изменение.
40. National Security Strategy of the United States, 17 сентября 2002 г. См. также статью Ю. Крупнова «Преземптивная война» - http://www.kroupnov.ru/5/30_1.shtml и соответствующую главу в книге Ю. Крупнова «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост», 2004.
41. См. статьи Ю. Крупнова «Борьба за личность», www.pereplet.ru/kroupnov/16.html#16, и «Гуманизм против человека. Почему никому не стыдно за то, что делают с Хусейном?», http://www.kroupnov.ru/5/73_1.shtml , а также книгу «Стать мировой державой» (М., 2003).
42. Детальнейший анализ данного состояния содержится как в классических работах ведущих экономистов, так и в деятельности таких выдающихся «неформалов» как, например, Линдон Ларуш Мл. (см. <http://www.larouchepub.com/>).
43. См. статьи Ю. Крупнова «Моя война» - http://www.kroupnov.ru/5/99_1.shtml , «Как Россия сможет предотвратить Пятую Мировую войну?» - <http://www.p-rossii.ru/articles/statshow.php?69=1> , книгу М. Калашникова и Ю. Крупнова «Гнев орка» (М., 2003).
44. Роберт Райт, Роберт. Новый мировой порядок. - «Отечественные записки», 2003, № 6, - http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_28.html . Данная статья, «New World Order», является главой из книги: Robert Wright, Nonzero: The Logic of Human Destiny (New York: Pantheon Books, 2000), 209-228. Copyright © 2000 by Robert Wright. Перевод с английского Григория Дашевского.
45. Показательна здесь недавняя обзорная статья Дж. Айкенберри в последнем номере журнала Foreign Affairs, в которой сообщается, что время дискуссий о том, империя США или нет, закончено, что самое мощное в мире государство впервые может действовать на глобальной арене без ограничений со стороны других крупных государств, что мир вошёл в американский однополярный век и что Россия является всего лишь бутафорным партнёром США, а Китаю не остаётся ничего иного как приспосабливаться (By G. John Ikenberry - From Foreign Affairs, March/April 2004).
46. Кац, Марк (Mark Katz). Может ли Россия стать великой державой? - «The Moscow Times», Россия, 26 января 2004, опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru - <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/205568.html> . Также показателен с точки зрения отношения к России новейший, третий, доклад Национального совета по разведке США «Global Trends 2020» (декабрь 2004 года), см. http://cia.gov/nic/NIC_2020_project.html# и <http://vlasti.net/index.php?Screen=news&id=50106&action=print>.

ЭТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЯ И РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

© С.Ю. Малков (Россия)

Доктор технических наук, профессор,
действительный член Академии военных наук

В работе методами математического моделирования исследуются закономерности формирования различных этических систем. Показано, что разные этические системы являются проявлением одного и того же механизма социальной самоорганизации, направленного на обеспечение «выживаемости» социальных субъектов в конкурентной борьбе, но для разных условий функционирования общества. Показано, что в условиях резкого позиционирования «свой - чужой» и дефицита жизнеобеспечивающих ресурсов в обществе закрепляется этическая система, основанная на декларации добра среди «своих» и на жестком противостоянии «чужим». Если же общество состоит из независимых индивидов, преследующих различающиеся цели в условиях относительной достаточности ресурсов, то в нем закрепляется этическая система, основанная на запрете зла, установлении обязательных для всех правил общежития и способности индивидов к компромиссам с партнерами в рамках установленных правил. Показано, что в аграрных обществах создаются условия для формирования этической системы, основанной на декларации добра. Напротив, в индустриальном обществе создаются условия для формирования и закрепления этической системы, основанной на запрете зла. Рассмотрена ситуация в современной России.

Одним из выдающихся достижений современной психологии является обоснование В.А.Лефевром [1] существования двух этических систем, одна из которых основана на запрете зла (первая этическая система), вторая — на декларации добра (вторая этическая система). В первой системе одобряется стремление к компромиссу с партнером, во второй — считается правильным противопоставление себя партнеру. По мнению В.А.Лефевра, первая система реализовалась в американской культуре, вторая — в советской. Целью исследований В.А.Лефевра являлась разработка математического аппарата, позволяющего формализовать процессы рефлексии и морального выбора, осуществляемого в рамках этих этических систем. При этом основное внимание уделялось вопросу, как функционируют эти системы.

Между тем, не менее важным вопросом является следующий: почему и как они сформировались.

При анализе функционирования этических систем обращает на себя внимание то, что они являются достаточно устойчивыми (самоподдерживающимися) и подчиняются логике самоорганизации. Это наводит на мысль, что этические системы есть не что иное, как психологические аттракторы (устойчивые состояния) в динамической системе взаимоотношений социальных субъектов (индивидов, фирм, общественных организаций, государств и т.п.). Взаимоотношения этого типа описываются моделью конкуренции [2], которая в простейшем случае имеет вид:

$$\frac{du_i}{dt} = a_i \cdot u_i - \sum_{j \neq i} b_{ij} \cdot u_i \cdot u_j - c_i \cdot u_i^2, \quad i, j = 1, 2, 3, \dots, N, \quad (1)$$

где t — время; u_i — показатель, характеризующий «силу» (степень влияния, доминирования и т.п.) i -го субъекта в момент времени t . Член $a_i \cdot u_i$ описывает воспроизводство (возобновление) «силы» i -го субъекта. Члены $b_{ij} \cdot u_i \cdot u_j$ отражают антагонистическое взаимодействие социальных субъектов (аналог межвидовой борьбы в биологии); их численные значения характеризуют ущерб, нанесенный j -м субъектом i -му субъекту в ходе противодействия. Член $c_i \cdot u_i^2$ учитывает «эффект тесноты», то есть относительное снижение «силы» i -го субъекта вследствие внутривидовой борьбы, ресурсных ограничений, эффектов насыщения и т.п.

Известно [2], что в зависимости от соотношения параметров a_i , b_{ij} и c_i система (1) имеет разную структуру аттракторов. Например, при $N = 2$ возможны две основные ситуации. При $c_i/b_{ji} > 1$ (то есть когда межвидовая борьба в значительной степени подавлена) в системе возникает устойчивое сосуществование конкурирующих субъектов.

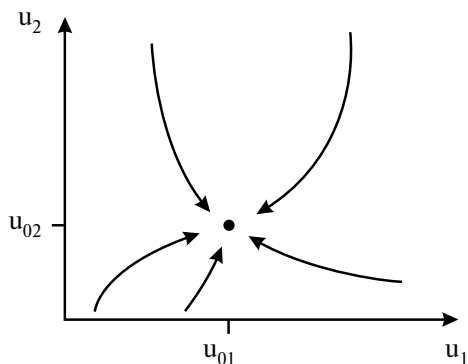

Рис. 1. Ситуация устойчивого сосуществования конкурирующих субъектов (реализуется при подавлении межвидовой борьбы: $c_i/b_{ji} > 1$): • — устойчивое состояние системы с координатами u_{01} и u_{02} .

Эта ситуация отражена на рис.1, где изображена динамика изменения соотношения «сил» субъектов в виде фазовых траекторий системы (1) на плоскости (u_1, u_2) . Видно, что в результате конкуренции через определенное время в системе устанавливается равновесное состояние, в котором «силы» субъектов принимают стабильные значения u_{01} и u_{02} .

В обратной ситуации, когда $c_i/b_{ji} < 1$, конкурентная борьба в системе (1) приводит в конечном итоге к победе одного из субъектов и уничтожению другого, причем побеждает тот субъект, у которого соотношение параметров c_i/b_{ji} имеет меньшее значение. Коэффициент c_i характеризует интенсивность внутривидовой борьбы, остроту внутренних противоречий. Коэффициент b_{ji} характеризует ожесточенность межвидовой борьбы, беспощадность к внешнему врагу. (Другими словами, коэффициент c_i характеризует антагонистичность отношений в системе «свой - свой», а коэффициент b_{ji} — в системе «свой - чужой».)

Ситуация антагонистической конкуренции изображена на рис.2, где предполагается $c_2/b_{12} < c_1/b_{21}$. Видно, что в этом случае победителем становится второй субъект.

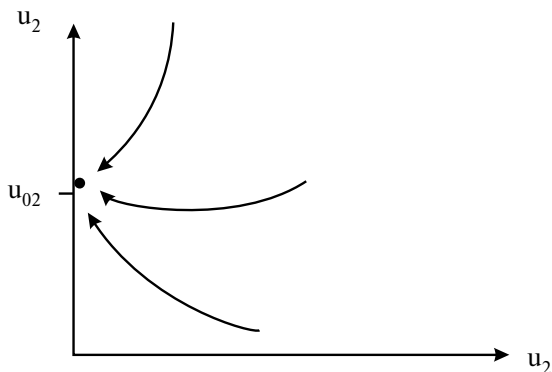

Рис.2. Ситуация антагонистической конкуренции (реализуется при $c_i/b_{ji} < 1$): • — устой-

Из сказанного явствует, что в указанных ситуациях стратегии обеспечения устойчивости и «живучести» социальных субъектов прямо противоположны. В рамках первой ситуации стабильность и устойчивость социальной системы достигается в случае, если взаимодействующие субъекты толерантны, способны к выработке компромиссных решений с конкурентами (то есть величины b_{ji} имеют низкое значение). В рамках второй ситуации в лучшем положении оказывается тот субъект, который сможет достичь единства и внутренней бесконфликтности (то есть уменьшит значение c_i), но будет бескомпромиссен и агрессивен по отношению к конкурирующим субъек-

там (то есть увеличит значение b_{ji}). Понятно, что в рамках первой ситуации формируется и закрепляется первая этическая система, а в рамках второй ситуации — вторая этическая система. Состояние с $c_i/b_{ji} \approx 1$ неустойчиво, это точка бифуркации. Здесь нет оптимальной стратегии, высока вероятность стрессовых ситуаций.

Анализ модели (1) позволяет лучше понять логику возникновения и социальные функции рассматриваемых этических систем. Начнем со второй этической системы. Она направлена на минимизацию отношения c_i/b_{ji} в условиях ограниченности имеющихся ресурсов. Снижение конфликтности среди «своих» и повышение согласованности их действий (то есть уменьшение значения c_i) достигается путем «декларации добра» — призыва к реализации общей целевой установки. При этом во взаимоотношении со «своими» возможен (и приветствуется) этический компромисс: любое средство достижения общей цели (которая и есть главное «добро») этически допустимо. Если же кто-то из «своих» отказывается стремиться к общей цели, он наказывается — переводится в разряд «чужих» (ostracism) — и с ним начинается бескомпромиссная борьба (высокое b_{ji} в отношении «чужих»).

Почему борьба? — Потому что ресурс ограничен, на всех не хватит, «чужих» от него нужно отсечь. Либо перевоспитать (перевести в разряд «своих») и заставить делиться (то есть делать «добро») — тогда ресурса хватит. Таким образом, вторая этическая система — это своего рода ресурсосберегающая технология социального выживания коллектива «своих» в ходе конкурентной борьбы с «чужими».

В ситуации второй этической системы конкурирующие социальные субъекты не представляют собой коллективы «своих». Это — индивиды, каждый из которых преследует свою собственную цель (общего «добра» нет). Говорить об их единстве и согласованности действий бессмысленно, здесь значение c_i изначально большое. В этих условиях война всех против всех (повышение значения b_{ji}) губительна для общества в целом. Единственной разумной альтернативой является «мирное сосуществование» индивидов (снижение значения b_{ji}) на основе принятых всеми правил игры. Для этого нужна толерантность и готовность к компромиссу с «чужими» в пределах общепринятых рамок поведения, устанавливаемых посредством «запрета зла». Таким образом, «запрет зла» — это не средство организации совместных действий «своих» для достижения общей цели, не стимулирование данных действий через поощрение, а отсекаание нежелательных действий через наказание. При этом наказывать или уничтожать провинившихся субъектов за нарушение правил игры не жалко, поскольку все они друг для друга — «чужие».

В свете сказанного становится ясно, почему первая этическая система реализовалась в американской культуре, а вторая — в советской.

США — страна эмигрантов, активных индивидуалистов (значение c_1 - высокое), изначально не объединенных ни этнически, ни идеологически, ни каким-либо иным образом, кроме совместного проживания на общей территории. Это сообщество «чужих», каждый из которых преследует свои цели, но заинтересован в сотрудничестве (ради достижения этих целей) с остальными и в наличии общих правил игры, единых для всех без исключения. Отсюда — приверженность первой этической системе.

СССР — это государственное образование, родившееся в стране, растерзанной гражданской войной, разделенной на «своих» и «чужих», окруженной врагами, в условиях разрухи и нехватки самого необходимого, родившееся как сообщество «своих», объединенных общей целью — построением коммунизма (который и есть «добро» в конечной инстанции). Отсюда — логичная приверженность второй этической системе.

Конечно, времена меняются. Уже нет СССР с его «железным занавесом»; современная Россия отказалась от концепции «врагов» и «друзей», стремится к поддержанию партнерских отношений со всеми государствами. Внутри страны среди значительной части населения распространились либеральные взгляды, общество перестало быть однородным. С другой стороны, в США усиливается тенденция разделения мира на «своих» и «чужих», делается ставка на силовые действия на международной арене. Соответственно, отличие этических систем в России и США становится менее выраженным.

Но даже учитывая это и подводя предварительный итог, можно констатировать, что выделенные В.А.Левфевром этические системы являются проявлением в разных условиях одного и того же механизма социальной самоорганизации, направленного на обеспечение «выживаемости» социальных субъектов в конкурентной борьбе. В условиях резкого позиционирования «свой - чужой» и дефицита жизнеобеспечивающих ресурсов в обществе закрепляется вторая этическая система, основанная на декларации добра среди «своих» и на жестком противостоянии «чужим». Если же общество состоит из независимых индивидов, преследующих различающиеся цели в условиях относительной достаточности ресурсов, то в нем закрепляется первая этическая система, основанная на запрете зла, установлении обязательных для всех правил общежития и способности индивидов к компромиссам с партнерами в рамках установленных правил.

Рассмотрим, как проявляется эта тенденция в историческом контексте.

Наиболее распространенными типами обществ в исторический период развития человечества являются аграрное и индустриальное общества. Проанализируем логику формирования адекватных им этических систем.

а) Экономической основой аграрных обществ является сельское хозяйство; главным, жизнеобеспечивающим ресурсом является плодородная зем-

ля. Этот ресурс по своей природе ограничен, вследствие чего за обладание им идет постоянная борьба. Население обща охраняет свои земли от соседей, подозревая последних в агрессивных намерениях. Фактором усиления противопоставления «свой – чужой» является преобладание натурального хозяйства в аграрных обществах: сельское население живет замкнутым миром, «чужаки» вызывают настороженность и неприятие. В среде «своих» приветствуется взаимопомощь; социальная синхронизация общества достигается воспитанием коллективизма, путем «декларации добра».

В этих условиях закономерным образом формируется вторая этическая система. Ее укреплению способствуют внеэкономические методы социального управления, авторитаризм власти земледельческой и государственной элиты, жесткость социальных перегородок. Предпосылкой формирования первой этической системы в недрах аграрного общества является ослабление жесткости позиционирования «свой – чужой», развитие индивидуализма, усиление экономической и политической самостоятельности различных социальных субъектов. Однако развитие этих процессов постоянно прерывается в ходе политико-демографических циклов [3], присущих аграрным обществам. Логика циклических изменений коротко может быть изложена следующим образом.

Цикл начинается, как правило, с внешнего завоевания, в результате которого устанавливается жесткое авторитарное правление победителей, противопоставляющих себя завоеванному населению. Усилия победителей направлены на подчинение своей власти как местного населения, так и представителей бывших элит. Главой государства становится предводитель победителей, который формирует новую элиту из своих сподвижников и единомышленников. Лояльность новой элиты поддерживается раздачей завоеванных земель. В среде элиты сильны клановые традиции, обеспечивающие устойчивость отдельных семей и родов. Наследование имущества и земель проводится по пропорциональному принципу – всем сыновьям (или всем детям, включая дочерей): так обеспечивается принцип справедливости на уровне отдельной семьи. Однако уже через несколько поколений земельные наделы дробятся, центральная власть слабеет, поскольку уже не имеет свободного ресурса земель для раздачи приближенным. Усиливаются центробежные тенденции у элиты, растет индивидуализм. Государство постепенно распадается на слабосвязанные области, соперничающие друг с другом. Одновременно происходит неуклонное уменьшение крестьянских наделов (в силу все того же пропорционального принципа наследования). Из-за относительной перенаселенности начинается демографический кризис и сопутствующие ему волнения, бунты, восстания. Ослабевшая центральная власть уже не в состоянии справиться с ситуацией. Начинаются распри внутри элиты. Дело заканчивается либо кровопролитной гражданской вой-

ной, в результате которой к власти приходит диктатор, либо вторжением в ослабевшее государство соседей, стремящихся воспользоваться ситуацией и расширить свои земельные владения. В любом случае вновь устанавливается жесткая центральная власть, авторитаризм, направленный на слом сопротивления старой элиты. И цикл начинается снова.

Таким образом, аграрное общество в ходе своей циклической эволюции постоянно воспроизводит условия для реализации второй этической системы.

б) Экономической основой индустриальных обществ является производство промышленной продукции и ее рыночное перераспределение среди членов общества на основе товарно-денежных отношений. В отличие от аграрных обществ, ресурсная база которых единообразна (земельный фонд) и с неизбежностью ограничена, ресурсная база индустриальных обществ многообразна (в нее входят полезные ископаемые, источники энергии, технологии, знания и т.д.) и, главное, изменчива (как правило, увеличивается в силу непрерывных технических инноваций). Другим важным отличием является переход от самодостаточности натурального хозяйства (способствовавшей замкнутости аграрных обществ) к производственной специализации и активному рыночному обмену продукцией между различными экономическими субъектами. Вследствие этого позиционирование «свой — чужой» перестает быть актуальным. Наоборот, полезной становится способность к установлению контактов с разными индивидами, к поддержанию бесконфликтных деловых отношений с ними. Активная экономическая деятельность подразумевает, с одной стороны, свободу действий и, с другой — установление четко определенных правил игры. Нарушение этих правил есть «зло», дестабилизирующее общество. В соответствии с этим целью законодательной системы индустриального общества является «запрет зла».

В этих условиях закономерным образом формируется первая этическая система. Ее укреплению способствуют отсутствие жестких социальных перегородок, социальная мобильность, размывающая противопоставление «свой — чужой», развитый индивидуализм членов общества, адаптивная (демократическая) модель управления с постоянной корректировкой статус-кво во властных структурах посредством периодических выборов.

Видно, что социальные и этические системы аграрного и индустриального обществ кардинально отличаются друг от друга. Как же оказался возможным переход от одной системы к другой? Для этого нужны были особые условия. Такие условия сложились в эпоху Средневековья в Западной Европе. Она к концу династии Каролингов представляла собой лоскутное одеяло частных владений, центральная королевская власть была чрезвычайно слаба. По логике развития аграрных обществ соседи должны были бы воспользоваться слабостью местных элит, напасть, и в результате их на-

шествия должен был бы начаться новый политико-демографический цикл. Но Западной Европе повезло: на нее не нашлось сильного завоевателя (это связано с ее лесистостью, пересеченностью рельефа и периферийным положением на континенте). Норманны и венгры, терроризировавшие Европу в IX-X веках, были заурядными разбойниками, которые только способствовали укреплению власти местной знати над крестьянами: чем дожидаться помощи от далекого короля, лучше спастись в замке местного графа (правда, затем будешь этому графу многим обязан, но тут уж ничего не поделаешь). Наличие слабого внешнего врага привело к уникальному результату: к XI веку Западной Европе сформировалась и закрепилась примогенитура — принцип наследования, когда после смерти владельца земельный надел не дробится, а целиком наследуется лишь одним (как правило, старшим) из сыновей. Это нелогичный для аграрного общества принцип, он противоречит коллективистской морали, понятию справедливости в рамках второй этической системы (можно сказать, что это была своеобразная этическая флуктуация). Однако этот принцип оказался «полезным» в условиях средневековой Европы: благодаря ему окрепли экономические и политические позиции местной знати, что позволило ей самостоятельно противостоять набегам разбойников. В крестьянских хозяйствах примогенитура повысила их устойчивость, поставила преграду обезземеливанию, стабилизировала демографическую ситуацию. В итоге в Западной Европе на длительный срок была законсервирована раздробленность, которая сформировала новую политическую культуру — культуру договорных отношений на разных уровнях социальной иерархии (европейский феодализм, а затем и парламентаризм), культуру сдержек и противовесов, политических коалиций, препятствующих усилению какой-либо одного политического субъекта.

Примогенитура в крестьянских хозяйствах, остановив перманентный процесс уменьшения размеров земельных наделов, стабилизировала сельскохозяйственное производство, экономически усилила крестьянство. Одновременно, значительная часть населения (младшие братья, которым не достался в наследство земельный надел) стали работать по найму, что способствовало внедрению рыночных отношений на селе. Они же (младшие братья) стали демографической подпиткой растущих городов, фактором роста класса бюргеров. Необходимость самостоятельно добиваться устойчивого состояния в жизни без надежды на наследство способствовало развитию предприимчивости, индивидуализма в сознании, формированию первой этической системы.

Таким образом, эти и ряд других уникальных обстоятельств, сложившихся в Западной Европе к XI веку, прервали циклическую эволюцию аграрного общества и ввели его в бифуркационное состояние, закончившееся переходом на принципиально новую траекторию развития. Отличие Запада от

Востока стало не только формальным, но и сущностным: отныне они стали принадлежать разным этическим системам и перестали понимать друг друга. Киплинг ярко выразил это знаменитой фразой: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись».

Однако есть место на нашей планете, где Запад и Восток постоянно вступают во взаимодействие. Этим местом является Россия. Конфликт этических систем стал важной составляющей общественно-политических процессов в России, начиная с петровских времен. Не является исключением нынешнее время.

Анализ причин переживаемого Россией системного кризиса, охватившего в конце XX века все стороны общественной и экономической жизни, показывает, что они в значительной степени обусловлены кризисом национального самосознания. Либерально-индивидуалистические установки, культивировавшиеся в обществе реформаторами-рыночниками под лозунгом перевода России на рельсы западного, «цивилизованного» пути развития, вошли в противоречие с коллективистскими традициями российского менталитета. Различие социально-психологических установок в различных слоях общества порождает внутреннюю напряженность и нестабильность, является тормозом поступательного социально-экономического развития страны. Как разрешить данную проблему? Насколько фатальны имеющиеся противоречия? Можно ли плавно перейти от общества с коллективистскими социально-психологическими установками к обществу с либерально-индивидуалистическими ценностями?

Мнений на эту тему имеется много и они зачастую прямо противоположны. Объективному пониманию проблемы и связанных с ней закономерностей могут помочь методы анализа, основывающиеся на математическом моделировании социально-психологических процессов в обществе. Базовые компьютерные модели такого типа созданы и изложены в [4, 5, 6].

Результаты моделирования показывают следующее. Формирование социально-психологических установок в рассматриваемом социуме существенным образом зависит от уровня материально-ресурсной обеспеченности и экономической независимости членов социума. Если ресурса в обществе много и он общедоступен, то начинают преобладать силы психологического «отталкивания» между членами общества, усиливается индивидуализм, стремление к полной самостоятельности. Если ресурс уменьшается и возрастают угрозы существованию социума, то его члены становятся все более взаимозависимы, возникает потребность во взаимопомощи, в объединении усилий ради общего выживания. Как следствие, усиливаются коллективистские тенденции в общественном сознании [7].

В свете результатов моделирования становится более ясно, почему в России — в приполярном районе Евразии с суровыми природно-климати-

ческими условиями — так живучи общинные традиции; почему коммунистические идеи, родившиеся в Западной Европе, нашли массовую поддержку и реализовались на государственном уровне именно на просторах бывшей Российской империи. Становится ясно, что российская общинность — не рудимент и признак отсталости (как часто приходится слышать), а естественный механизм социального выживания, выработанный в ходе исторического развития [8, 9, 10].

Безусловно, история не стоит на месте, изменяется и общественное сознание. Какова в этом плане ситуация в современной России?

Попытка перехода на западный путь развития привела к резкому социальному расслоению российского общества. С одной стороны, сформировалась новая торгово-промышленная, финансовая и государственно-бюрократическая элита, реально распоряжающаяся ресурсами страны и живущая по западным стандартам. С другой стороны, уровень жизни основной части общества существенно понизился, эта часть населения вынуждена каждодневно решать проблемы экономического и физического выживания. Проблема заключается в том, что эти два слоя живут в разных условиях: первый в условиях избыточной (по российским меркам) материально-ресурсной обеспеченности, второй — ее крайней недостаточности. Соответственно, в этих двух слоях идут противоположные процессы социально-психологической самоорганизации. В первом слое усиливаются и укрепляются либерально-индивидуалистические тенденции в сознании, характерные для первой этической системы. Во втором слое воспроизводятся коллективистские социально-психологические установки, присущие второй системе. Таким образом, объективно идет прогрессирующий процесс разъединения российского общества на две социальные страты, отличающиеся не только уровнем доходов, но и, что более существенно, самим типом мышления.

То, что приветствуется в рамках одной этической системы, осуждается в другой. Причем, как было показано выше, эти этические системы обладают свойством устойчивости, вследствие чего самопроизвольный и плавный переход между ними невозможен. Одна система может быть заменена другой только путем вытеснения [11], но не симбиоза; совместное их сосуществование в одном обществе приводит к постоянным психологическим конфликтам и дезорганизации социальной жизни.

В современном российском обществе приверженцами этих двух этических систем являются сторонники «правых» и «левых» идей. Эти социальные страты не способны понять друг друга, что уменьшает возможность общенационального объединения, благодаря которому побежденные во Второй мировой войне Германия и Япония преодолели послевоенный кризис и стали могучими экономическими державами. Современная ситуация в Российской Федерации напоминает ситуацию в послепетровской России, когда россий-

ская элита — дворяне — стали ориентироваться на западноевропейские стандарты в культуре и материальном потреблении, что в конечном итоге привело к полному размежеванию дворянского и крестьянского миров и к социальному взрыву начала XX века.

Спецификой России являются высокие производственные издержки, обусловленные суровыми природно-климатическими условиями и не позволяющие достичь одинакового с западными странами уровня потребления для всего общества [12]. Поэтому надеяться на скорое появление в России многочисленного среднего класса, являющегося социально-политическим стабилизатором в странах Запада, нереалистично. Процессы самоорганизации в современной России ведут, как показывает моделирование [5], к усилению имущественной и социально-психологической поляризации и конфронтации социальных страт. В этих условиях важнейшую роль приобретает политика государственной власти. Задача национально ориентированного руководства страны заключается в целенаправленном влиянии (в отличие от западного принципа *laissez-faire*) на процессы социальной самоорганизации с целью смягчения разнонаправленных тенденций и консолидации общества [13]. В условиях России автоматизм решения социально-экономических задач — не более чем иллюзия (вспомним мнение реформаторов-рыночников начала 90-х годов: необходимо ввести в России рынок, а он сам все расставит на свои места). Невозможно прежде поднять экономику и лишь затем решать социальные задачи. Повышенная затратность российского производства (резко снижающая его конкурентоспособность) делает этот путь нереальным, он ведет лишь к усилению внутренних социальных противоречий. Путь должен быть другим: от консолидации общества, через осознание им общенациональных задач (как это было в Германии, Японии, Китае, странах ЮВА), через самоограничение и примат общенациональных задач над личными — к подъему и развитию экономики. Этот путь возможен только при условии целенаправленной политики государства, причем, прежде всего — в информационной сфере.

Направление этой политики позволяет понять компьютерная модель [14], описывающая межгосударственное противоборство на основе математического моделирования конкурентной борьбы между различными странами. Результаты моделирования показывают, что внутренняя устойчивость и сопротивляемость социально-экономических систем (включая государства и их союзы) к дестабилизирующим воздействиям различного типа в значительной степени зависит от отношения уровня антагонистичности отношений элементов внутри системы к уровню антагонистичности отношений между системами (аналогами этих характеристик в биологии является интенсивность внутривидовой и межвидовой борьбы). Другими словами, внутренняя устойчивость и консолидация общества повышаются,

с одной стороны, когда уменьшаются противоречия и снижается конфликтность внутри общества и, с другой стороны, когда возникает общий внешний враг (или общая угроза) [13].

Первый фактор — снижение конфликтности внутри общества — означает достижение национального единства, осознание общих целей всеми социальными слоями. В условиях растущего имущественного неравенства в многонациональном и многоконфессиональном российском обществе достижение единства является чрезвычайно сложной задачей.

О необходимости проведения продуманной социальной политики в России говорилось выше. Важным самостоятельным вопросом является поиск объединяющих идей, консолидирующих многонациональное российское общество. Насаждение вместо пролетарского интернационализма русского национализма приведет лишь к дальнейшей дестабилизации. Общим для всех народов, живущих на территории России, является суровость природно-климатических условий. Этот фактор, существенно усложняющий экономическое развитие, может, однако, оказаться точкой кристаллизации нового российского самосознания. Общие проблемы объединяют. Россия — это не просто географическое понятие, это цивилизация, объединение народов, задачей которых является выживание и развитие в суровых внешних условиях. Русские — это не просто народ в традиционном понимании этого слова (как совокупность индивидов, объединенных общим происхождением), это способ выживания в трудных условиях, основанный на взаимопомощи, способ социальной самоорганизации, культивирующий коллективистские ценности. В этом смысле все, кто долго живет в России, постепенно становятся русскими. Конечно, речь не идет о лубочной идеализации российского коллективизма (его отрицательными проявлениями являются склонность к иждивенчеству, подавление конкурентных начал в экономической деятельности и т.п.). Здесь утверждается, что коллективизм — естественный для российской цивилизации способ выживания и существования. Его не нужно ломать через колено и искоренять во имя повышения экономической эффективности, его нужно использовать оптимальным образом, минимизируя имеющиеся у него отрицательные стороны. Высокая эффективность экономического развития достигается и в обществах с коллективистскими ценностями (Япония, Китай, Индия, страны ЮВА и др.). В России же есть свои — артельные — традиции, объединяющие экономическую активность с коллективистской психологией. Так что нужно лишь вдумчиво подойти к этой проблеме на государственном уровне.

Второй фактор, как правило, предполагает наличие в общественном сознании образа общего внешнего врага (или какой-либо другой угрозы), что способствует консолидации социума, несмотря на имеющиеся в нем внутренние противоречия. Часто правители государств ради снижения внут-

ренных напряжений провоцировали внешнюю напряженность. Так было во времена «холодной войны», которую и США и СССР использовали для данных целей, а также для усиления своего влияния на союзные страны. Так происходит и сейчас, когда США, лишившись серьезного противника в лице СССР, усиленно форсированно создают образ врага в лице мирового терроризма, «стран—изгоев» и т.п. Что касается России, то специально создавать образ внешнего врага в современной ситуации — безрассудно и недопустимо. Наоборот, сейчас очень важно не оказаться втянутыми в международные конфликты, необходимо сосредоточиться на решении внутренних российских проблем. Усиление рассматриваемого фактора может быть достигнуто не за счет усиления политической и военной конфронтации с другими странами, а за счет прагматичного позиционирования России в мировом сообществе, четкого формулирования и последовательного отстаивания своих национальных интересов и цивилизационных особенностей. Иными словами, должна быть достаточно высокая степень противопоставления России другим странам, но не конфронтационная, как во времена СССР, а культурно-цивилизационная — как это делают в настоящее время Япония или Китай.

Регулирование этих процессов невозможно без четкой и твердой государственной политики. Усиление роли государства в современной России должно быть не следствием решения локальных внутриполитических задач в борьбе между разными экономическими и политическими группировками, но результатом продуманной долговременной стратегии укрепления роли России в динамично изменяющемся современном мире.

Литература

1. Лефевр В.А. Алгебра совести. М., Когито-Центр, 2003.
2. Ризниченко Г.Ю. Лекции по математическим моделям в биологии. Часть 1. Описание процессов в живых системах во времени. — Ижевск, НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002.
3. Нефедов С.А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток, 2003, №3, с. 5-22.
4. Малков А.С. Система базовых динамических моделей социальных процессов как основа для прикладного социального моделирования // Математика, компьютер, образование. Сборник научных тезисов 10 международной конференции (г. Пущино, 20-25 января 2003 г.). Москва-Ижевск: Издательство «Регулярная и хаотическая динамика», 2003, с. 291.
5. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В., Малков А.С. Российские модернизации последнего столетия в свете математического моделирования // Техничко-экономическая динамика России: техника, экономика, промышленная политика. М.: ГЕО-Планета, 2000, с. 215-238.
6. Малков С.Ю., Малков А.С. Моделирование социально-психологической устойчивости общества: особенности трансформации национального самосознания в современной России // Стратегическая стабильность, 2003, №1, с. 61-66.

7. Малков С.Ю. Использование методов исследования устойчивости сложных систем для анализа условий стабильного развития стран европейского региона // Стратегическая стабильность, 1998, №2, с. 81-92.
8. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998.
9. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В., Малков А.С. Математическое моделирование социально-экономических процессов. Применение моделей к анализу перспектив российских реформ // Стратегическая стабильность, 1999, №1, с. 34-46.
10. Малков С.Ю., Малков А.С. О влиянии природно-климатических факторов на особенности социально-психологического и экономического развития обществ // Модели социальной эволюции. – М.: Издательство «Гуманитарий», 2004, с.213-237.
11. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.С. Борьба условных информации // Модели социальной эволюции. – М.: Издательство «Гуманитарий», 2004, с. 108-126.
12. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. – М.: Форум, 2001
13. Чернавский Д.С. Модель целеполагания и идеологическое единство России // О социально-экономических проблемах России. Вып.7. – М.: РИИС ФИАН, 2002, с. 41-59.
14. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М., Малков С.Ю., Малков А.С. Математическое моделирование геополитических процессов // Системные проблемы качества, математического моделирования, информационных и электронных технологий. Часть 7. Имитационное моделирование и конфликтология. – М.: Радио и связь, 2003, с.150-170.

Работа поддержана РФФИ (проект № 04-06-80225)

ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ МАНИПУЛИРОВАНИИ БИРЖЕВЫМ РЫНКОМ

© Э.П. Григорьев, В.Е.Лепский, А.Н.Лобанов (Россия)

Э.П.Григорьев
Институт системного
анализа РАН,
ведущий научный
сотрудник, доктор тех-
нических наук

В.Е.Лепский
Институт человека РАН,
заместитель директора,
доктор психологических
наук

А.Н.Лобанов
Физический институт РАН,
кандидат физико-
математических наук

Общеизвестно, что цены на бирже регулируются законом спроса и предложения [1]. Фундаментальным является главный рыночный фактор: объем спроса и предложения на данный момент времени. Однако цену на бирже определяет не только механизм спроса-предложения. Важными и зачастую более существенными условиями ценообразования являются ожидания участников рынка относительно уровня цен в будущем.

Тем самым, движение цен вызывается не только изменением фундаментальных объективных факторов, но также и динамикой субъективных представлений участников рынка относительно будущих тенденций колебания рыночной конъюнктуры. Оба эти вида воздействия на динамику цен проявляются особенно заметно при поступлении на рынок новой информации о балансе спроса и предложения в настоящем и будущем.

Новую информацию участники рынка получают не одновременно. Так называемая, «инсайдерская» информация, т.е. известная узкому кругу лиц, вначале недоступна всем, что создает конкурентные преимущества для лиц и организаций, ею обладающих. Известно, что использование «инсайдерской» информации для торговли на бирже во многих странах является уголовным преступлением. Однако практически всегда такое использование имеет место.

Условимся понимать под манипулированием биржевым рынком любой способ воздействия на ценовую динамику биржи теми или иными средствами. Вызвать движение цен на бирже можно двумя способами: изменением спроса—предложения или путем модификации информационных потоков. В первом из них производится массированная покупка или предложение, будь то реального товара или иностранной валюты, государственных и корпоративных облигаций, акций [2, 3]. В этом случае требуются очень большие финансовые и материальные ресурсы, что делает затруднительным или просто невозможным такое манипулирование на рынках с дневным оборотом порядка триллиона долларов США (валютный рынок, рынок казначейских обязательств, нефтяной рынок).

Естественно, что подобный способ воздействия под силу мощным финансовым структурам, действующим, как правило, на государственном уровне.

Во втором случае движение цен может быть вызвано вбрасыванием через средства массовой информации сведений, которые существенно влияют на участников рынка [4]. Так, последовательный сторонник политики «сильного доллара», министр финансов США Роберт Рубин в конце XX века неоднократно выступал с заявлениями, суть которых сводилась к тезису: «сильный доллар — в интересах США». Это обычно способствовало укреплению доллара на валютном рынке. Влияние Рубина было настолько мощным, что когда появились слухи о его возможном уходе с поста министра, возникло заметное падение доллара относительно европейских валют и японской йены. Так отреагировал рынок тревожным ожиданием возможного отказа США от политики «сильного доллара», которую прежде проводил Рубин.

Другим примером использования информации для регулирования биржевых цен на нефть и нефтепродукты являются выступления правительственных чиновников относительно возможности открытия на продажу стратегических нефтяных резервов США. В этом случае без фактических продаж нефти из резервов удавалось на некоторое время ограничить рост цен на нефть на Нью-Йоркской бирже (СМХ), вызванный опасениями о нарушении ее поставок с Ближнего Востока.

Использование различных способов дозирования и препарирования информации открывает возможности эффективного манипулирования рынками. Этот рычаг используют не только правительства и центральные банки государств, но и крупные корпорации, капитализация которых составляет десятки или сотни миллиардов долларов. Подобный путь воздействия на характер движения цен не требует мобилизации средств, объем которых сопоставим с ежедневным объемом торгов на бирже. Таким образом, можно сказать, что информационное манипулирование состоит в применении способов «безденежного» воздействия на биржевых игроков.

Настоящая работа посвящена описанию механизмов манипулирования биржевыми игроками со стороны лиц, владеющих информационными средствами, и способов воздействия на процессы принятия решений торговцами-участниками биржевых игр. Произведена классификация типов такого манипулирования. По каждому типу разработаны графические концептуальные (когнитивные) модели. При этом акцент делается на те моменты поведения субъектов, которые имеют отношение к иррациональной составляющей мышления человека [5, 6].

Состав участников торгов и информационное обеспечение

Биржевые игроки состоят из двух категорий. Первая категория — это «хеджеры» (англ. hedgers от hedge buying — покупка впрок из опасения роста цен). Данная категория участников торгов состоит из лиц, которые действуют «впрок» — скупают или продают, или хотят продать товары, бумаги и другие финансовые инструменты в расчете опередить повышение или падение цен; они, как правило, имеют реальный товар на продажу или деньги для покупки. В качестве хеджеров обычно выступают производители товаров, оптовые торговцы, банки, страховые и инвестиционные компании. Цель хеджеров — застраховать свои товары от падения цен при продаже или от роста цен при покупке, что необходимо для устойчивости работы компаний и предприятий.

Вторая категория — спекулянты. Их цель — получение прибыли путем покупки бумаг и товаров в момент падения цен и продажи их при росте, зачастую без намерений купить или продать реальный товар. Спекулянты обеспечивают ликвидность рынка и берут на себя финансовые риски, от которых страхуют себя хеджеры. Обе категории торговцев руководствуются в принятии решений о купле—продаже поступающей политической, экономической и иной информацией.

Спекулянты обеспечивают ликвидность рынка, поэтому они работают на всех временных горизонтах, которые по продолжительности могут быть «месячными», «недельными» и т.д., — вплоть до «дневных» и «внутридневных».

Соответственно, воздействие СМИ может быть классифицировано по времени, длительности и категории торговцев, на которую оно ориентировано. Хеджеры в основном используют более продолжительные временные интервалы.

Важнейшим источником информации для биржевых игроков являются средства массовой информации (СМИ), которые отбирают полезные биржевые сведения круглосуточно со всего мира (рис.1). Поскольку эти воздействия направлены на различных получателей информации («реципиентов»), сеансы передачи приурочиваются к времени, наиболее «удобному» для до-

ступа, восприятия, а следовательно, и для информационного воздействия на субъектов биржевых игр.

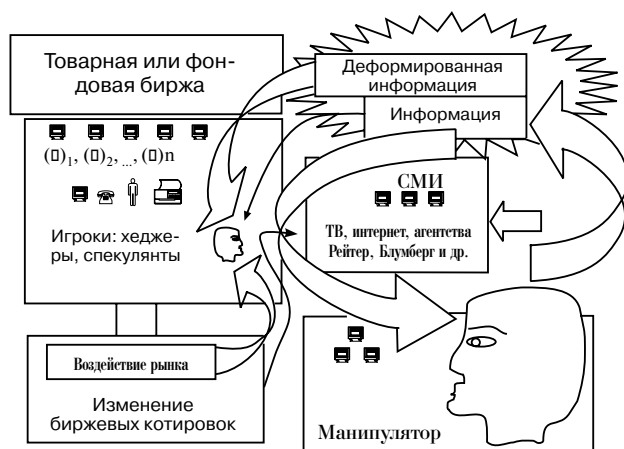

Рис. 1

Например, по Интернету передается лента новостей, связанных с рынком, специально предназначенная для внутридневных игроков. Эту информацию игрок может получить на страницах Yahoo.com, CBSMarketwatch.com или в передачах CNBS, Blumberg-TV, через агентства Рейтер, Блумберг и др.

В Интернете эта информация может идти непрерывным потоком в виде заголовков сообщений, которые представляют собой гипертекстовые ссылки. При их открытии появляются более подробные констатации фактов. Например, сообщается (как факт): «В связи с сокращением текущих запасов нефти в США цена нефти на Нью-йоркской бирже выросла на 2 процента». Или: «Федеральная комиссия по ценным бумагам США открыло расследование деятельности ведущих менеджеров компании «Энрон» относительно завышения декларированной прибыли компании в прошлом году, акции компании упали на 20 процентов». Еще пример: «По данным регионального отделения Федеральной резервной системы США деловая активность в Чикагском регионе в прошлом месяце выросла на 3 процента».

Помимо фактической информации (простой констатации фактов) указанные сообщения могут содержать ту или иную оценку событий, представляемых на ленте новостей. Бывает, что в сообщениях содержатся чистые эмоции или даже «белый шум», который журналист выдает вместо значимой для игроков информации (при отсутствии существенных новостей).

Механизмы и приемы информационного манипулирования поведением биржевых игроков

Каким же образом данный поток информации может оказывать влияние на биржевых игроков? Общим ответом на этот вопрос является нижеследующая гипотеза, развиваемая нами в данной статье.

Можно предположить, что действует универсальный механизм — рефлексия биржевых игроков, определяющая психологические реакции всех без исключения субъектов, выступающих в различных ролевых функциях на плацдарме столкновения финансовых интересов. Несмотря на множество индивидуальных проявлений и ситуационных особенностей, можно выделить два основных контура механизмов рефлексии биржевых игроков, взаимодействующих друг с другом (рис. 2):

(1) Контур внутреннего автоколебания игрока — $(\updownarrow)_1, (\updownarrow)_2, \dots, (\updownarrow)_n$. В этом контуре человек мечется между «жадностью» (Ж) и «страхом» (С), делает выбор двумя полюсами этих ценностных ориентаций в поле «биполярного конструкта» Ж–С, соотнося свою игру с интуитивными ожиданиями успешных или неудачных шагов.

(2) Контур внешнего воздействия со стороны манипулятора на поведение вышеуказанных субъектов. «Препарированная» информация взаимодействует в головах игроков с информацией об изменениях биржевых котировок.

Разумеется, игроки проявляют определенные способности к рефлексии, которая выражается в способности предвосхищению будущей ситуации. Од-

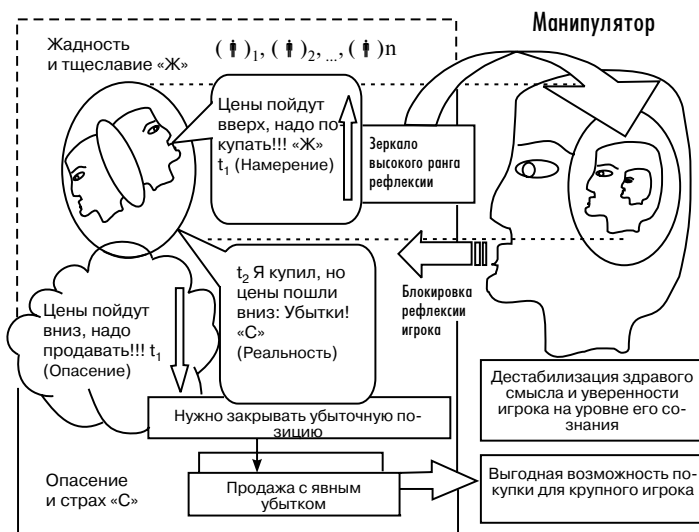

Рис. 2

нако это — невысокий ранг рефлексии, обусловленный раздвоением их сознания. Игрок одновременно подвержен воздействию изнутри силами двух противоположных установок: намерению хорошо заработать (жадность) и опасением потерять вложенные деньги (страх). Обе эти установки носят в значительной степени иррациональный характер [5, 6].

Манипулятор, осуществляющий внешнее воздействие, обладает более высоким рангом рефлексии, чем субъекты биржевой игры (♠). Игроки научились противостоять внешним силам, применяя методы технического и фундаментального анализа. Однако манипуляторы встраивают в обычный поток сведений такие элементы, которые способны воздействовать именно на иррациональную сторону психики человека. При этом на профессиональном уровне учитывают эмоции человека, особенности его психики, интуиции, прочие «тонкие» свойства личности.

Не осознавая всей глубины подобного комплексного воздействия, игрок, купивший данный финансовый инструмент, сталкивается с ситуацией, когда цены пошли вниз. Страх начинает преобладать в его сознании; потеряв контроль, он принимает решение: «немедленно закрывать убыточную позицию, продавать!», что ведет к обогащению крупного игрока, намеревающегося в этот период времени осуществить массированные покупки. Манипулятор действует по контуру внешнего воздействия — использует мысленное «зеркало высокого ранга рефлексии», так как включает в свое сознание не только объективную ситуацию, но и все «раздвоенное» состояние сознания игрока. Он блокирует рефлекссию игрока, дестабилизируя его здравый смысл и уверенность.

Более изощренным способом воздействия является преобразование алгоритма мышления человека на уровне кодов сообщения, исследованных американским психологом Г.Бейтсоном. Фритьюф Капра [5] (со ссылкой на Г.Бейтсона) убедительно показал, что человек не только получает новости сами по себе, но подсознательно выстраивает информацию по иерархии, соответствующей мере различия сведений. Он неминуемо включает в переработку информации прошлые знания и механизм рефлексии, перекодирует объекты, воспринимаемые из внешней среды, в новые внутренние информационные структуры. В книге «Паутина жизни» Ф.Капра пишет [5, с. 329-330]: «... Бейтсон явно предполагает существование независимого мира, состоящего из объективных качеств, таких как объекты, события и различия. Эта независимо существующая реальность затем “преобразуется”, или “перекодируется” во “внутреннюю реальность”». И далее: «...Полученная информация содержит не только сами сообщения, но и сообщения, касающиеся кодирования, то есть относящиеся к другому классу информации». Эти сообщения о сообщениях, или «метасообщения», Бейтсон относит к другому логическому типу, заимствуя этот термин у философов Бертрانا

Рассела и Альфреда Норта Уайтхеда (выделено Ф.Капррой). Далее это предположение естественным путем приводит Бейтсона к «сообщениям о метасообщениях..., или к иерархии логических типов». Такой информационный процесс, включающий «бейтсоновские коды», Ф.Капра называет «общением по поводу общения».

Рассмотрим процесс анализа и восприятия информации торговцем более подробно. Когда торговец находится в открытой позиции, т.е. купил или продал некоторое количество лотов акций или фьючерсных контрактов, он надеется, что цены пойдут вверх, в случае покупки, или вниз, в случае продажи. Предположим, для определенности, что торговец купил, а цена немного пошла вниз. Торговец несет убытки, сначала незначительные. Жадность и тщеславие говорят ему: твой анализ рынка был правильным, в скором времени цена пойдет вверх и ты заработаешь.

Страх говорит: ты был не прав, рынок будет падать дальше, твои малые потери сегодня превратятся завтра в большой убыток, следовательно, нужно закрывать эту позицию как можно скорее. Для манипулятора важно, чтобы покупатель, сделавший долгосрочно правильное решение о покупке, продал ее с убытком, т.е. отдал в чужие руки, например, крупного игрока, осясствующего в этот момент массивованную покупку.

Что для этого необходимо сделать? Естественно, дестабилизировать уверенность и здравый смысл покупателя, создать в его сознании «панику».

Обычно в этом случае начинает идти тенденциозный поток сообщений; либо плохие данные о товаре, который торговец купил, либо совокупность хорошей (для данной открытой позиции) или плохой информации, но с негативным результирующим уклоном. Другой вариант, когда цена товара начинает «стоять», т.е. находится в узком торговом диапазоне, не демонстрируя намерения идти вверх или вниз, начинают идти сообщения о том, что рынок «скучный», «без направления». Сидящему у компьютерного монитора торговцу на скучном рынке трудно сохранить постоянное внимание и концентрацию; это приводит к тому, что он отвлекается (от скуки или нетерпения), не дожидаясь движения в нужном ему направлении, и выходит из своей позиции (в нашем случае продает). Цель манипулятора достигнута: он приобрел перспективную покупку, не загоняя рынок вверх, так как было достаточно продавцов в данный момент.

Следующий тип манипулирования связан с экстремумами рынка. Локальные максимумы возникают тогда, когда последний покупатель, т.е. торговец, желающий купить на данном ценовом уровне, купил — и остались только желающие продать. В этом случае рынок неизбежно идет вниз, как показано на рис. 3. Что делают СМИ в областях максимума? Они выдают сообщения, большинство которых носит позитивный характер. Зачастую

фразы имеют агрессивно однонаправленный характер, как, например, в следующих формулировках: «...фундаментальные показатели свидетельствуют о неизбежности роста». Или «...впервые за прошедшие три месяца уровень евро пробил критический уровень и показал новые максимумы...».

Рис. 3

На рис. 3 изображен график европейской валюты. 20 мая 2003 года было опубликовано интервью с известным финансистом Джорджем Соросом, который заявил, что он уверен в ослаблении доллара и покупает евро. Такое интервью, несомненно, способствовало привлечению новых покупателей на валютный рынок: «ведь сам Сорос покупает!» Весь поток информации как бы кричит торговцу: «покупай, покупай, тебя ждут впереди большие прибыли!». Очень многие люди испытывают неистребимое желание не принимать самостоятельного решения, а следовать за «умником» или успешным финансистом. Эти запоздалые покупатели и подняли в течение четырех недель рынок до уровня 1,18 \$/еуро. Однако стоит задать вопрос: а почему именно в этот момент появилось данное интервью? Неужели такой стратег, как Сорос будет публично раскрывать свои операции на финансовом рынке? По рис. 3 видно, что рост евро начался в апреле 2002 года, и этот рост был весьма внушительным — более 40 процентов.

Возникает гипотеза, что «умные деньги», т.е. крупные биржевые игроки с большой капитализацией, участвовали в этом движении, служили его дви-

жушей силой, они и захотели зафиксировать прибыль, т.е. начать продавать. Чтобы не обвалить при этом цены необходимо привлечь на рынок как можно больше покупателей, и именно на это, возможно, направлено заявление Сороса. Действительно, через месяц после заявления, в конце июня, началось падение евро, которое продолжалось до конца августа. При этом купившиеся на «интервью Сороса», вынуждены были закрывать с убытком свои позиции, так как падение до уровня 1,08 \$/euro средний инвестор выдержать не мог.

Информационное манипулирование фондовым рынком имеет место не только в США. Так, бывший министр финансов России Борис Федоров, заседающий ныне в совете директоров «Газпрома», на встрече с журналистами 29 сентября 2003 года открыто обвинил руководство Минэкономразвития в игре с котировками акций компании [7]. События на фондовом рынке развивались следующим образом. 26 сентября на заседании правительства предполагалось рассмотрение вопроса о реформе «Газпрома». Однако в последний момент газовая реформа из повестки дня вдруг исчезла. Согласно официальной версии это было сделано по инициативе главы Минэкономразвития Германа Грефа и министра энергетики Игоря Юсуфова, заявивших о недостаточной проработке вопроса. Однако к тому моменту заявления представителей Минэкономразвития о скором начале реорганизации газового гиганта и слова Алексея Миллера, что реорганизация «по Грефу» неминуемо приведет к кросс-дефолту компании, сильно раскачали рынок (см. рис. 4, где стрелками указано направление движения цен 25-26 сентября). Взлетевшие было котировки пошли вниз и к концу пятницы 26 сентября акции «Газпрома» упали на 2,33%.

Однако, в чьих конкретно интересах могли действовать министры и их заместители, бывший глава Минфина и налоговой службы не сказал, отделившись уклончивым: «Олигархи»...

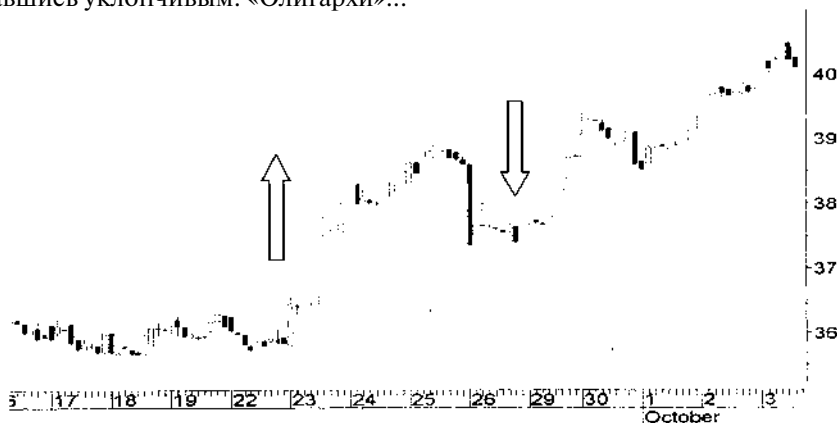

Рис. 4

Инсайдерская информация

Рассмотрим теперь ситуацию, когда рынок вдруг начинает идти в определенном направлении без видимых фундаментальных или технических причин или без новой информации. В сообщениях СМИ выражается удивление: «...не понимаем, что вызвало такой рост (или падение) данной акции либо биржевого индекса». Такие движения без видимых причин вызваны инсайдерской информацией, недоступной основным участникам торгов. Через день-другой, когда сильное движение цены уже на излете и входит в рынок поздно, СМИ объясняют причины движения. Эту скрытую информацию инсайдеры используют, чтобы делать деньги. Остальной она бесполезна, а игроки, поздно вступившие в рынок, получают убытки, так как обычно после сильного движения обычно бывает откат (см. рис.3).

Что делают инсайдеры-манипуляторы? Разумеется, они не могут воздействовать непосредственно на сам процесс математической обработки графиков поведения биржевых цен. Однако, благодаря владением скрытой информацией, инсайдеры способны оказывать воздействие на интерпретацию результатов технического анализа (см. рис. 5).

Рассмотрим теперь, каким образом инсайдер может управлять поведением игроков-торговцев, руководствующихся результатами технического анализа, т.е. выводами из математической обработки графиков движения цен. Практически все торговцы хорошо владеют методами технического анализа или, в крайнем случае, знакомы с ними.

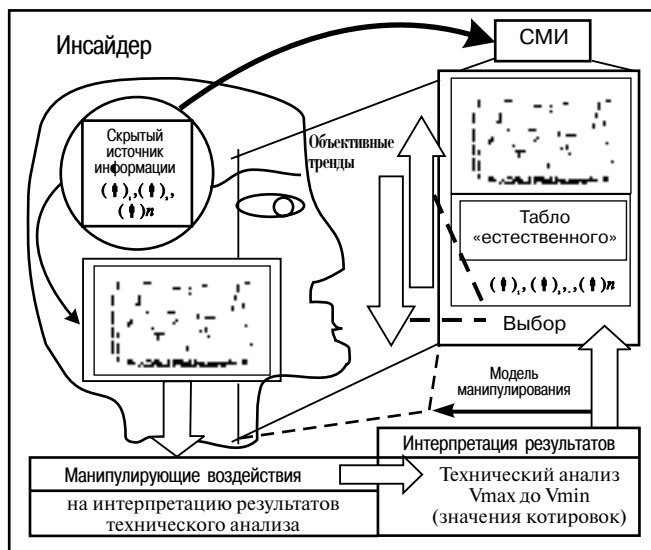

Рис. 5

Приведем краткую иллюстрацию их рассуждений. Пусть цена находилась некоторое время в торговом диапазоне: от V_{\max} до V_{\min} . При приближении к границе диапазона V_{\max} рынок, согласно технического анализу, может развернуться и пойти вниз — либо пробить уровень сопротивления V_{\max} и пойти вверх. При этом, согласно учебникам технического анализа, вероятное движение вверх составит величину, приблизительно равную $K_T = V_{\max} - V_{\min}$, т.е. ширину торгового коридора (K_T). Трейдеры, ожидающие продолжение диапазонной торговли и купившие на уровне V_{\min} , будут продавать на уровне V_{\max} , или может быть, даже входить в короткую позицию, в надежде заработать на движении вниз, закрыв продажу (купив) на V_{\min} . Те, кто надеется на пробой уровня сопротивления V_{\max} , будут покупать в районе этого уровня или выше его, когда цена превысит эту верхнюю границу ценового диапазона.

Предположим, инсайдеры имеют информацию о большой вероятности возврата в ценовой коридор. При кратковременном пробое вверх уровня сопротивления V_{\max} начинается поток положительных сообщений: «...накопец-то мы вышли из этого многомесячного торгового диапазона и нас ждет мощное «ралли». Тут же найдутся и много фундаментальных положительных данных о перспективах на рост данного финансового инструмента. Как только толпа, «слабые руки», т.е. трейдеры с малой капитализацией, бросится в покупку, «сильные руки» начнут продавать. При возвращении в торговый диапазон бросившиеся покупать начнут нести убытки и резко сбрасывать свои покупки, чтобы минимизировать потери.

В результате массовой продажи цена упадет и «сильные руки» заработают за счет «слабых». На следующий день СМИ будут писать, что произошла ликвидация длинных позиций. Это выражение ничего не объясняет, а только создает впечатление, что аналитики «правильно понимают ситуацию, дают грамотные рекомендации торговцам». На самом же деле цена пошла вниз, потому что покупатели оказались слабее продавцов.

При противоположной ситуации, когда «сильные руки» купили вблизи уровня сопротивления V_{\max} , начинают идти сообщения, что «ралли выдохлось», фундаментальные данные для данного финансового инструмента слабые, что можно ожидать отката и возврата в торговый диапазон и т.д. «Слабые руки» в этом случае начинают продавать на уровне сопротивления, позволяя «сильным» осуществить выгодную покупку, не загнав рынок высоко.

При пробитии вверх уровня сопротивления V_{\max} , продавцы начинают нести убытки, что вынуждает их закрывать свою продажу, т.е. покупать с убытком. Эта массированная покупка торговцев, выскакивающих из убыточной позиции, резко вздувает цены, что позволяет заработать «сильным рукам», купившим ранее. А аналитики СМИ расскажут на следующий день, что произошло закрытие коротких позиций, т.е. опять будет иметь место

констатация того, что продавцы оказались слабее покупателей, а не объяснение причин этого движения.

Заключение

Из приведенных выше схем манипулирования ясно, что существуют нетривиальные задачи, вызывающие необходимость исследования влияния СМИ на психологию торговцев, на их способность принимать осмысленные и взвешенные решения.

Схемы манипулирования реализуются на разных уровнях и временных горизонтах, начиная от товара определенного вида (нефть, золото и т.д.) и кончая курсами валют и индексами фондового рынка. В последнем случае манипулирование может приводить не только к достижению манипулятором существенной прибыли и соответствующим убыткам других участников торгов, но также к серьезным политическим и экономическим последствиям для государства (можно вспомнить резкий обвал курса Британского фунта, Азиатский финансовый кризис или четырехкратное падение курса рубля в конце XX века).

Особая опасность манипулирования возникает в современных условиях при широком распространении биржевых счетов с использованием маржи и производных финансовых инструментов. Высокий рычаг значительно увеличивает риски, так как при этом даже не очень сильные изменения котировок (+/-10%) могут приводить к катастрофическим финансовым потерям в десятки и сотни процентов.

В этой связи представляет интерес разработка методов раннего обнаружения информационного манипулирования рынками с целью реализации способов его нейтрализации и предотвращения негативных последствий. Эта задача становится все более актуальной не только для участников рыночных отношений, но и для государств в интересах обеспечения их информационной безопасности.

В качестве основы таких методов могут быть использованы разработанные ранее методы решения плохо обусловленных задач в области психологии восприятия и обучения [8-11], модели и технологии рефлексивного управления, а также технологии организации, автоматизированных систем поддержки принятия решений в управленческой деятельности [12].

Литература

1. Шарп У.Ф., Александер Г.Дж., Бэйли Д.Б. Инвестиции. — М: «Инфра». 1999.
2. Grant Noble. The trader Edge, IRWIN Professional Publishing, Chicago-London-Singapore, 1995.
3. Edwin Lefevre, Reminiscences of a stock operator. Reprint of 1923. Chicago:Traders Press,1995.
4. Klein, Prestbo. News and the Market. Chicago: Regnery, 1974.

5. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. – М.: София, 2003.
6. Foundations of behavioral and experimental economics: Daniel Kahneman and Vernon Smith, Advanced information on the Prize in Economic Sciences 2002, 17 December 2002, The royal Swedish academy of sciences.
7. Калюков Е. Gazeta.ru/2003/09/29/borisfederov.shtml/.
8. Grigoriev E.P. (1978). La Methode Invariante de Conception. In: «Conception Assessee en URSS. Theorie et Pratique», collected articles, Proceeding: Notes methodologiques en architecture et en urbanisme, №8, Paris, ENSBA. (in French);
9. Grigoriev Elgen P. (1998). Overcoming Indefinity in a Decision Making Process With the «INVARIATRON» System. In: Cyber-Real Design/ Conference book of 5th International Conference on Computer In Architectural Design 23-23 April 1998, Published by Technical University of Bialystok, Poland. Edited by A.Asanowicz & A.Jakimowicz.
10. Grigoriev E., Zhirkov O. (1991). Collective Decision Making and Decision Implementation Activities (INVARIATRON). //Position statement in: «Proceedings of the 2nd European conference on computer-supported cooperative work - ECSCW'91, 24-27 September 1991, Amsterdam, the Netherlands, p. 331.
11. Napalkov A.V., Grigoriev E.P., Tselkova N.V. (1991). Brain Information Process Analysis as a Basis of the Development of Invariantron System.// International Journal of Systems Research and Informational Science.- Gordon & Breach Science Publishers S.A./ London U.K., 1991. Vol. 4, pp. 191-206.
12. Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. — М.: Институт психологии РАН. 1998. — 204 с.

МЕНТАЛИЗМ И БИХЕВИОРИЗМ: СЛИЯНИЕ? *

© В.А. Лефевр (США)

Калифорнийский университет,
Ирвин, США, профессор

Рефлексивно-интенциональная модель субъекта (RIMS) связывает биполярное вероятностное поведение субъекта с его ментальной сферой. Мы показываем, что закон соответствия (Matching Law) является формальным следствием этой связи. RIMS позволяет теоретически вывести основные паттерны поведения животных в экспериментах с двумя альтернативами. Эта находка позволила нам выдвинуть гипотезу, что закон соответствия отражает процесс самопрограммирования организма, обладающего ментальной сферой, в результате которого он приобретает способность выбирать альтернативы с фиксированными вероятностями. При таком объяснении относительные частоты нажатий на педали или клевков в ключи играют роль полуфабрикатов, которые после самозагрузки превращаются в вероятности выбора. Закон соответствия может служить операциональным индикатором существования у организма внутреннего мира.

Введение

Наука о субъективном, наделяющая живое существо полостью для внутреннего мира, и наука о поведении, отказывающая ему в этом, имеют одну общую черту: организм предстает в них в своей целостности. При этом в фокусе первой лежит отношение субъекта к самому себе, а в фокусе второй находится отношение субъекта и среды (Tolman, 1932). В течение последних десятилетий демаркационная линия между ментализмом и бихевиоризмом существенно изменилась: была создана формальная модель субъекта, одновременно отражающая и его ментальный домейн, и взаимодействие со средой. Верификация этой модели проявляется как ее экспансия в различные уже сложившиеся ветви психологии, социологии и антропологии. Однако именно бихевиоризм представляется наиболее привлекательным полем для

* Ранний вариант этой статьи был опубликован в «Психологическом журнале» и в английской версии журнала «Рефлексивные процессы и управление».

такой экспансии. Причина лежит в его суровой внутренней дисциплине и методологической честности, позволяющих ясно отделять понятое от непонятого. Одной из главных нерешенных проблем науки о поведении является закон соответствия (Matching Law), сформулированный Хернштейном (Herrnstein, 1961). Сущность этого закона заключается в способности птиц и млекопитающих странно, с точки зрения утилитарного здравого смысла, регулировать отношение между последовательностью реакций и последовательностью стимулов (см. Williams, 1988). В этой работе мы предлагаем решение этой проблемы с помощью рефлексивной модели интенционального субъекта (RIMS)¹.

Создание этой модели стимулировалось попыткой понять, что собой представляет феномен «морального выбора», если подходить к нему не с моралистической, а с чисто научной точки зрения. Проблема вскрытия объективных законов морального выбора волнует огромное число специалистов, от психиатров до психологов, изучающих преступную и террористическую деятельность. В рамках таких исследований ментальный домейн человека должен быть представлен столь же ясно и однозначно, как поведение в рамках бихевиоризма. RIMS — это особая математическая репрезентация субъекта, совершающего выбор между двумя альтернативами. Данная модель отражает два аспекта активности субъекта — утилитарный и деонтологический. Утилитарный аспект связан с практически выгодным поведением, направленным, например, на получение денег или пищи; деонтологический — с идеалистическим поведением, таким, например, как выбор между добром и злом. При этом «моральная» ориентация альтернатив может не совпадать с их утилитарной ориентацией. Например, сделка с врагом может оказаться практически более выгодной, чем договор с другом. Эти два различных аспекта связываются формализмом модели в единый процесс генерации поведения.

RIMS является вероятностной моделью. Она предсказывает вероятность, с которыми субъект выбирает альтернативы; одна из них играет для него роль позитивного полюса, другая — негативного. Мысль о том, что выбор субъекта имеет вероятностный характер возникла в начале двадцатого века и была воплощена во многих теоретических моделях (Thurstone, 1927; von Neuman & Morgenstern, 1944; Savage, 1951; Mosteller & Nogee, 1951; Bradley & Terry, 1952; Davidson, Suppes & Siegel, 1957; Bower, 1959; Luce, 1959; Audley, 1960; Spence, 1960; Restle, 1961; LaBerge, 1962; Atkinson et al., 1965). Эта линия исследований существенно изменила предшествующий взгляд на поведение как на процесс, однозначно детерминированный внешним миром. При этом, хотя были разработаны эффективные методы предсказания результатов вероятностного выбора, вопрос о его природе остался в стороне. У нас до сих пор нет ясного представления о том, все или только некоторые

живые существа способны к вероятностному выбору, как организм «узнает», с какими вероятностями он «должен» совершать выбор в данной ситуации. RIMS связывает вероятностное поведение субъекта с его ментальной сферой и позволяет сформулировать несколько новых гипотез. В рамках этой модели предполагается, что субъект перед актом выбора находится в неопределенном состоянии, которое может быть охарактеризовано распределением вероятностей выбора альтернатив. Используя квантово-механическую метафору, мы можем сказать, что субъект непосредственно перед актом выбора находится в смешанном состоянии, а сам акт выбора есть «коллапс» смешанного состояния, в результате чего субъект переходит в одно из чистых состояний. Следует подчеркнуть, что способность организма производить выбор альтернатив с фиксированными вероятностями говорит о его достаточно высоком уровне развития. Специалисты по математическому моделированию знают, как трудно создать техническое устройство, способное генерировать случайную последовательность нулей и единиц с заданной вероятностью их появления. Возможно, что способность организма к недетерминированной реакции на стимул помогает ему добывать себе пищу и не становиться пищей для других организмов (Lefebvre, 1999a).

Мы можем предположить, что вероятностное поведение появляется одновременно с появлением у организма ментальной сферы. Их возникновение знаменует момент «освобождения» организма от «необходимости» однозначно реагировать на внешние воздействия. Чтобы выбирать альтернативы с определенными вероятностями, организм должен каким-то образом «загрузить» эти вероятности в самого себя. Мы полагаем, что «секрет» закона соответствия как раз и заключается в том, что он отражает процесс формирования у субъекта смешанного состояния, для перехода в которое субъект перерабатывает информацию, получаемую из внешнего мира в вероятностное распределение. Представим себе, что организм голубя, крысы и даже человека не способен решить эту задачу только посредством активности мозга. Поэтому в процесс вычисления вовлекается весь организм, и «беготня» животного в экспериментах с двумя кормушками (в которых обнаруживает себя закон соответствия) есть внешнее проявление этого процесса, цель которого породить «частоты», которые затем превратятся в «вероятности». В результате такой «загрузки» вероятности субъект оказывается способным произвести мгновенный вероятностный выбор. И эта способность достается субъекту не даром. Чтобы обладать ею, его организму приходится тратить энергию.

Эксперименты с людьми в ситуациях с двумя ключами (см. Ruddle et al., 1979; Wearden & Burgess, 1982) позволяют предположить, что формирование смешанного состояния у человека также связано с моторной деятельностью. Оно может проявлять себя и в других экспериментах. Например, при оценке

интенсивности стимула с помощью категориальной шкалы, карандаш испытуемого некоторое время колеблется, прежде чем делается окончательная отметка. Иногда даже трудно установить, какая отметка является финальной (Poulton & Simmonds, 1985). Мы можем предположить, что эти колебания функционально аналогичны беготне крысы между кормушками. Отметим, что RIMS может объяснить и процесс категориальной оценки (Lefebvre, 1992a). Нельзя исключить возможности, что у человека загрузка вероятностей может происходить и посредством движения глаз.

Наиболее важное отличие RIMS от прежде существовавших моделей заключается в введении в нее особой переменной, которая соответствует модели себя у субъекта (Лефевр, 1965; Lefebvre, 1977b). Мы интерпретируем значение этой переменной как интенцию субъекта совершить выбор. Интенциональное поведение в RIMS задается условием $B = I$, где B — значение переменной, описывающей поведение субъекта, а I — значение переменной, соответствующей образу себя. В этом случае переменная I может быть опущена, и мы получаем модель бихевиористского типа, потенциально опровергаемую эмпирически. В рамках RIMS организм субъекта стремится генерировать такую линию поведения, при котором достигается и поддерживается равенство $B = I$. Этот принцип генерации поведения мы далее называем законом саморефлексии (Lefebvre, 2002).

1. Место закона саморефлексии в логической схеме эволюции бихевиоризма

В эволюции науки о поведении прослеживается ясная логика, мало зависящая от индивидуальных предпочтений исследователей и от запретов на использование интроспективных понятий (например, требование Павлова к помощникам не использовать выражений «собака заметила», «собака догадалась» и т.д.). Мы выделяем в развитии бихевиоризма четыре этапа и полагаем, что сегодня совершается переход к пятому (см. рис. 1). Каждый этап может быть охарактеризован некоторым “законом”, сжато выражающим определенный принцип поведения живого организма.

На первом этапе, появившемся в эпоху картезианства, организм представлялся в виде черного ящика со входом и выходом (если использовать более позднюю метафору). Выходу соответствуют акты жизнедеятельности организма, называемые реакциями, а входу — воздействия на субъекта со стороны окружающего мира. Внутри ящика находится некоторый механизм, автоматически трансформирующий каждое воздействие в реакцию. Такая трансформация была названа рефлексом.

Второй этап связан с открытием Павловым (Pavlov, 1927) того факта, что рефлексy бывают двух типов: одни врожденные, а другие являются результатом индивидуального опыта организма. Первые получили название безусловных, а вторые условных рефлексов.

Большинство вероятностных моделей поведения, в которых воздействию соответствует вероятностное распределение, относится к первому или второму этапам.

На третьем этапе было обнаружено, что автоматическая реакция на стимул может эволюционировать, становясь все более эффективной. Начало этого этапа было положено Торндайком (Thorndike, 1932), который сформулировал закон эффекта, отражающий способность живого существа модифицировать реакцию на стимул в зависимости от «эффекта», вызванного ее осуществлением. Например, организм кошки, запертой в клетке, производит селекцию успешных манипуляций с запором, и в конце серии экспериментов кошка, чтобы получить пищу, выходит из клетки быстрее, чем в начале (см. также Herrnstein, 1970; Williams, 1988).

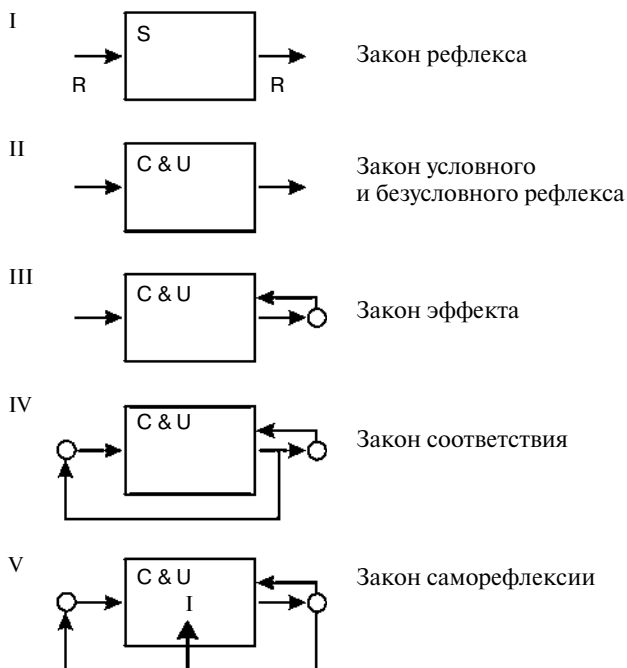

Рис. 1. Логические этапы развития бихевиоризма. Схема не отражает временного порядка возникновения идей. Например, Павлов, Торндайк, Уотсон и Бехтерев работали примерно в одно время. Однако вклад раннего Уотсона и Бехтерева принадлежит первому этапу, Павлова — второму, а Торндайка — третьему

Четвертый этап связан с новыми экспериментальными методами, разработанными Скиннером (Skinner, 1938) и его последователями. В опытах, которые они проводили, реакция животных могла влиять на устройство,

генерирующее стимулы. Оказалось, что при таких условиях животное порождает особую линию поведения, в процессе течения которой между последовательностью стимулов и последовательностью реакций устанавливается устойчивое количественное соотношение. Математическая формула, выражающая это соотношение, названа законом соответствия. Было сделано значительное число попыток объяснить этот закон в рамках достаточно замкнутой системы понятий бихевиоризма, но до сих убедительного объяснения так и не было предложено.

Взгляд на закон соответствия с точки зрения RIMS говорит нам, что этот закон есть проявление биполярности и закона саморефлексии (Lefebvre, 1999a; 2002). Такие понятия как образ себя и интенция находятся за пределами словаря бихевиоризма. Поэтому без расширения концептуальных рамок наука о поведении рискует потерпеть поражение в попытках объяснить закон соответствия. Расширение же этих рамок будет означать переход к пятому этапу (рис.1), который знаменует собой слияние ментализма и бихевиоризма.

2. Закон соответствия

Способность организма к регуляции связи между последовательностью реакций и последовательностью подкреплений была открыта Хернштейном (Herrnstein, 1961) в опытах с голубями. Стандартная камера для голубей была оборудована двумя ключами, клевки в которые могли вызвать подачу зернышка. Каждый ключ управлялся независимой программой, позволяющей варьировать средний интервал времени между подачами (программа VI). Эксперимент состоял из последовательных сессий, в каждой из которых средний интервал для каждого ключа был фиксирован. Пары интервалов подбирались так, чтобы иногда один ключ выдавал подкрепления чаще, а иногда — другой.

Оказалось, что птицы выбирают такую линию поведения, при которой числа клевков в различные ключи (B_1 и B_2) примерно пропорциональны числам соответствующих подкреплений (r_1 и r_2):

$$\frac{B_2}{B_1} = \frac{r_2}{r_1} . \quad (2.1)$$

Соотношение (2.1) получило название закона соответствия. Дальнейшие эксперименты проводились не только с голубями, но также с крысами и людьми. Помимо программ VI использовались и другие программы; например, VR, при которых варьируется не временной интервал между последовательными подачами пищи, а среднее число клевков или нажатий на педали, необходимое для получения подкрепления. Результаты этих экспериментов

привели к формулировке обобщенного закона соответствия (Baum, 1974):

$$\frac{B_2}{B_1} = c \left(\frac{r_2}{r_1} \right)^\beta, \quad (2.2)$$

где c и β параметры, характеризующие поведение отдельного субъекта в эксперименте, состоящем из последовательности сессий. Сравнительно недавно Баум и др. (Baum et al., 1999) допустили возможность того, что закон (2.2) может быть сведен к соотношению

$$\frac{B_P}{B_N} = c \left(\frac{r_P}{r_N} \right), \quad (2.3)$$

где $B_P > B_N$. Величины с индексом P относятся к альтернативе, которую субъект выбирает чаще, а N — которую реже. В более поздней публикации Баум заменил условие $B_P > B_N$ условием $r_P > r_N$ (Baum, 2002).

Соотношения (2.1), (2.2) и (2.3) являются частными случаями более общего соотношения

$$\frac{B_2}{B_1} = c \left(\frac{\phi(r_2)}{\phi(r_1)} \right), \quad (2.4)$$

отражающего поведение субъектов в описанных выше экспериментах (Davison & Jones, 1995; Baum & Aparicio, 1999).

3. Попытки объяснить закон соответствия не выходя за рамки науки о поведении

Почему выполняется соотношение (2.4)? Естественно предположить, что оно является «побочным продуктом более фундаментальных процессов» (Williams, 1988). Доминирующий взгляд на то, чем является этот процесс, содержится в следующих словах Баума и Апаричио: «Несмотря на существование других точек зрения, все ведущие теории о выборе животных в экспериментальной камере объясняют его с помощью моделей оптимизации» (Baum & Aparicio, 1999). Идея оптимальности созвучна главному тезису философии бихевиоризма, в соответствии с которым животное так адаптируется к среде, что выглядит рациональным и целенаправленным.

Существует большая литература, в которой приводятся общие и экспериментальные аргументы за или против принципа оптимальности для объяснения закона соответствия (Williams, 1988; Baum et al., 1999). Весомым аргументом против являются результаты экспериментов, проведенных Мазуром (Mazur, 1981). В этих экспериментах голуби ставились в условия, при которых стремление к максимизации поступления пищи могло быть легко

обнаружено. Тем не менее птицы выбирали стратегии, не являющиеся оптимальными, однако такие, при которых выполняется соотношение (2.4).

Второй аргумент, который мы рассматриваем как критический для идеи оптимизации, требует более детального обсуждения. В выражении (2.2), описывающем обобщенный закон соответствия, есть два свободных параметра α и β . Значения этих параметров находятся экспериментально для каждого субъекта. Вопрос о причинах, заставляющих ввести параметр β , вызвал оживленную дискуссию (Baum, 1979; Wearden & Burgess, 1982; Aparicio, 2001), а параметр α чаще всего рассматривается просто как шкальная величина, связывающая полезности единиц подкрепления, получаемых от двух различных источников и более подробно не обсуждается. Необходимость его введения обосновывается примерно такими рассуждениями. Представим себе, что кусочек пищи, получаемый из левой кормушки составляет 0.75 от веса кусочка, получаемого из правой. Если теперь записать соотношение (2.1) не для чисел кусочков (r_1 и r_2), а для суммарных «полезностей» кусочков, в данном случае равных весам, получаем:

$$\frac{B_2}{B_1} = \frac{0.75r_2}{r_1} . \quad (3.1)$$

Подобного рода аргументация распространяется и на те эксперименты, в которых кусочки совершенно одинаковы. В этих случаях полагается, что параметр α отражает некоторый постоянно действующий, но скрытый фактор, изменяющий ценности единиц одного и того же продукта, полученного из двух различных источников. Иногда для спасения этой аргументации приходится допускать, что организм субъекта способен отобразить в число статистические характеристики наборов факторов, действующих одновременно. Как иначе объяснить фиксированность α в экспериментах, где одна из альтернатив связана с программой VI, а другая с VR (см. например, Baum, 1974, Fig.5)? В этом случае объяснение константности α превращается в самостоятельную проблему, сравнимую по сложности с задачей объяснения закона соответствия. А если отказаться от интерпретации α как шкального коэффициента, то все известные нам попытки свести закон соответствия к максимизации оказываются неубедительными.

4. RIMS

Рефлексивно-Интенциональная Модель субъекта отражает внутренний мир и поведение субъекта, взаимодействующего с двумя различными объектами, которые далее будут называться «агентствами». Одно из агентств играет роль позитивного полюса, а другое — негативного. Субъект в RIMS представляется уравнением вида

$$X_1 - x_1 - (1 - x_1)(1 - x_2)M(x_3) = 0, \quad (4.1)$$

где все переменные и функция $M(x_3)$ принимают значения из интервала $[0, 1]$ (Lefebvre, 1999b; 2001; Лефевр, 2003).

Переменная X_1 представляет исполнительную систему субъекта. Ее значение есть относительная вероятность, с которой исполнительная система готова воздействовать на позитивное агенство. Переменная x_3 соответствует модели себя у субъекта. Она представляет интенциональную сферу субъекта. Ее значение есть относительная вероятность, с которой субъект намерен воздействовать на позитивное агенство. При этом, возникновение намерения и возникновение готовности рассматриваются как два независимых события. Далее для упрощения языка мы будем называть значение X_1 готовностью, а значение x_3 интенцией.

Переменная x_1 представляет характер отношений между субъектом и позитивным агенством в данный момент. Ее значение может интерпретироваться двумя способами: во-первых, как относительная вероятность, с которой позитивное агенство воздействует на субъекта; во-вторых, как потребность субъекта, чтобы позитивное агенство воздействовало на него с такой вероятностью.

Переменная x_2 представляет опыт субъекта. Ее значение есть интегральная оценка относительной вероятности, с которой позитивное агенство воздействовало на субъекта в прошлом.

Функция $M(x_3)$ представляет прогностическую активность субъекта. Ее значение есть субъективная оценка степени позитивности будущего, при условии, что интенция x_3 претворяется в реальность.

Среда может детерминировать все или только некоторые из значений X_1, x_1, x_2, x_3 . Если набор значений, детерминированных средой таков, что ограничение (4.1) не реализуется, мы считаем, что субъект дезадаптирован. В противном случае мы считаем, что субъект адаптирован к среде, и переменные, не детерминированные средой, могут принимать любые значения, не нарушающие (4.1).

Если значение x_1 детерминировано средой, оно интерпретируется как воздействие, полученное от среды, в противном случае, оно интерпретируется как потребность в воздействии со стороны среды.

Адаптированный к среде субъект называется интенциональным, если (4.1) дополнено ограничением

$$X_1 = x_3, \quad (4.2)$$

т.е. у интенционального субъекта готовность к действию соответствует его интенции действовать. Мы называем интенциональным вероятностным выбором выбор интенционального субъекта.

При условии (4.2) выражение (4.1) превращается в уравнение относительно X_1 :

$$X_1 - x_1 - (1 - x_1)(1 - x_2)M(X_1) = 0. \quad (4.3)$$

Отсутствие решений у этого уравнения означает, что субъект неспособен к интенциональному действию. В случае, когда это уравнение имеет решение, т.е. существует функция

$$X_1 = f(x_1, x_2), \quad (4.4)$$

удовлетворяющая (4.3), мы можем исключить x_3 из рассмотрения, и RIMS превращается в бихевиористскую модель, все переменные которой могут быть соотнесены с наблюдаемыми величинами.

В случае, когда X_1 не есть эффективная функция переменных x_1 и x_2 , мы полагаем, что субъект обладает способностью к выбору, даже вероятность которого не может быть предсказана внешним наблюдателями. Такой выбор мы называем свободным.

При моделировании конкретных психологических процессов могут вводиться дополнительные функциональные ограничения на связи между переменными X_1, x_1, x_2, x_3 , отражающие специфические свойства моделируемых субъектов. Из уравнения (4.1) следует, что независимо от вида функции $M(x_3)$, выполняются неравенства

$$x_1 \leq X_1 \leq 1 - x_2 + x_1 x_2. \quad (4.5)$$

В рамках этой работы мы полагаем, что функция $M(x_3)$, является линейной и имеет вид

$$M(x_3) = (1 - d)x_3, \quad (4.6)$$

где $d \in [0, 1]$. Значение d интерпретируется как индекс депрессии, понижающий прогнозируемую субъектом степень позитивности будущего. Например, когда этот индекс принимает максимальное значение $d = 1$, $M(x_3) = 0$, т.е. будущее для субъекта негативно, а при $d = 0$, $M(x_3) = x_3$, т.е. степень позитивности будущего всегда равна величине интенции. При условии (4.6), равенство (4.3) превращается в уравнение:

$$X_1 = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2)(1 - d) X_1, \quad (4.6a)$$

из которого следует, что при $x_1 + x_2 + d > 0$

$$X_1 = \frac{x_1}{1 - (1 - x_1)(1 - x_2)(1 - d)}. \quad (4.7)$$

а в случае, когда $x_1 = x_2 = d = 0$, величина X_1 не является эффективной функцией x_1 и x_2 и, в соответствии с определением, субъект обладает способностью к свободному выбору.

При $x_1 > 0$ соотношение (4.7) может быть представлено в виде

$$\frac{1 - X_1}{X_1} = (1 - (1 - x_2)(1 - d)) \left(\frac{1 - x_1}{x_1} \right). \quad (4.8)$$

Свяжем теперь это равенство с числами воздействий субъекта на различные агентства и числами воздействия различных агентств на субъекта. Положим, что

$$X_1 = \frac{N_1}{N_1 + N_2}, \quad x_1 = \frac{n_1}{n_1 + n_2},$$

где N_1 и N_2 средние числа воздействий субъекта на позитивное и негативное агентства, а n_1 и n_2 средние числа воздействий, получаемых субъектом от позитивного и негативного агентств. Подставляя эти значения в (4.8), получаем

$$\frac{N_2}{N_1} = p \left(\frac{n_2}{n_1} \right), \quad (4.9)$$

где

$$p = 1 - (1 - x_2)(1 - d). \quad (4.10)$$

Выражение (4.9) есть одна из форм представления интенционального субъекта при $M(x_3) = (1 - d)x_3$. С другой стороны, (4.9) соответствует обобщенному закону соответствия (2.2) при $\beta = 1$. Мы видим, что если (2.2) записано так, что B_1 соответствует позитивному полюсу, а B_2 — негативному, то свободному параметру p соответствует значение p .

Назовем величины

$$\frac{n_1}{N_1} = D_1 \quad \text{и} \quad \frac{n_2}{N_2} = D_2$$

плотностями подкрепления D_1 и D_2 . Теперь (4.9) можно записать как

$$\frac{D_1}{D_2} = p. \quad (4.11)$$

Из эквивалентности (4.11), (4.9), (4.8) и (4.7) следует, что субъект интенционален тогда и только тогда, когда выполняется (4.11).

5. Моделирование эксперимента с двумя ключами

Мы полагаем, что активность субъекта в эксперименте с двумя ключами выполняет не только функцию добычи пищи, но и функцию генерации смешанного состояния (см. Введение). Сначала организм стабилизирует относительные частоты контактов с агентствами, поддерживая равенство $X_1 = x_3$. После ста-

билизации частота $N_1/(N_1+N_2)$ «превращается» в равную ей вероятность, характеризующую смешанное состояние субъекта. Далее мы показываем, как эксперимент с двумя кормушками может быть промоделирован с помощью RIMS.

Субъект находится в клетке с двумя устройствами для подачи пищи, каждое связано с ключом, в который «клюет» субъект. Клевки достаточно редко подкрепляются выдачей кусочков пищи. Каждый ключ управляется независимой программой типа VI или VR. Эксперимент состоит из последовательных сессий. В каждой сессии средние интервалы подачи пищи фиксированы для каждого ключа. Положим, что

- (1) Подготовка испытуемого к эксперименту (например, ограничение пищевого рациона) и условия его содержания в процессе эксперимента детерминируют величину индекса депрессии d , который сохраняется постоянным на протяжении всего эксперимента.
- (2) В начале каждой сессии происходят следующие события:
 - (a) Одна кормушка приобретает статус позитивного агентства, а другая — негативного.
 - (b) Переменная x_2 принимает фиксированное значение, зависящее от средней частоты подкрепления в предыдущих сессиях той кормушки, которая соответствует позитивному агентству в данной сессии. Если данная сессия первая, то $x_2 = 1/2$.

Целью этого процесса является формирование и поддержание состояния, в котором у организма есть способность к мгновенному интенциональному вероятностному выбору. RIMS не говорит нам, какую стратегию выберет субъект, чтобы достичь и поддерживать соотношение (4.11). Возможно, субъект стремится сохранять это соотношение для локальных плотностей способом, похожим на тот, который дает модель мелиорации (Rachlin, 1973; Vaughan, 1985).

6. Паттерны поведения, которые предсказывает RIMS

Условимся называть альтернативу (ключ) более богатой, если в данной сессии субъект ведет себя так, что она подкрепляется чаще, чем другая. В рамках RIMS альтернативы поляризованы. Одна является позитивным полюсом, а другая — негативным. Рассмотрим три возможных отношения между поляризацией и богатством альтернатив на множестве сессий.

- (A) Одна из альтернатив является позитивным полюсом во всех сессиях, независимо от того она более богата или нет.
- (B) В каждой сессии позитивным полюсом является менее богатая альтернатива.
- (C) В каждой сессии позитивным полюсом является более богатая альтернатива.

Не теряя общности рассуждения, назовем одну альтернативу правой, а другую левой. Пусть K_1 и K_2 числа клевков в правый и левый ключи, а k_1 и k_2 числа подкреплений, получаемых от правой и левой альтернативы, соответственно. Построим теперь графики величины $K_1/(K_1 + K_2)$ в зависимости от $k_1/(k_1 + k_2)$ и величины $\log(K_2/K_1)$ в зависимости от $\log(k_2/k_1)$ для случаев (А), (В) и (С). Величины, относящиеся к позитивному полюсу, мы будем обозначать по-прежнему N_1 и n_1 , а относящиеся к негативному — N_2 и n_2 . Для построения графиков используются функции (4.7) и (4.9). Каждый график относится к множеству сессий (см. рис.2).

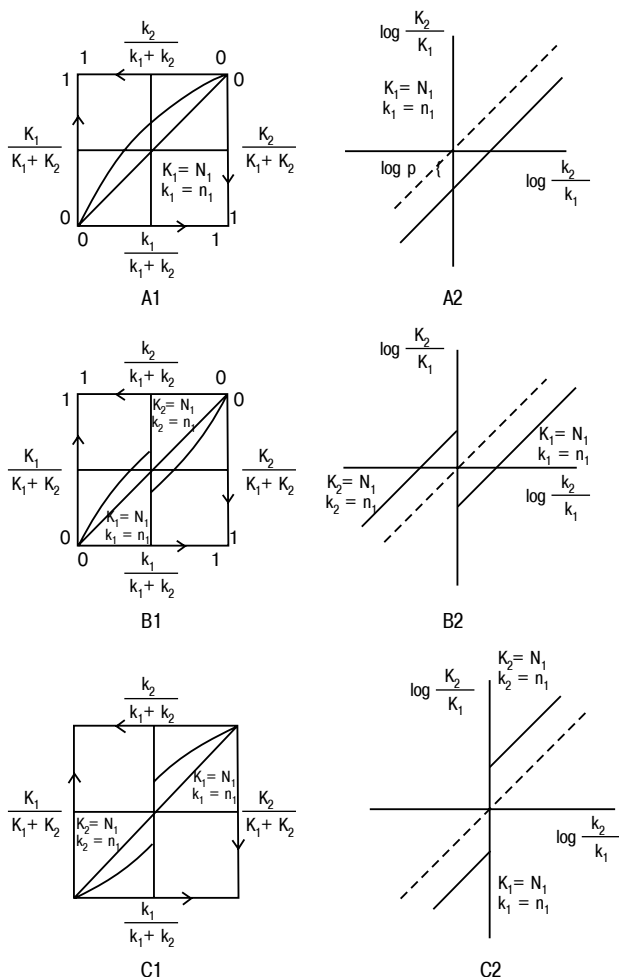

Рис.2. Паттерны поведения, предсказываемые RIMS

Графики A1 и A2 отражают случай, когда позитивным полюсом на всем множестве сессий является правый ключ, а негативным — левый.

Графики B1 и B2 соответствуют случаю, когда правый или левый ключи соответствуют позитивному полюсу только в тех сессиях, в которых они не являются более богатой альтернативой. Поэтому графики претерпевают разрыв. Рассмотрим B1. Для тех сессий, в которых $k_1 < k_2$, позитивным полюсом является правый ключ. В точке $k_1 = k_2$ происходит разрыв, соответствующий переориентации полюсов. При $k_1 > k_2$ позитивным полюсом является левый ключ. Логарифмический график (B2) состоит из двух лучей, идущих под углом 45° к горизонтальной оси. Левый луч соответствует сессиям, в которых позитивным полюсом является левая альтернатива, а правый — в которых правая.

Графики C1 и C2 отражают случай, когда правый или левый ключ соответствует позитивному полюсу лишь в тех сессиях, в которых он более богат. Рассмотрим C1. Для тех сессий, в которых $k_1 > k_2$, позитивным полюсом является правый ключ. В точке $k_1 = k_2$, как и в случае (B), происходит разрыв. При $k_1 < k_2$ позитивным полюсом является левый ключ. Логарифмический график C2, так же как и график B2, состоит из двух лучей. Верхний луч соответствует случаю, когда позитивна левая альтернатива, а нижний — когда правая. Обратим внимание на различие между этими графиками: при $k_1 > k_2$ в B2 луч лежит выше диагонали, а в C2 — ниже; при $k_1 < k_2$ в B2 луч лежит ниже диагонали, а в C2 — выше. Сдвиг прямых вверх или вниз на логарифмических графиках A2, B2 и C2 предопределяется величиной

$$p = 1 - (1 - x_2)(1 - d). \quad (6.1)$$

Легко видеть, что $p = 1$ лишь при условии, что, по крайней мере, одна из величин (x_2 или d) равна 1. Значение $x_2 = 1$ означает, что все предшествующие подкрепления субъект получал от позитивной альтернативы. В реальных экспериментах у испытуемого всегда есть некоторый опыт получения подкреплений от негативной альтернативы, поэтому мы должны положить, что $x_2 < 1$. Таким образом, идеальное соответствие

$$\frac{N_2}{N_1} = \frac{n_2}{n_1} \quad (6.2)$$

может возникнуть лишь при $d = 1$, т.е. при условии, когда испытуемый приведен в состояние с максимальным индексом депрессии. В случае, когда $d = 0$, т.е. индекс депрессии принимает минимальное значение, реализуется соответствие

$$\frac{N_2}{N_1} = x_2 \frac{n_2}{n_1}. \quad (6.3)$$

7. Наблюдаемые паттерны

Паттерн (А) хорошо известен. Его обычно описывают как случай, когда в равенстве (2.2) $\beta = 1$. Такой паттерн появляется при условии, что левая и правая альтернативы имеют некоторое существенное различие. Например, левый ключ управляется программой VI, а правый — программой VR (см. Baum, 1974; Williams, 1988). В этом случае множество сессий может описываться уравнением (7.1), где $c \leq 1$.

$$\frac{B_1}{B_1 + B_2} = \frac{r_1}{r_1 + cr_2} \quad (7.1)$$

Этому уравнению соответствуют экспериментальные кривые, типа показанных на рис. 3

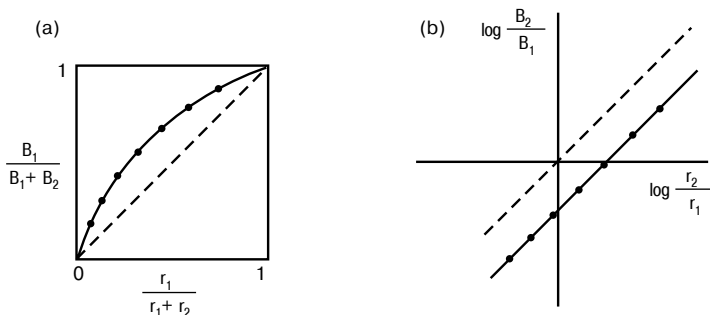

Рис. 3. Тип экспериментальных графиков, соответствующих паттерну (А)

В рамках RIMS этот паттерн может быть однозначно интерпретирован: ключ, которому соответствует B_1 , является позитивным полюсом и $c = p$. Таким образом, (7.1) можно записать как

$$\frac{N_1}{N_1 + N_2} = \frac{n_1}{n_1 + pn_2} \quad (7.2)$$

Анализ экспериментов, в которых один ключ (скажем, левый) управляется программой VI, а другой (правый) — программой VR, показывает, что ключ, связанный с VR, является позитивным полюсом, а связанный с VI — негативным.

Паттерн (В) также известен (см. рис. 4). Он наблюдается в тех случаях, когда альтернативы фактически ничем не отличаются кроме средних интервалов между подкреплениями (Baum et al., 1999; Baum, 2002).

Этот паттерн, как отметили Баум и др. (Baum et al., 1999), соответствует случаям, для которых $\beta < 1$, если описывать их с помощью обобщенного за-

кона соответствия. Появление характерного для этого закона изгиба кривой может, как указывают Баум и др., быть объяснено приближением разорванного графика 4(а) непрерывной степенной функцией (см. рис. 5).

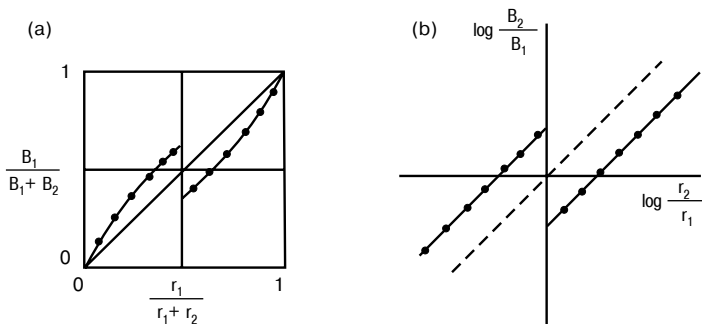

Рис. 4. Тип экспериментальных графиков, соответствующих паттерну (B)

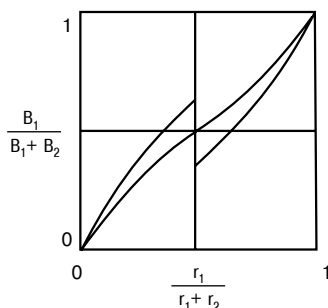

Рис. 5. Приближение разорванного графика (рис. 4а) непрерывной степенной функцией

Интерпретируя графики на рис. 4 с помощью RIMS, мы видим, что позитивному полюсу соответствует менее подкрепляемая альтернатива. Этот удивительный факт, как мы покажем ниже, является ключевым для понимания различия между утилитарными и деонтологическими аспектами поведения животных.

Паттерн (C) встречается достаточно редко и только недавно был выделен как особый (Baum, 2002, Fig.1). В качестве примера мы можем указать на эксперимент Баума и Апаричио, в котором одна из альтернатив была связана с программой VR с постоянным отношением, а вторая – с программой VI, интервалы которой менялись от сессии к сессии (Baum & Aparicio, 1999). Данные, полученные в этом эксперименте с крысами под номерами 102, 111, 120 и 213, могут быть представлены в виде следующего графика (рис. 6).

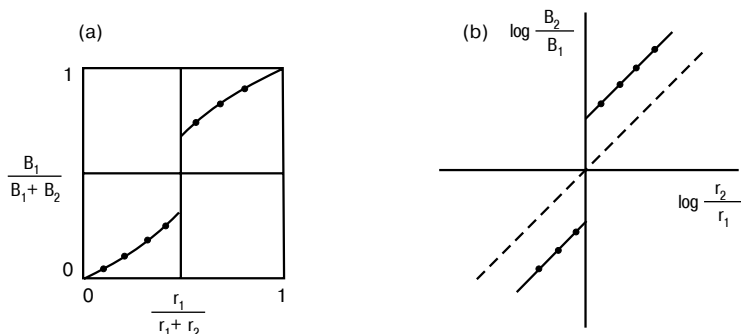

Рис. 6. Тип экспериментальных графиков, соответствующих паттерну (C)

Вслед за Баумом (Baum, 2002) мы можем допустить, что этот паттерн проявляет себя наиболее часто в тех экспериментах, результаты которых, если описывать их с помощью обобщенного закона соответствия, требуют введения $\beta > 1$. Как и в случае (B), появление изгиба кривой может быть объяснено приближением графика б(а) степенной функцией (рис. 7).

Эксперимент Баума и Апаричио и анализ, ими проведенный (Baum & Aparicio, 1999), показывают, что паттерн (C) может быть сведен к паттерну (A), если альтернативы отождествлять не с пространственной локализацией (право-лево), а с типом программы (VR/VI). Тогда график б(а) примет иной вид (рис. 8).

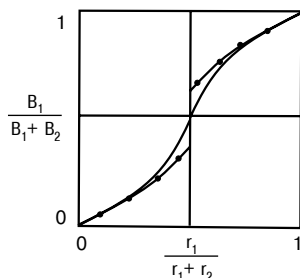

Рис.7. Приближение разорванного графика – рис. 6(а) – непрерывной степенной функцией

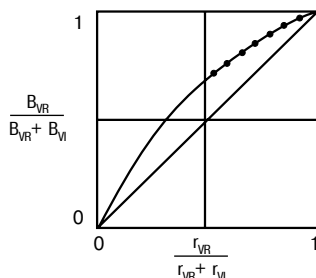

Рис.8. Паттерн (A), соответствующий паттерну (C) на рис. 6(а)

Мы видим, что паттерн (C) может появляться в тех экспериментах, в которых фактор, предопределяющий позитивно-негативную поляризацию альтернатив, в одних сессиях связан с левой альтернативой, а в других – с правой.

Каковы экспериментальные значения s в выражении (7.1)? Легче всего их найти для паттернов А. Для этого достаточно определить точку пересечения логарифмического графика с вертикальной осью на рис. 3(б). Как указывает Вильямс (Williams, 1988), в экспериментах, в которых один ключ управляется программой VI, а второй программой VR, величина $s = 0,59$. Для паттернов В большинство данных было обработано в предположении, что выполняется обобщенный закон соответствия (2.2), поэтому извлечь из них значение s практически невозможно. Чтобы все-таки найти значение s для паттерна В, пользуясь логарифмической формой представления данных, нужно отдельно осуществить линейную аппроксимацию для точек, лежащих выше горизонтальной оси, и для точек, лежащих ниже горизонтальной оси. Такая процедура по данным эксперимента с четырьмя голубями была проведена Баумом и др. (Baum et al., 1999). Среднее значение s , найденное нами по их данным, равно 0,58. В RIMS величине s соответствует величина p , даваемая равенством (4.10). Мы можем теперь найти среднее значение индекса депрессии d для этого эксперимента, положив $x_2 = 0,5$. Выражение (4.10) для этого случая имеет вид

$$0.59 = 1 - (1 - 1/2)(1 - d),$$

из которого находим, что $d = 0,18$. Следовательно, RIMS предсказывает, что прогностическая модель будущего у голубя в этом эксперименте представима в виде функции $m(x) = 0,82x$.

8. Деонтологические оценки у животных

Проведенное рассмотрение склоняет нас к выдвижению гипотезы, что у животных есть способность к биполярным оценкам типа позитивно-негативно, аналогичная (и возможно эволюционно предшествующая) моральным оценкам хорошо-плохо у человека. Как морально-подобные биполярные оценки связаны с утилитарными предпочтениями, которые ясно проявляют себя в поведении животных? Чтобы приступить к ответу на этот вопрос, мы должны начать с анализа самих себя.

Рассмотрим один конкретный случай. В начале двадцатых годов прошлого века, во время гражданской войны в России глава одной семьи попадает в Китай; его жену, оставшуюся с шестью детьми в России, расстреливают. Отец встречает богатого американца, который с риском для своей жизни едет в Россию, находит детей и через некоторое время привозит всех шестерых к отцу в Китай. Затем с огромными трудностями он помогает им переселиться в США. Старшая из спасенных детей, попав в США, испытывает глубокое разочарование.

Чем нехороша Америка была для двадцатидвухлетней Мули? Ностальгией? Да нет. А тем, что абсолютная для нее ценность — «самопожертвование» — приходит в столкно-

вление с американским образом жизни. Муля растерялась: привычная ей идея «жизни для других» оказалась как-то неприложима к Америке. Слов нет, мистер Крейн «жертвует» много денег и времени на благотворительность (он помогает встать на ноги еще пятидесяти семьям!), но разве есть в его деятельности та особая красота тотального самопожертвования, восхищение которой с молоком матери впитала старшая дочь? (Л.Панн. «Старшая дочь». Новое Русское Слово, Май 24-25, 2003).

Давайте подавим в себе удивление (а возможно и возмущение) психологической неблагодарностью этой молодой женщины и попытаемся холодным взглядом натуралиста взглянуть на этот пример и понять, какая именно черта в поведении мистера Крейна оказывается неприемлемой для нее. Этот исключительно благородный человек оказал помощь пятидесяти одной семье. Совершенно ясно, что он должен был планировать свою деятельность и считать деньги, которые он тратит на каждую семью. Другими словами, добро, которое он творил, оказалось соединенным с деньгами, и поэтому в его действиях отсутствует «особая красота тотального самопожертвования». Создается впечатление, что в эту молодую женщину встроен автоматический механизм, препятствующий соединению утилитарных и деонтологических оценок. Сделаем теперь следующий шаг. Допустим, что этот механизм лишь по своей форме выглядит культурно обусловленным, а по существу имеет глубокую биологическую природу. Развивая эту мысль, мы можем предположить, что у птиц и млекопитающих есть две принципиально различные системы оценок. Первая, утилитарная, отражает оценку полезностей агентств, связанную с ближайшими потребностями животного; вторая, деонтологическая, связана с биполярными оценками позитивно-негативно, фиксирующими привлекательность агентств в более крупной шкале времени.

Рассмотрим, например, голодное животное, выбирающее одну из двух «кормушек». Пусть первая кормушка более богата пищей, зато вторая потенциально более безопасна (скажем, хорошо укрыта от внешнего обзора). В этом случае более богатое пищей агентство получает оценку «негативно», а менее богатое — «позитивно». Таким образом, «идеализм» животного связан с конкретными жизненно важными оценками, которые, однако, отделены от сиюминутных предпочтений. И нельзя исключить возможности того, что это различие поддерживается особым механизмом, работа которого у человека проявляется в драматическом противопоставлении материальных и идеальных ценностей.

Взглянем с этой точки зрения на паттерны поведения, описанные в предыдущих разделах. Начнем с паттерна (В). Он проявляется, когда левая и правая кормушки различаются только темпом подачи пищи. В этом случае, как мы установили, позитивным полюсом является менее подкрепляемая альтернатива. Мы можем допустить, что этот феномен отражает работу того же механизма, который у человека проявляется в противопоставлении

«грязных» денег «чистым» помыслом. Поляризация альтернатив, противоположная их предпочтению как источников питания, является аналогом человеческого акта очищения, отделения добра от практической пользы. Подчеркнем, что это происходит лишь при условии, что альтернативы различаются только частотой подачи пищи. Если же существует некоторый не «утилитарный» фактор, предопределяющий поляризацию альтернатив, то поляризация может сохраняться в течение всего эксперимента или меняться независимо от того, какая альтернатива является более богатой. Этот вывод есть результат интерпретации паттернов (A) и (C).

9. Сакральный сдвиг

Альтруизм, понимаемый как использование своих собственных ресурсов для помощи другим, себе подобным, не является единственной формой жертвенного поведения. Добровольный расход средств и сил, связанный с созданием и поддержкой религиозных и моральных символов, является другой формой жертвенного поведения. Каждый из нас может привести примеры того, когда люди соглашались выполнять работу, связанную с высшими ценностями, например, строить храм, бесплатно или за меньшее вознаграждение, чем бы они требовали за эквивалентную работу, не связанную с такими ценностями.

RIMS предлагает объяснение этого феномена. Рассмотрим выражение (4.9). Мы можем интерпретировать числа N_1 и N_2 как расходы субъекта, которые он несет, обращаясь в позитивное и негативное агентства, а числа n_1 и n_2 как его доходы. Тогда величины

$$\frac{n_1}{N_1} \quad \text{и} \quad \frac{n_2}{N_2}$$

могут быть рассмотрены как средние платы, которые субъект требует от агентств за одно обращение к ним. Из (4.11) следует, что

$$\frac{n_1}{N_1} \leq \frac{n_2}{N_2} . \quad (9.1)$$

Таким образом оказывается, что субъект в среднем никогда не берет за одно обращение в позитивное агентство больше благ, чем за одно обращение в негативное. И этот вывод справедлив не только для человека, но также для крыс и голубей.

Заключение

Мы уверены, что у нас есть внутренний мир. Эта уверенность основана только на нашем собственном субъективном опыте. Нет никакого операционального критерия, который бы позволил нам ответить на вопрос, имеет

данный организм или техническое устройство внутренний мир или же мы просто наблюдаем сложное функционирование неодушевленного объекта. Эта проблема выходит далеко за рамки науки и касается основ нашей морали. Мы верим, что крыса или голубь способны страдать, но могут ли страдать рыба или пчела?

В этой работе мы выдвигаем гипотезу, что внутренний мир живых существ появляется одновременно с их способностью совершать вероятностный выбор. Кроме того, мы предполагаем, что существа с внутренним миром могут «само-программироваться». Другими словами, они могут «загружать» в себя значения вероятностей, с которыми впоследствии делают выбор. Мы предположили, что закон соответствия есть внешнее проявление этого само-программирования. Если эта гипотеза окажется правильной, закон соответствия может служить операциональным критерием «одушевленности»: мы можем считать, что организм, для которого он выполняется, имеет внутренний мир.

Примечание к стр. 1

¹ Эта модель подробно описана в книге автора «Алгебра совести» (Lefebvre, 2001; Лефевр, 2003). Различные аспекты этой модели рассматриваются в следующих работах: Adams-Webber (1987; 1995; 1997), Baker (1999), Batchelder (1987), Kaiser & Schmidt (2003), Kauffman (1990), Krylov (1994), Лефевр (1965; 1967), Lefebvre (1972; 1977a,b; 1980; 1987; 1992a,b), Lefebvre & Adams-Webber (2002), Levitin (1987), McClain (1987), Miller & Sulcoski, 1999a,b), Rapoport (1990, 1996), Schreider (1994, 1998), Taran (1999), Townsend (1983, 1990), Wheeler (1987), Zajonc (1987), Popper (1992).

Благодарность

Автор признателен Вильяму Бауму (William Baum) и Джеймсу Мазуру (James Mazur) за важные разъяснения и Роберту Кесселю (Robert Kessel) и Вильяму Паля (William Palya) за критические замечания. Автор благодарен своим друзьям и коллегам: Джейн Райан (Jane Ryan), Стефану Шмидту (Stefan Schmidt), и Крису Уиверу (Chris Weaver) за ценные советы. Автор также хочет выразить благодарность Викторине Лефевр (Victorina Lefebvre), без помощи которой эта

Литература

- Adams-Webber, J. (1987). Comment on Lefebvre's Model from the Perspective of Personal Construct Theory. *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 177-189.
- Adams-Webber, J. (1995). A Pragmatic Constructivist Gambit for Cognitive Scientists. *PSYCHOLOGY*, 6(34).
- Adams-Webber, J. (1997). Self-reflexion in Evaluating Others. *American Journal of Psychology*, 110, 527-541.
- Aparicio, C.F. (2001). Overmatching in Rats: The Barrier Choice Paradigm. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 75, 93-106.

- Atkinson, R.C., Bower, G.H., and Crothers, E.J. (1965). *An Introduction to Mathematical Learning Theory*. New York: Wiley.
- Audley, R.J. (1960). A Stochastic Model for Individual Choice Behavior. *Psychological Review*, 67, 1-15.
- Baker, H.D. (1999). The Good Samaritan: An Exemplary Narrative of Moral Choice. *Proceedings of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior*. Los Alamos, NM: Army Research Laboratory, 63-68.
- Batchelder, W.H. (1987). Some Critical Issues in Lefebvre's Framework for Ethical Cognition and Reflexion. *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 214-226.
- Baum, W.M. (1974). On Two Types of Deviation from the Matching Law: Bias and Undermatching. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 22, 231-242.
- Baum, W.M. (1979). Matching, Undermatching, and Overmatching in Studies of Choice. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 32, 269-281.
- Baum, W. M. (2002). From Molecular to Molar: A Paradigm Shift In Behavior Analysis. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 78, 95-116.
- Baum, W.M. & Aparicio, C.F. (1999). Optimality and Concurrent Variable-Interval and Variable-Ratio Schedules. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 71, 75-89.
- Baum, W. M., Schwendiman, J. W., and Bell, K. E. (1999). Choice, Contingency Discrimination, and Foraging Theory. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 71, 355-373.
- Bower, G.H. (1959). Choice-Point Behavior. In: Bush, R.R. & Estes, W.K. (Eds.), *Studies in Mathematical Learning Theory*, Stanford: Stanford University Press.
- Bradley, R.A. & Terry, M.E. (1952). Rank Analysis of Incomplete Block Design. The Method of Paired Comparisons I. *Biometrika*, 39, 324-345.
- Davidson, D., Suppes, P., and Siegel, S. (1957). *Decision Making*. Stanford: Stanford Univ. Press.
- Davison, M. & Jones, B.M. (1995). A Quantitative Analysis of Extreme Choice. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 64, 147-162.
- Herrnstein, R.J. (1961). Relative and Absolute Strength of Response As a Function of Frequency of Reinforcement. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 4, 267-272.
- Herrnstein, R.J. (1970). On the Law of Effect. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 13, 243-266.
- Kaiser, T.B. & Schmidt, S.E. (2003). Terrorist Recruitment and Reflexive Control. *Journal of Reflexive Processes and Control*, 3, 92-101.
- Kauffman, L. (1990). Self and Mathematics. In Wheeler, H. (Ed.): *The Structures of Human Reflexion*, New York: Peter Lang.
- Krylov, V.Yu. (1994). On One Model of Reflexive Behavior Distinct from Lefebvre Model. *Applied Ergonomics*, 1, 21-24.
- LaBerge, D.L. (1962). A Recruitment Theory of Simple Behavior. *Psychometrika*, 27, 375-396.
- Lefebvre, V.A. (1965). On Self-reflexive and Self-organizing Systems, In: *Problemy Issledovaniya Sistem i Struktur*. Moscow: Izdatelstvo AN USSR. English translation in *Applied Ergonomics*, (1994), 1, 6-9.
- Lefebvre, V.A. (1967). *Konfliktuyushchie Struktury*. Moscow: Vysshaya Shkola.
- Lefebvre, V.A. (1972). A formal Method of Investigating Reflective Processes. *General Systems*, XVII, 181-188.
- Lefebvre, V.A. (1977a). *The Structure of Awareness: Toward a Symbolic Language of Human Reflexion*. Beverly Hills: Sage.
- Lefebvre, V.A. (1977b). A Formal Approach to the Problem of Good and Evil. *General Systems*, XXII, 183-185.
- Lefebvre, V.A. (1980). An Algebraic Model of Ethical Cognition. *Journal of Mathematical Psychology*, 22, 83-120.
- Lefebvre, V.A. (1987). The Fundamental Structures of Human Reflexion. *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 129-175.
- Lefebvre, V.A. (1992a). *A Psychological Theory of Bipolarity and Reflexivity*. Lewiston, N.Y.: The Edwin Mellen Press.

- Lefebvre, V.A. (1992b). A Rational Equation for Attractive Proportions. *Journal of Mathematical Psychology*, 36, 100-128.
- Lefebvre, V.A. (1999a). Categorization, Operant Matching, and Moral Choice. Institute for Mathematical and Behavioral Sciences, MBS, 99-14, UCI.
- Lefebvre, V.A. (1999b). Sketch of Reflexive Game Theory. *Proceedings of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior*. Los Alamos, NM: Army Research Laboratory, 1-40.
- Lefebvre, V.A. (2001). *Algebra of Conscience*, 2nd enlarged edition. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. Expanded Russian translation (2003), Moscow: Cogito-Centre.
- Lefebvre, V.A. (2002). The Law of Self-Reflexion. *Journal of Reflexive Processes and Control*, 1, 2, 91-100.
- Lefebvre, V.A. & Adams-Webber, J. (2002). Function of Fast Reflexion in Bipolar choice. *Reflexive Processes and Control*, 1, 1, 29-40.
- Levitin, L. (1987). Niels Bohr's Atom and Vladimir Lefebvre's "Inner Computer." *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 183-185.
- Luce, R. D. (1959). *Individual Choice Behavior: A Theoretical Analysis*. New York: Wiley.
- Mazur, J. E. (1981). Optimization Theory Fails to Predict Performance of Pigeons in a Two-Response Situation. *Science*, 214, 823-825.
- McClain, E. (1987). Comment on Vladimir Lefebvre's Tonal Automata. *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 2, 204-212.
- Miller, L. D. & Sulcoski, M. F. (1999a). Reflexive Model of Human Behavior: Variations on Lefebvre's Theme. *Proceedings of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior*. Los Alamos, NM: Army Research Laboratory, 51-62.
- Miller, L.D. & Sulcoski, M.F. (1999b). Application of Generalized Reflexive Behavior: Models for Situation-Specific Decisions. *Proceedings of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior*. Los Alamos, NM: Army Research Laboratory, 69-94.
- Mosteller, F. & Nogee, P. (1951). An Experimental Measurement of Utility. *The Journal of Political Economy*, 59, 371-404.
- Pavlov, I.P. (1927). *Conditioned Reflexes*. Oxford: Oxford University Press.
- Popper, K. (1992). Note in the Appendix to Lefebvre, V.A., *A Psychological Theory of Bipolarity and Reflexivity*. Lewiston, N.Y.: The Edwin Mellen Press.
- Poulton, E.S. & Simmonds, D.C.V. (1985). Subjective Zeros, Subjectively Equal Stimulus Spacing, and Contraction Biases in Very First Judgments of Lightness. *Perception & Psychophysics*, 37, 420-428.
- Rachlin, H. (1973). Contrast and Matching. *Psychological Review*, 80, 217-234.
- Rapoport, A. (1990). Reflexion, Modeling, and Ethics. In Wheeler, H. (Ed.): *The Structure of Human Reflexion*. New York: Peter Lang.
- Rapoport, A. (1996). Human Reflexion and the Anthropic Principle. *PSYCHOLOGY*, 6(37).
- Restle, F. (1961). *Psychology of Judgment and Choice*. New York: Wiley.
- Ruddle, H., Bradshaw, C.M., Szabadi, E., and Bevan, P. (1979). Behaviour of Humans in Concurrent Schedules Programmed on Spatially Separated Operanda. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 31, 509-517.
- Savage, L.J. (1951). The Theory of Statistical Decision. *American Statistical Association Journal*, 46, 55-67.
- Schneider, J.A. (1994). Fuzzy Sets and the Structure of Human Reflexion. *Applied Ergonomics*, 1, 19-20.
- Schneider, J.A. (1998). *Etika*. Moscow: Tekst.
- Skinner, B.F. (1938). *The Behavior of Organisms: An Experimental Analysis*. Appleton-Century-Crofts.
- Spence, K.W. (1960). Conceptual Models of Spatial and Non-Spatial Selective Learning. In: Spence, K.W. (Ed.), *Behavior Theory and Learning*, Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
- Taran, T.A. (1999). The Formalization of Ethical Values in Models of Reflexive Behavior. *Proceedings of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior*. Los Alamos, NM: Army Research Laboratory, 95-108.

- Thorndike, E.L. (1911). *Animal Intelligence: An Experimental Study of the Associative Processes in Animals*. Psychological Review Monographs Supplement, Vol.2, No.8.
- Thurstone, L.L. (1927). A Law of Comparative Judgment. *Psychology Review*, 34, 273-286.
- Tolman, E.C. (1932). *Purposive Behavior in Animals and Men*. New York: Appleton-Century-Crofts.
- Townsend, J.T. (1983). Vladimir A. Lefebvre. *Algebra of Conscience* (book review). *Journal of Mathematical Psychology*, 27, 461-471.
- Townsend, J.T. (1990). Lefebvre's Human Reflexion and Its Scientific Acceptance in Psychology. In Wheeler, H. (Ed.): *The Structures of Human Reflexion*, New York: Peter Lang, 161-166.
- Vaughan, W. (1985). Choice: A Local Analysis. *Journal of Experimental Analysis of Behavior*, 43, 383-405.
- von Neuman, J. & Morgenstern, O. (1947). *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton: Princeton University Press.
- Wearden, J.H. & Burgess, I.S. (1982). Matching Since Baum (1979). *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 28, 339-348.
- Wheeler, H. (1987). A Constructional Biology of Hermeneutics. *Journal of Social and Biological Structures*, 10, 2, 103-123.
- Williams, B.A. (1988). Reinforcement, Choice, and Response Strength. In: Atkinson, R.C., Herrnstein, R.J., Lindzey, G., Luce, R.D. (Eds.) *Steven's Handbook of Experimental Psychology*, Vol.2, 167-244.
- Zajonc, R.B. (1987). Comment on Interpersonal Affiliation and the Golden Section. *Journal of*

РЕФЛЕКСИЯ В СТРУКТУРЕ МЕТАКОГНИТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СУБЪЕКТА

© А.В. Карпов (Россия)

Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова, профессор,
доктор психологических наук

Исследования, выполненные в русле одного из наиболее крупных направлений современной когнитивной психологии, — метакогнитивизме, позволили установить целый ряд новых и важных закономерностей организации и регуляции деятельности. Вместе с тем, эти исследования характеризуются специфичностью своего терминологического аппарата и методического инструментария. В частности, одной из их особенностей является все еще явно недостаточная опора на те данные и подходы, которые сложились в более традиционной области изучения — в психологии рефлексии. При этом особый интерес представляет, на наш взгляд, то, какие именно функции реализуют рефлексивные процессы (и рефлексивность как психическое свойство) в структуре метакогнитивной организации субъекта и в регуляции его деятельности — как внешней, так и внутренней (интеллектуальной). В этой статье будут представлены данные, полученные при обобщении результатов изучения сформулированного выше вопроса, на материале как профессиональной деятельности, так и в экспериментальных условиях.

Одной из наиболее общих и, в то же время, значимых и с теоретической, и с практической точек зрения закономерностей этого плана является взаимосвязь результативных характеристик мышления (его продуктивности) и уровня развития рефлексии. Согласно господствующим в настоящее время взглядам, принято считать, что рефлексия оказывает позитивное влияние на процессуальные и результативные параметры мышления. Рефлексивная регуляция мышления, степень ее актуальной представленности в организации мыслительных процессов рассматривается как важнейший

фактор их оптимизации. Данное положение, вскрывающее продуктивные функции рефлексии в мышлении, является, безусловно, во многом справедливым; оно подтверждается большим числом конкретных экспериментальных и эмпирических результатов.

Вместе с тем недостаточно исследованным остается важный, на наш взгляд, вопрос о том, сохраняется ли данная зависимость на всем континууме индивидуальной меры развития рефлексии, включая ее высокие и очень высокие значения. Если да, то приходится сделать вывод, согласно которому продуктивные функции рефлексии в мышлении и, следовательно, его результативные характеристики максимальны на наиболее высоких уровнях развития рефлексии. Однако такое заключение уже не вполне согласуется с рядом данных, указывающих на снижение продуктивности мышления при очень высоких значениях рефлексивности. Показано, например, что мера рефлексивности связана с эффективностью интеллектуальных функций нелинейной зависимостью; это означает их наибольшую выраженность не при минимальных и не при максимальных значениях рефлексивности, а при некоторых средних ее значениях [3, 5]. Иначе говоря, возникает предположение, согласно которому рефлексия может выполнять не только продуктивные, но и своего рода контрпродуктивные функции в организации мышления. Тем самым возникает и вопрос о детерминантах и механизмах, обуславливающих этот феномен.

Данный вопрос был подвергнут нами специальному исследованию, выполненному на основе методологии ситуационного моделирования конкретных проблем, возникающих в ходе реализации деятельности управленческого типа. В качестве испытуемых выступили руководители среднего и высшего звена ряда московских и ярославских организаций, предприятий и фирм ($n = 150$). Рассматривались две основные переменные: индивидуальный уровень развития рефлексии и интегральная оценка продуктивности мышления (определяемая по комплексу его результативных и процессуальных характеристик). Вся выборка была дифференцирована на три подгруппы: низко-, средне- и высоко-рефлексивных испытуемых. Установлено, что интегральный показатель продуктивности мышления наиболее высок не в третьей, а во второй подгруппе (то есть у средне-рефлексивных испытуемых). Следовательно, очень высокая рефлексия, действительно, может оказывать не только продуктивное, но и обратное, то есть контрпродуктивное, влияние на организацию мыслительных процессов.

Далее, для каждой из указанных подгрупп посредством определения матриц интеркорреляций уровня развития основных когнитивных качеств (и, соответственно, тех процессов, которые находят результативное проявление в этих качествах) была определена степень интегрированности и дифференцированности их общих структур. Выявлено, что низкорефлексивные

испытываемые характеризуются минимальной степенью как интегрированности, так и дифференцированности когнитивных процессов и качеств. Среднерефлексивные испытываемые имеют наиболее высокую интегрированность когнитивных процессов и умеренную дифференцированность. Высокорелексивные испытываемые характеризуются средней интегрированностью и наибольшей дифференцированностью процессов и качеств. Отсюда следует, что возрастание меры развития рефлексии на определенном диапазоне ее выраженности приводит к повышению интегрированности когнитивных процессов (как компонентов мыслительной деятельности), к повышению интегрированности когнитивной подсистемы в целом. Однако затем — при высоких и очень высоких ее значениях — она меняет «знак» своего влияния и обуславливает дезинтеграцию этой подсистемы.

В основе данной закономерности лежит, по-видимому, следующая причина. Повышение степени интегрированности локальных когнитивных функций и процессов обуславливает возникновение синергетических эффектов, что и проявляется феноменологически в продуктивных эффектах влияния рефлексии на мышление. И наоборот, нарастание дезинтегративных тенденций, проявляющееся в увеличении меры дифференцированности когнитивных процессов, является объективной предпосылкой для негативного, то есть контрпродуктивного влияния рефлексии. Тем самым рефлексия проявляет и свой статус метапроцессуального регулятора продуктивности мышления, детерминирующего его результативные параметры не прямо, а опосредствованно — через обеспечение той или иной степени интегрированности и дифференцированности основных когнитивных процессов и интеллектуальных операций. В свою очередь, закономерная связь их интегрированности и дифференцированности с уровнем развития рефлексии позволяет не только понять причины ее как продуктивного, так и контрпродуктивного влияния на мышление, но и раскрыть психологические механизмы этого влияния.

Далее, как было установлено в специальном цикле выполненных нами исследований [2-6], существует определенная и вполне закономерная таксономия трансформаций базовых (описанных как в общей, так и в экспериментальной психологии) закономерностей под детерминирующим воздействием рефлексии. В этих трансформациях проявляются конкретные варианты влияния — функции рефлексии как процесса и рефлексивности как свойства на эти фундаментальные, т.е. своего рода «первичные» закономерности. Тем самым можно говорить о субъектном — метакогнитивном контроле этих закономерностей, который сам подчинен определенным закономерностям, но уже — «вторичным» (метазакономерностям).

Основными вариантами влияния рефлексии как фактора метакогнитивной организации на «первичные» закономерности являются следующие:

1. Ослабление меры выраженности — своего рода ингибция тех или иных «первичных» закономерностей, зависимостей. Например, широко известный феномен психической компенсации есть не что иное как одно из проявлений данного варианта¹. Примеры «смягчающего» влияния рефлексии на проявление негативных личностных черт и недостаточный уровень развития способностей многочисленны и широко известны². Отметим, например, позитивную роль рефлексии в выборе и фиксации таких общеуправленческих стилей, которые наиболее адекватны личностному симптомокомплексу руководителя. Вместе с тем, ингибирующее влияние рефлексии не всегда, конечно, является позитивным. Оно будет таковым, если ингибиции подвергается какая-либо негативная черта. Однако известно, что рефлексивность может и отрицательно влиять, например, на проявление интеллектуальных способностей в деятельности, в особенности — управленческой [3, 7]. В этом случае она ингибирует позитивное влияние интеллекта и является тем самым негативным фактором.

2. Усиление, то есть гипертрофия закономерностей, их своеобразный «катализ». Известно, например, что эффективность индивидуальной деятельности в общем случае связана с мерой нейротизма личности отрицательной зависимостью. Эта связь, вместе с тем, является не прямой, а опосредствованной; она опосредствуется многими иными «промежуточными переменными», которые либо фасилитируют, либо ингибируют ее. Одним из факторов собственно фасилитирующего плана, усиливающих негативное воздействие нейротизма на эффективность индивидуальной (в том числе, разумеется, и исполнительской) деятельности, как раз и является рефлексивность. В наших исследованиях было показано, что степень негативного влияния нейротизма на различные показатели деятельности зависит от меры рефлексивности [3, 6]. Высокорефлексивные индивиды характеризуются большим негативным влиянием нейротизма. Аналогичное по смыслу, но противоположное по направленности влияние рефлексивного фактора рассмотрено выше в отношении влияния интеллекта на совместимость. Фактор рефлексии стимулирует — фасилитирует позитивное влияние фактора интеллекта на срабатываемость участников совместной деятельности.

3. В тех случаях, когда два рассмотренных типа трансформаций (ингибирующий и фасилитирующий) выражены в своем предельном виде, возникают новые типы изменений. Одним из них является, фактически, полная блокада действия тех или иных закономерностей, приводящая к их редукции. Одной

¹ Хотя в целом феномен психической компенсации, разумеется, не сводится к тому аспекту, который является предметом анализа в данном контексте.

² Как гласит известное выражение: «осознанный недостаток — уже не недостаток». В этом плане можно привести и известный случай с Б. Шоу. Когда у него спросили, как стать мудрым, он ответил: «Для этого надо старательно прятать глупые мысли».

из широко известных в теории управления иллюстраций данного явления выступает следующий феномен. В условиях попустительского стиля управления не прослеживается (и практически не существует) связи между уровнем профессиональной и организационной компетентности руководителя и эффективностью деятельности организации в целом. В общем же случае эта связь не только существует, но и является одной из главных закономерностей организационного поведения. Тем самым возникает редукция этой — повторяем, базовой — закономерности теории и психологии управления. В основе этого очень часто лежит осознание и целенаправленное использование руководителем, отдающим себе отчет в своей слабой компетентности, попустительского стиля; переложение не только исполнительских, но и управленческих функций на подчиненных. Последние часто могут компенсировать очевидную несостоятельность руководителя, что «на выходе» часто дает вполне приемлемые результаты организационного функционирования.

4. Инверсия, то есть обретение закономерностями и (или) феноменами вида, обратного по отношению к тому, в котором они были изначально установлены и традиционно интерпретируются. Это — один из наиболее показательных и своего рода «эксклюзивных» типов трансформационной функции рефлексивных процессов. Он свидетельствует о том, что под их воздействием те или иные закономерности и феномены могут достаточно радикально менять форму своего существования и выступать уже не только в своей прямой, но и в превращенной форме. Феноменологические проявления указанной функции достаточно многообразны. Ограничимся здесь лишь двумя иллюстрациями.

Так, одним из наиболее простых и в то же время показательных случаев является известный и экспериментально доказанный факт подверженности большей части феноменов теории решений в целом и теории управленческих решений, в частности, рефлексивному — произвольному контролю. Суть данного явления состоит в том, что уже само по себе осознание того или иного феномена, «знание о его существовании» может менять и, как правило, меняет характер его действия. Причем, эти изменения могут носить кардинальный характер — вплоть до «переворачивания» исходных феноменов, то есть до их инверсии. Например, широко известный феномен «первого впечатления» у лиц с высокоразвитой рефлексивностью может вначале ослабевать, а затем и трансформироваться в обратный феномен — «недоверия первому впечатлению»³.

³ Напомним, что феномен «первого впечатления» заключается в доминировании самой первой информации, первых оценок и суждений о человеке. При инверсии это впечатление рассматривается субъектом уже не как то, на чем надо основывать свои действия, а как то, что надо считать «маской», которую следует «снять» и «разгадать истинное лицо человека».

Аналогичным трансформациям подвержено и другое — также широко известное явление — «феномен Ирвина»⁴. Знание о нем, то есть, фактически «рефлексия по его поводу», приводит чаще всего именно к его «оборачиванию», то есть к инверсии.

Не следует, однако, считать, что все феномены теории решений инвертируются под влиянием рефлексивного фактора. Разумеется, нет: существует ряд закономерностей и феноменов, которые практически нечувствительны к этому фактору. Знание индивида об их существовании — их рефлексия практически никак не влияет при этом на характер действия феноменов. Это, например, «эффект первичности» и «эффект недавности» в оценке информационной основы принятия решения. Существуют и переходные варианты, когда феномены в целом сохраняются, но мера их выраженности уменьшается (например, это прослеживается в отношении «эвристик» репрезентативности и доступности [9, 10]).

Второй пример — фундаментальное общепсихологическое явление оперативности отражения. Как известно, функциональный генезис произвольной регуляции деятельности приводит на достаточно высоком уровне профессионализации к формированию особых, интегративных структур — оперативных образов. Подчеркнем, что одну из главных ролей в этом генезисе играет именно произвольная регуляция, а также те рефлексивные процессы и механизмы, на которых она строится. Формирующийся оперативный образ обладает, однако, рядом свойств, которые должны быть поняты как следствие инверсионного влияния рефлексии. Например, это свойство «функциональной деформации»: одни — деятельностно-значимые — фрагменты образа могут приобретать гипертрофированную представленность, тогда как другие — не значимые — становятся, фактически, субъективно игнорируемыми. При этом часто из образа «выпадает» именно то, что с чисто объективной, «физической» точки зрения является наиболее важным, заслуживающим восприятия⁵.

5. Возникновение новых закономерностей под влиянием фактора рефлексии и различий в мере его выраженности. Вопрос об этом типе детерминации рефлексивных процессов наиболее сложен. Дело в том, что в структурно-функциональной организации психики чрезвычайно трудно или даже вообще невозможно разделить «рефлексивно-детерминированные» и

⁴ Данный феномен заключается в переоценке вероятности наступления позитивного, приятного, субъективно-желательного события по сравнению с негативным, неприятным, субъективно-нежелательным.

⁵ Приведем несколько упрощенный, но показательный пример. Шахматисты, проводившие несколько часов за доской и практически непрерывно воспринимающие фигуры, после партии обычно не могут сказать, из какого материала сделаны фигуры; гладкими или шероховатыми, блестящими или матовыми они были.

«нерефлексивно-детерминированные» закономерности, явления, процессы, механизмы. В нормально функционирующей психике, в состоянии сознания эти два ряда закономерностей и процессов слиты воедино, и лишь благодаря этому синтезу достигается самое нормальное функционирование психики. Поэтому можно считать, что подавляющее большинство закономерностей и механизмов так или иначе опосредствуется указанными детерминантами, как бы «порождается» ими — по крайней мере, в том виде, в каком они представлены на произвольной, то есть рефлексивной регуляции деятельности и поведения.

Вместе с тем, на наш взгляд, следует провести и дифференциацию такого рода закономерностей. При этом можно, по-видимому, выделить следующие их основные группы. Во-первых, это те спецификации, которым подвергается большинство иных закономерностей под влиянием рефлексивной детерминации. Наиболее общим и показательным примером такого рода влияний выступают глубокие и множественные различия в протекании психических процессов на осознаваемом и неосознаваемом уровнях; при произвольной регуляции за ними и без таковой. В этом плане очень характерны, например, различия так называемых произвольной и непроизвольной памяти [1]. Во-вторых, это все более частные, специфические типы влияния рефлексивного фактора и меры его выраженности, проявляющиеся в тех или иных трансформациях закономерностей. Они указаны выше и составляют собой содержание 1-4 групп трансформаций. В-третьих, это собственные, как бы «внутренние» законы рефлексивной регуляции как таковой; то, что и составляет специфический предмет психологии рефлексии. По отношению к деятельности и поведению эти закономерности обретают, например, статус закономерностей произвольной регуляции»; они изучаются в соответствующих разделах общей и прикладной психологии. По отношению к психологии интеллекта они же обычно рассматриваются как особенности метакогнитивной регуляции интеллектуальной активности [10]. Наконец, специфически рефлексивные закономерности могут приводить и к формированию определенных структур — регуляторов деятельности, поведения и общения. В качестве характерного примера такого рода структур можно указать на феномен «Я-зеркального» в деятельности руководителя.

Обобщая сказанное, можно заключить, что рефлексии присуща особая функция — трансформационная. В своем ситуативном проявлении она видоизменяет характер действия многих иных закономерностей и феноменов. Ее наличие — это одновременно и своеобразный «отход от строгой объективности» в действии психических закономерностей, и повышение меры субъектности регуляции деятельности, поведения, общения. Данная функция есть некоторое «поле субъектности» развертывания закономерностей регуляции деятельности и поведения, возможность субъектного влияния на них.

Однако эта же функция может иметь и надситуативные проявления. И тогда она выступает основой для иной — собственно генеративной функции. Рефлексия «над деятельностью», «над собой», «над своим положением в социальной среде» и т.д. — это, конечно, не только и не столько констатация чего-либо, а средство развития деятельности и личности, изменения ее статуса. Рефлексивные паузы, моменты «отстранения» от ситуации, «усилия, направленные на то, чтобы разобраться в себе», все иные, однородные с ними феномены выполняют функцию генезиса, развития. Поэтому личность (и все формы ее взаимодействия с миром), проявляясь в рефлексии, в рефлексии же и формируются — точно так же, как через это развиваются формы ее взаимодействия с действительностью.

Таким образом, на основе представленных выше материалов можно сделать достаточно важное и общее, на наш взгляд, заключение.

Субъект благодаря свойству рефлексивности и ее метакогнитивным функциям оказывается в состоянии частично управлять самими закономерностями своего функционирования, или, по крайней мере, влиять на них. Это, собственно, и есть механизм того, что традиционно обозначается понятием «произвольной регуляции деятельности». Понятно, однако, что характер такого рефлексивного («произвольного») влияния является принципиально иным по сравнению с «первичными» — объективными закономерностями. Он будет именно субъективным, а еще точнее — субъектным. Это — «вторичные», субъектные закономерности, составляющие систему собственно рефлексивных закономерностей. Им присущи две основные особенности. Во-первых, это именно «вторичные закономерности» — «закономерности трансформации исходных закономерностей». Они как бы «накладываются» на другие — «первичные», базовые закономерности и видоизменяют их. Во-вторых, это субъектные, а потому — субъективизированные закономерности; они характеризуются, в силу этого, значительно меньшей стабильностью, строгостью, формализованностью. Отсюда, в частности, следует объяснение существенно большей «размытости», менее строгого характера рефлексивных закономерностей.

Вместе с тем, мы считаем необходимым подчеркнуть, что «вторичные» — субъектные — закономерности, к каковым принадлежат и рефлексивно-детерминированные, не являются субъективными в прямом смысле. Они объективны, но в более сложном смысле — в том плане, что «прошли опосредствование субъектом», преломились через систему его рефлексивных механизмов. Более того, эти «вторичные» — субъектные — закономерности можно рассматривать и как высшее проявление объективных закономерностей, поскольку они наиболее специфичны и адекватны сложнейшему из всех существующих объектов познания — человеку, а вне их установления и понимания его познание просто невозможно. Эти

закономерности, в основе которых лежит генеративная и трансформационная функции рефлексии, и есть содержание субъектности как таковой. Они — и есть субъект в его функционировании, в его «процессуальном» бытии.

Рассмотренная проблема имеет, разумеется, и более общее — фактически, гносеологическое, философское — содержание. Речь при этом идет о соотношении, взаимодействии в функционировании одной и той же системы (здесь — психики) двух категорий законов — объективных и субъективных. Развитые выше представления способствуют ее решению, по крайней мере, в двух планах.

Во-первых, свойство рефлексивности и процессы рефлексии должны быть поняты как своего рода «мост» между двумя типами закономерностей. В своих генетической и трансформационной функциях рефлексия детерминирует генезис субъективных закономерностей на базе объективных. Но в своей регулятивной функции рефлексия выступает как средство субъектной координации меры проявления объективных закономерностей.

Во-вторых, становится совершенно понятным, почему благодаря именно рефлексии, сознанию в целом поведение человека так «непохоже» на «объективно-детерминированное» функционирование многих иных систем; почему оно так непредсказуемо, противоречиво, а часто — иррационально, «непонятно». Дело в том, что в структуре психики, фактически, тесно переплетаются две системы механизмов ее функциональной организации: объективная и субъективная. Причем, вторая может в известных пределах регулировать первую. Содержанием этой второй системы и выступают собственно рефлексивные процессы и механизмы. Чем более развита рефлексивность, тем сильнее доминирует «вторая система» регуляции; тем в большей степени поведение субъекта приобретает опосредствованный, «непредсказуемый» характер. Все это эмпирически проявляется в свойстве произвольности поведения и деятельности. «Вторая система» может не только регулировать меру проявления закономерностей первой, но и «открывать» их для возможного произвольного «использования» («человек открывает в себе неожиданные стороны»). Это — одна из граней генеративно-порождающей функции рефлексии.

Наконец, с этих же позиций наполняется конкретным психологическим содержанием известное методологическое положение С.Л. Рубинштейна, согласно которому «...с возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства» [8]. Новый и высший тип закономерностей организации психики — рефлексивный (и, тем самым, субъектный по определению) — по-новому раскрывает закономерности нижележащих уровней (объективные). Более того, последние становятся при этом принципиально управляемыми; они выступают

в инструментальной роли. Субъект «оказывается в состоянии» — через рефлексию — управлять не только своим поведением, но и частично самими закономерностями, по которым строится поведение.

Отсюда, в частности, следует достаточно естественное объяснение известного парадокса, согласно которому степень важности проблемы рефлексии совершенно несоизмерима с эмпирическим базисом закономерностей, установленных в психологии по отношению к ней. Малое число конкретных закономерностей, описанных в психологии по отношению к рефлексии, не означает, что их на самом деле мало и что они малозначимы. Дело в другом: сами закономерности рефлексивных процессов — это «другие» закономерности: в основном, «вторичные» (а не «первичные»), субъектные (а не объектные). Их суть в значительной мере как раз и состоит в том, что через них субъект регулирует, а частично и порождает («раскрывает в себе») иные — базовые, объективные закономерности. В рефлексивных закономерностях поэтому интегрируются и синтезируются, «сталкиваются» многие иные закономерности. Рефлексивные закономерности носят поэтому не локальный, а интегративный характер. Они обычно не проявляются непосредственно и не действуют прямо по принципу «фактор (причина) — результат (следствие)». Их действие существенно более опосредствованно, а сами они должны быть интерпретированы в плане их общего статуса как интегративные закономерности. В структуре такого рода интеграции многие базовые закономерности подвергаются систематическим и часто радикальным трансформациям.

Подчеркнем, что вся достаточно сложная и специфичная совокупность рефлексивных закономерностей, а также их связей с иными закономерностями психического сама может проявляться с разной степенью полноты, выраженности и развернутости. Общая мера их проявления как раз и зависит от уровня развития рефлексивности. Чем более он высок, тем выраженнее доминирование «второй» — субъектной системы регуляции. И наоборот, «низкорефлексивные» индивиды характеризуются большей «непосредственностью» поведения и меньшей его произвольностью (проактивностью), то есть доминированием «объектной» системы регуляции.

Литература

1. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. М.: АПН РСФСР, 1969.
2. Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. М.: Юристъ, 1998.
3. Карпов А.В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 1999.
4. Карпов А.В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. М.: Институт психологии РАН.
5. Карпов А.В., Пономарева В.В. Психология рефлексивных механизмов управления. М.: Институт психологии РАН, 2000.

6. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии. М.: Институт психологии РАН, 2002.
7. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированная концепция компьютеризации управленческой деятельности. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., МГУ.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 255-382.
9. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgement under uncertainty. Cambridge, CUP. 442 p.
10. Sternberg R.J. Thinking styles theory and assessment at the interface between intelligence and personality. N.Y., 1994.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского
Гуманитарного Научного Фонда; № проекта 03-06-00284а.

ФАНТАЗИЯ НА ТЕМУ БЕССМЕРТИЯ

© С.П. Расторгуев (Россия)

Институт рефлексивных процессов и управления, главный научный сотрудник, доктор технических наук, профессор

Если в виде исключения найдется человек, способный понять тебя несколько лучше, нежели другие, — значит, человек этот находится в таком же положении, как и ты: также страдает или также пробуждается»

Г. Гессе

**А МОЖЕТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕК ЭТОТ И ЕСТЬ ТЫ!
ПРОСТО ЧЕЛОВЕК ЭТОТ И ЕСТЬ ТЫ!**

Звезды. И первый осмысленный взгляд на звезды. Что это? Рассыпанные искорки от костра. Рассыпанные как придется. Рассыпанные рукой, смахнувшей их с земли на небо. А звездочки искрятся, каждая сама по себе, каждая сама в себе, и взгляд взрывается от невозможности понять — что за гармония скрыта в этом призывающем в себя, завораживающим, очаровывающим хаосе? Со временем взгляд обретает точку зрения. И хаос, следуя этой самой точке зрения, выстроится либо в скопление созвездий и галактик, либо превратится в знаки Зодиака, которыми расписана судьба глядящего в небо. Но для кого-то хаос так и останется хаосом.

А не подобна ли звездному небу жизнь человека? Где каждое событие жизни — просто звезда, освещающая прожитый день, и, может быть, не просто звезда, а блестящий белый карлик или безмерная черная дыра, затягивающая в себя мысли и чувства? И глядя на это скопление событий с высоты прожитых лет, что можно увидеть в нем? Все тот же Хаос — справедливый по отношению ко всем и ни к кому, который, будучи подобен математической абстракции, в идеальном виде существовать может не

дольше, чем взрыв? Или может быть все сужающуюся и сужающуюся, а значит упорядочивающуюся дорогу, ведущую к самому главному событию, к встрече с самим собой?

Человек, как и любая информационная система, способная к обучению, рожденная в любом уголке Вселенной, независимо от природного материала, из которого она слеплена, есть совокупность состояний «души». Совпадение последовательности одинаковых состояний и есть совпадение судеб. В определенный временной интервал каждый из нас и есть другой.

П.Д. Успенский сравнивал жизнь человека с ветвью дерева, чьи побеги являются другими жизнями, жизнями других людей, имеющих отношение к данному человеку, влияющих как-то на него, на его судьбу. Он писал: «Любой побег, если сосредоточить на нем внимание, оказывается ветвью с побегами. Таким образом, жизнь человека соединяется со множеством других жизней; одна жизнь как бы входит в другую, и все вместе они образуют единое целое, природу которого мы не знаем». Но иногда мы на этом дереве жизни находим почти одинаковые ветви. Порой эти ветви переплетаются и сопровождают друг друга в каком-то мистическом благоговении.

Нарисуем ось времени, убегающую в бесконечность, и зададимся вопросом: как привязать себя и других к этой оси? Как связано наше дерево Жизни и стрела времени? У Успенского есть модель «вечного возвращения», суть которой в следующем: Мы рождаемся, живем, умираем и рождаемся вновь в той же самой среде и в том же самом времени, что и в самый первый раз. Поэтому над рисунком собственной жизни мы не властны. Мы ничего не способны исправить из сделанных поступков. Если мы убивали, то мы и будем убивать вечно — и вечно страдать. Единственное, что нам доступно с каждым нашим новым рождением, так это чуть иное восприятие себя и мира. Человек в этой схеме бессмертен, он обладатель одной вечно повторяющейся судьбы, одного вечно рождающегося тела. Он реализует всегда один и тот же смысл. Реализует смысл — быть винтиком или клеткой сложного вечного организма четырехмерного мира. Поэтому он обязан вечно приходить в одно и то же время в одно и то же место с одной и той же функцией, которая и есть этот самый бессмертный человек. Это понятно: любая живая клетка многообразна как вселенная, и она тоже имеет право на бессмертье. Но стоит ли вечно рождаться, если мы не способны исправить содеянное?

Обоснование модели «вечного возвращения» у Успенского базируется на:

- наличию следов об этом в человеческой памяти:

И так же шел жид бородатый,

И так же шумела вода —

Все это уж было когда-то,

Но только не помню когда... (А. Толстой);

- замкнутости всего сущего в пространственно-временном континууме. Например, смена клеток в организме человека: одна клетка заменяется другой, причем заменяется в том же месте, живет во времени, установленном организмом; возможно, что для каждой новой клетки время ничем не отличается от времени ее предка, оно имеет точно такой же вкус и запах.

Чуть радостнее концепция «субъективного бессмертия» у Б.М. Полосухина. Мы рождаемся, живем, умираем и рождаемся вновь в тот же момент, что и умерли, но без памяти о своей прошлой жизни. Кто первый успел родиться после моей смерти — тот и я! В основе этой модели лежит изначальное базовое единство всех людей. Грубо говоря, на чуть разных компьютерах одного типа установлена одна и та же операционная система, но по-разному настроена, и разные прикладные процессы имеют в ней место быть. Если хозяин выкидывает один компьютер, то ставит на это место его же продолжение во времени — длинное, вечно растущее тело жизни одной и той же субстанции. И каждое новое «я» — своего рода очередной рефлексивный процесс над самим же собой, но вот только на базе общедоступного знания.

В этой схеме каждое новое рождение предполагает новое формирование системы взаимоотношений с миром и, следовательно, новое установление смысла своего существования, очередной поиск самого себя и Бога. Здесь вроде бы не должно быть одинаковых судеб. Здесь есть вечно ищущая живая душа, постоянно стряхивающая с себя накопленные знания и стремящаяся постигнуть все многообразие мира. Она ищет себя в рамках возможностей, изначально заданных собственной природой и окружающим миром.

Но вот почему в каждый конкретный момент времени «я» должно быть одним? Какой такой закон ограничивает меня? То я один кручусь в колесе на узком временном интервале Успенского, то я один на бесконечной прямой времени Полосухина, рефлексирюя по исчезающей памяти.

Почему, к примеру, не может быть много меня сегодня и ни одного меня завтра?

Исчезнуть «я» в принципе неспособно, — объяснит Б.М. Полосухин, — потому что жизнь сразу же к нему придет опять. Это как Ванька-встанька.

С этим можно согласиться, тем более что в модели Полосухина подобное выглядит вполне логично. «Я» — неистребимо, его бытие вечно. Но, кстати, ниоткуда не следует его непрерывность. И самое главное — непонятно: почему же в один и тот же момент «я» не может быть много?

Потому — мне могут ответить, — что если «я» станет много, например, больше одного, то оно тут же превратится в «мы». Но кроме того «я» потому и «я», что оно одно, что оно — «я».

Но нет уж, — возражу, — два «я» не вполне способны превратиться в «мы». Два «я» при их совмещении в пространстве и во времени превращают-

ся в одно «я», как ему и положено, но наделенное разными телами. Бывает и наоборот, когда два и более разных «я» попеременно живут в одном теле, а то и одновременно. И называется подобное раздвоением личности. Так что, сколько тел — одно, два, три — для нас не принципиально. Важно, что именно моих «я» теоретически может быть много.

Более того, нетрудно доказать, что у любых двух индивидуумов («я» — «ты») возможны состояния, в которых они могут рассматриваться как один и тот же человек.

Это значит, что исчезнет «ты». Таких примеров много, и каждый способный чувствовать неоднократно испытывал подобное на себе, когда в молитве, в любви, в беседе, в событии, в алкогольном опьянении исчезало либо «я», либо «ты». Возникало какое-то новое необъяснимое состояние, одинаковое для всех. При этом все думали об одном и том же — и одними и теми же мыслями.

В литературе по парапсихологии и телекинезу этой проблеме уделено даже чуть больше половины всех изысканий. Но в данном случае лучше сослаться на Л.Н. Толстого («Анна Каренина»):

«Как же я останусь один без нее?» — с ужасом подумал он и взял мелок. — Постойте, — сказал он, садясь к столу. — Я давно хотел спросить у вас одну вещь.

Он глядел ей прямо в ласковые, хотя и испуганные глаза.

— Пожалуйста, спросите.

— Вот, — сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?» Не было никакой вероятности, чтоб она могла понять эту сложную фразу; но он посмотрел на нее с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймет ли она эти слова.

Она взглянула на него серьезно, потом оперла нахмуренный лоб на руку и стала читать. Изредка она взглядывала на него, спрашивая у него взглядом: «То ли это, что я думаю?»

— Я поняла, — сказала она, покраснев.

— Какое это слово? — сказал он, указывая на н, которым означалось слово никогда.

— Это слово значит никогда, — сказала она, — но это неправда!

Он быстро стер написанное, подал ей мел и встал. Она написала: т, я, н, м, и, о.

Долли утешилась совсем от горя, причиненного ей разговором с Алексеем Александровичем, когда она увидела эти две фигуры: Кити с мелком в руках и с улыбкой робкою и счастливою, глядящую вверх на Левина, и его красивую фигуру, нагнувшуюся над столом, с горящими глазами, устремленными то на стол, то на нее.

Он вдруг просиял: он понял. Это значило: «тогда я не могла иначе ответить».

Он взглянул на нее вопросительно, робко.

— Только тогда?

— Да,— отвечала ее улыбка.

— А т... А теперь?— спросил он.

— Ну, так вот прочтите. Я скажу то, чего бы желала. Очень бы желала!

— Она записала начальные буквы: ч, в, м, з, и, п, ч, б. Это значило: «чтобы вы могли забыть и простить, что было».

Он схватил мел напряженными, дрожащими пальцами и, сломав его, написал начальные буквы следующего: «мне нечего забывать и прощать, я не переставал любить вас». Она взглянула на него с остановившеюся улыбкой.

— Я поняла,— шепотом сказала она.

Он сел и написал длинную фразу. Она все поняла и, не спрашивая его: так ли? взяла мел и тотчас же ответила.

Он долго не мог понять того, что она записала, и часто взглядывал в ее глаза. На него нашло затмение от счастья. Он никак не мог подставить те слова, какие она разумела; но в прелестных сияющих счастьем глазах ее он понял все, что ему нужно было знать. И он написал три буквы. Но он еще не кончил писать, а она уже читала за его рукой и сама dokonчила, и записала ответ: Да.

В тот момент, когда мужчина и женщина угадывали текст, скрытый за первыми символами, разве не становились они другими или, проще говоря, не были ли в данное мгновение одним и тем же человеком? Одинаковыми ветвями одного и тоже дерева, между которыми не было различия. Не теряли ли они большую часть своего «я»?

Они понимали друг друга не только потому, что находились в одном и том же состоянии, но и потому, что стремились в одно и тоже будущее. Это объединяющее будущее выводило их на одну единственно правильную дорогу и делало из них в данный момент одного и того же человека.

Потом они опять могли стать разными, если менялось будущее каждого из них. И чем дальше они уходили от своего одинакового будущего, тем бессмысленнее было бы их совместное сегодняшнее существование.

Возможно, так уж устроена жизнь, что на протяжении всего отпущенного времени мы ищем сами себя в окружающем мире, подсознательно, чтобы убедиться, что имеем право на существование друг с другом даже не столько сейчас, сколько потом, в завтрашнем дне!

«И вечный бой.

Атаки на рассвете.

И пули,

разучившиеся петь,

Кричали нам,

... что есть еще Бессмертье...

... А мы хотели просто уцелеть». (И. Бродский).

Кто из них, из уцелевших, я? Как мне узнать среди них себя? Много ли меня среди них? Мы все приходим из бесконечности и уходим в бесконечность. А в бесконечности есть все. И, конечно же, раз речь идет о бесконечности, то просто по определению, я не могу быть в единственном числе. Ибо бесконечность способна породить множество копий с одинаковой судьбой и с одинаковой душой. И при этом никто не мешает всем этим двойникам встретиться здесь и сейчас. Это в пределах правил, установленных Бесконечностью. И я знаю, что это так и есть. Но мое знание не есть знание разума. Разум стал так думать лишь после того, как знание вошло в дыхание каждой клеточки моего тела и в волнение каждого колебания души. И тогда знание срезонировало пронзительным пониманием, что иногда другой для меня большее «я», чем я сам.

Узнать себя в другом, а другого в себе! — разве не это есть основная проблема бытия?

Мы никогда не остаемся самими собой. Меняемся и не только потому, что меняются покровительствующие нам звезды. Мы меняемся, но забываем сменить имя и профессию. Забываем сменить друзей и любимых. И начинаем терзаться в своем старом-новом мире, который совсем не соответствует нам сегодняшним или, наоборот, его перестройка сделала невозможной нашу жизнь в нем. Но мы считаем, что у нас нет права разрушить дом, и мы вынуждены отдавать ему дань, скрывая себя нового в бездонной тоске отчаявшегося взгляда, что иногда мы бросаем в сторону моря.

Мы не свободны в своем выборе. Мы никогда не свободны в своем выборе! Но мы и не способны противостоять себе новому. Не убивать же? Хотя иногда человек доходит и до этого поступка. Особенно в сегодняшней России. Люди не хотят быть теми, в кого превращаются, и они массово уничтожают себя, а значит, и своих потомков.

Конечно, многое могло быть проще, если, меняясь сами, мы вели за собой друзей и любимых, но тогда они остались бы без права на свободу выбора своей судьбы. Ограничивая себя правом неприкосновенности свободы своего окружения, «я» тем самым лишает себя завтрашнего дня, а свое окружение себя.

Мы все меняемся, но с разной скоростью. И эти изменения делают нас похожими на кого-то другого сегодняшнего больше, чем на самого себя вчерашнего. И любимые, которые еще вчера были рядом, сегодня оказываются за ушедшим в прошлое поворотом, к которому они не успели - просто потому, что у них иная скорость изменений, а значит, и иная судьба. А убегающее «я» посчитало не честным для себя тащить весь свой мир в завтрашний день. И миры разлетаются, как галактики по Вселенной.

Время, когда кем-то из нас сказано то или иное слово, тоже очень много значит!

Узнать себя в другом, а другого в себе, хотя бы на какое-то время! — разве не это есть основная проблема бытия?

Одиночество-то как раз и есть неспособность или нежелание узнавать себя в другом.

Куда ведут нас эти изменения и в чем их суть?

У каждой судьбы есть свой рисунок. И мы непостоянны. Мы меняемся. Поэтому меняются события, которые на нас обрушиваются. Всякое действие по своей природе всегда обращается на того, кто заранее готов его претерпеть. И наши изменения определяют нашу судьбу. Одно предательство неизбежно породит другое. А после того, как плотина прорвана, что остановит реку?

Но поток остановится сам, если перестанет быть потоком. Если изменится. Если потеряет часть себя. Если изменит себе. Если изживет себя, если вольется в другую реку или море. А это может произойти, если ему удастся увидеть себя в «голове с косой размытой», что колыхаясь всплыла:

«И старик во блеске власти
Встал могучий, как гроза.
И оделись влагой страсти
Темно синие глаза.
Он разыграл веселья полный, -
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви». (М. Лермонтов).

Жизнь «я» всегда состоит из многих похожих, но разных «я».

Если по оси Х отложить время, а по оси Y — состояния «я». То тогда, например, человек-бревно на этом графике будет изображен прямой линией. Он как родился кем-то, так этим кем-то и остается до конца своей жизни — прямая ровная ветвь. Но откровенные бревна — это большая редкость. В большинстве случаев человек изменяет своей судьбе, как и она ему, и колеблется вокруг основного стержня. Можно сказать — вокруг линии, определяющей его сущность.

Но есть и такие люди, которых бросает из одной крайности в другую. Они со своим стержнем встречаются ох как редко. Их рисунок Судьбы еще круче.

При этом известно, что узнавание всегда опирается на общую часть, которая является знаменателем взаимодействия. И чем больше знаменатель, тем меньше различие в понимание друг друга двумя индивидуумами. Но только на данном отрезке бытия, для конкретных состояний души. Сколько этот отрезок продлится? Минуту, час, год? Поэтому-то люди в большинстве своем и страдают: они хотят сохранить отношения, не подозревая, что сами, именно сами, уже не соответствуют этим отношениям.

На базе всего сказанного может быть сформулирована важнейшая про-

блема всей теории социальной Игры: возможно ли подобрать совокупность состояний, смена которых, как падение выстроенной цепочки домино, приведет к возникновению на мгновение ситуации, когда все человечество станет одним «я»? Судьба одной единственной клонированной овечки Долли станет судьбой всего стада. При этом «мы» исчезнет. Останется только «Я». А это значит, что человечество, как таковое, рухнет, схлопнется. Оно подобно огромной гравитационной массе сожмется в одну ничтожную точку.

Действительно, стоит только подобрать индивидуальный для каждого человека набор соответствующих событий, переводящий его в заданное состояние, и сделать подобное одновременно для всех, как наступит время «Х». Проблема, таким образом, переводится исключительно в практическую плоскость, в возможность практической реализации.

В свете сказанного отметим два момента.

Первое. Как показывает краткий исторический опыт существования человечества любая идея, выдвинутая одним человеком, со временем может быть реализована всем человечеством. Проще говоря, ни один человек не в состоянии придумать ничего такого, что не способно реализовать человечество за все время своего существования. Потому что любое «я» вместе со всеми своими фантазиями всегда замкнуто на «мы». И как подобное не объясняй — это всегда вечная, всегда замкнутая сама на себя рефлексия, не помнящая своего начала, а значит, всегда новая, всегда идущая вперед.

Второе. На сегодняшний день технология массового перевода «ты» в «я» имеет следующие этапы своего развития:

- 1) этап шаманства (в том числе с применением наркосодержащих средств: «я», поднятое на уровень локального «мы» и замещающее это «мы».);
- 2) этап мировых религий (единое глобальное «я», вынесенное за пределы «мы»);
- 3) индустриальный этап, когда между человеком («я») и толпой («мы») ставятся усиливающие любое воздействие специальные технические средства («я» теперь уже вернулось с небес на землю; наступило время, когда Бог, по утверждению Ф. Ницше, умер);
- 4) информационный этап — создание технологий избирательного использования специальных технических средств и целенаправленного применения дистанционных, рефлексивных методов перепрограммирования (на конвейер поставлено перепрограммирование не самих субъектов, а их «программаторов» и выше...).

Когда-то давно только двое могли одновременно смотреть в глаза друг другу и быть друг другом. Так было раньше. Потом появились художники и картины, с которых глаза смотрели в глаза массового зрителя. Вспомните Дориана Грея. С появлением средств телевидения кто-то один уже может

с телеэкрана войти одновременно во все глаза мира и управлять этими глазами.

И вот в один прекрасный вечер, когда Солнце спрячет свои лучи за линией горизонта, и основная масса самых разных «ты» подключится к системам производства и демонстрации зрелищ, вдруг появится Зрелище, которое настроят всех зрителей на одну волну. Появится Зрелище, которое станет для всех Тейяр-де-шарденовской точкой Омега. Это Зрелище и определит будущее, привязав к нему сегодняшнее человечество, которое дальше уже сделает все самостоятельно. Люди перейдут в общее для всех состояние сознания. Перейдут — и будут в нем замкнуты, отрезав себя даже от той части своего разнообразия, которое когда-то определялось природой.

Подобное замыкание вполне возможно, если будет достигнут критический уровень организации сознаний. И тогда «я», стоящее у истоков этого Зрелища, станет «мы». Мир остановится, потому что любая информационная система потребна и живет только в своем многообразии. Она живет, когда все ее отражения чуть-чуть различны. Стоит им схлопнуться, найти свой фокус, и наступит конец света. «Я», поглотив свое многообразие в «ты», за счет него обретет бессмертье, но потеряет смысл.

Вечные повторения «я» на оси времени заполняют собой все текущее пространство. И вот это мгновение и будет мгновением торжества то ли Хаоса, то ли абсолютного Порядка.

«Кто в чаше жизни капелькой блеснет —

Ты или я? Блеснет и пропадет!

А виночерпий жизни — миллионы

Лучистых брызг и пролил, и прольет» (Омар Хайям).

Все выше сказанное можно проиллюстрировать следующей притчей. Создал Бог Землю и населил ее разными тварями и всевозможными растениями. И настолько прекрасным, многообразным и изменчивым оказалось его творение, что захотел он познать созданное в его единстве. Но как это сделать, если наблюдатель может находиться в одно мгновение лишь в одном только месте? Так появился Шива многорукий, так появился Кришна с его десятками тысяч жен. Так появился человек, расщепленный на миллиарды своих копий, разбросанных по всей планете. По ходу выживания все эти копии стали отличаться друг от друга, ибо не существует способа познать свою часть мира и остаться неизменным. В результате, исследователи стали различаться, к изначальному «я» добавились «ты», «он»... А раз люди стали разными, то между ними возникли и разные отношения: любовь и вражда. И именно эти отношения стали кривым зеркалом, искажающей лупой, не позволяющими видеть мир таким, какой он есть на самом деле. Именно эта система отношений не позволяет увидеть себя в другом, а в простой человеческой оболочке — пришедшего на землю Бога.

Прорваться через эту систему отношений — это и значит познать бессмертие.

При этом как только человек ощутит себя бессмертным, он станет им!

Но прорваться через сложившуюся систему отношений можно только разрушив ее, все равно как разбив стеклянную дверь. А разрушить, значит — уничтожить все смыслы своего существования. Ибо смыслы — это и есть отраженная в душе сложившаяся система отношений человека с Богом, с миром и людьми. Поэтому получается, что приобрести личное бессмертие, в том числе бессмертие тела, можно только убив собственную душу.

Не в этом ли причина раковых заболеваний? Не это ли происходит с клетками тела, когда они перерождаются в раковые, приобретая индивидуальное бессмертие, за счет отказа от смыслов, обусловленных сложившейся системой взаимоотношений со своими коллегами? А, проще говоря, за счет отказа от своей души?

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

IV Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление»

7-9 октября 2003 г. в Москве был проведен IV Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление». Устроители симпозиума Институт психологии РАН, Институт человека РАН, Дипломатическая академия МИД России, Институт рефлексивных процессов и управления, Фонд «Стратегия развития». В работе симпозиума приняли участие около 200 ведущих специалистов в данной области из России, Республики Беларусь, Кыргызстана, Литвы, Молдовы, Украины, Германии, Индии, Канады, США.

Ключевые темы данного симпозиума — высокая социальная цена и возможности теории рефлексивных процессов и практики рефлексивного управления для создания современного научно-методического обеспечения постановки и решения стратегических задач (на примере развития России); поиск организационных форм включения такого рода научно-методического обеспечения в реальные процессы управления и развития российским государством и обществом в целом.

Прошли два года после предыдущего симпозиума, которые отчетливо продемонстрировали отсутствие позитивных тенденций на сближение научного подхода в целом и рефлексивного в частности с практикой принятия стратегических решений. Решения принимаются, как правило, на основе интуиции и фрагментарных представлений, последствия оказываются неожиданными и катастрофичными.

Под флагом борьбы с терроризмом процветают индивидуализм, эгоцентризм и рациональность. Гасится роль демократических институтов, истинные причины терроризма подменяются надуманными причинами, занижается роль нравственных и межкультурных аспектов решения стратегических проблем человечества.

Показательна полная неадекватность прогнозов последствий развязывания войны в Ираке. То, что воспринималось, как ликование от встречи с демократией, обернулось многомиллионными демонстрациями религиозной направленности, равно как и массовыми грабежами. Расхищены ключевые для памяти человечества ценности культуры, а, значит, подорваны и корневые истоки становления его рефлексивных процедур. Кроме того война перешла в стадию затяжной партизанской с трудно предсказуемой продолжительностью, большими человеческими жертвами и гигантскими материальными затратами.

Ситуация в сфере принятия стратегических решений в России определяется симптомами «бессубъектности», доминированием интересов коррумпированных чиновников и полным разрывом реальных механизмов управления с наукой.

Претензии справедливы и в адрес науки, которая уделяет недостаточно внимания междисциплинарным исследованиям, созданию научного обеспечения новых высоких гуманитарных технологий на основе использования информационно-аналитических систем. А ведь именно они позволили бы преодолеть многолетнее отставание «кабинетных ученых» от реальной практики, разрыв между гуманитариями и естественными учеными, обеспечить их совместную работу в «полевых условиях».

Программа симпозиума включала пленарные заседания, круглые столы, секции, проектные группы.

Открывая симпозиум, ректор Дипломатической академии МИД России Ю.Е.Фокин подчеркнул, что встречи в ее стенах становятся традиционными и подчеркивают актуальность рефлексивной проблематики для дипломатической деятельности, для поиска новых механизмов и новых подходов в международных отношениях. Понимание и учет специфики представлений об окружающем мире участников политических урегулирований, взаимная рефлексия — основа для мирного и справедливого разрешения сложнейших современных международных проблем.

Конфликты в Югославии, Афганистане, Ираке, организация антитеррористической деятельности свидетельствуют о недостаточном пока внимании к учету взаимной реф-

лекции участников этих событий. Следствие - человеческие жертвы, утрата культурных ценностей, возникновение партизанских войн.

Учет рефлексивных аспектов при урегулировании международных конфликтов требует нового современного инструментария при анализе информационных потоков, новых типов моделей, в том числе математических, учитывающих этические, психологические и культурологические особенности участников урегулирований. Сегодня наука делает шаги вперед в разработке этих направлений.

Важнейшим аспектом - специальная подготовка будущих дипломатов, ознакомление с рефлексивными технологиями и развитие рефлексивных способностей. В последние два года в Дипломатической академии МИД России в учебный процесс во все большей степени включаются модули рефлексивной подготовки. Читаются спецкурсы, в обязательные дисциплины добавляются циклы занятий, проводятся деловые игры. В частности, с потоком слушателей была проведена игра перед началом военных действий в Ираке. Имитировались позиции участников конфликта, проводились дискуссии о выработке взаимоприемлемых решений. Следует отметить, что слушатели Академии адекватно спрогнозировали ход событий, более того предложили ряд оригинальных стратегий для России. Планируется дальнейшее развитие учебного процесса в этом направлении.

Пленарные заседания

Фокин Ю.Е. (Россия) Открытие симпозиума

Лепский В.Е. (Россия) Рефлексивная проблематика: состояние и перспективы

Лефевр В.А. (США) Тайны национальной рефлексии

Журавлев А.Л. (Россия) Групповая рефлексия: психологические проблемы и практика

Малинецкий Г.Г. (Россия) Рефлексия. Российские кризисы и синергетика

Генисаретский О.И. (Россия) Рефлексивность гуманитарных практик

Кара-Мурза С.Г. (Россия) Проблема утраты рефлексии в социальном управлении

Рабинович В.Л. (Россия) Возможна ли нерефлексивная культура?

Томас Т.Л. (США) Рефлексивное управление и поддержание мира

Круглые столы

1. Круглый стол «Стратегические ориентиры и субъекты развития России»

Ведущие: Ипполитов К.Х., Лепский В.Е. (Россия)

Выступающие: Андреев А.Л., Беляев И.П., Бухтояров А.А., Генисаретский И.О., Кара-Мурза С.Г., Келле В.Ж., Крупнов Ю.В., Куликова Н.В., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Матвеева Л.В., Некрасов А.Я., Райков А.Н., Реут Д.В., Свитич Л.Г., Севастьянов В.А., Смолян Г.Л., Степанов А.М., Харитонов Е.А. и др. (Россия), Лефевр В.А. (США)

1. Рефлексия состояния России (Отдельные сферы. Механизмы управления России. Позиционирование социальных субъектов в России и др.).

2. Рефлексия развития России (Стратегические ориентиры российского развития: цивилизационный аспект, гражданское общество и государство и др.).

3. Российские элиты как субъекты становления общественной рефлексии (Позиционирование. Проблемы становления. Механизмы включения в процессы управления и развития России).

4. Сценарии и проекты российского развития.

(Круглый стол проводился при поддержке Фонда Гражданских Инициатив в политике Интернет - ГИПИ)

2. Круглый стол «Богданов А.А. и современные проблемы организованности России»

Ведущие: Анисимов О.С., Гловели Г.Д., Попков В.В. (Россия), Лефевр В.А. (США)

Выступающие: Бахур А.Б., Рабинович В.Л., Скопин А. Ю. и др. (Россия)

1. Российские традиции организационного мышления.

2. Психологическая концепция А.А. Богданова (гедонический подбор) и ее значение для современной социальной психологии.

3. Техническая интеллигенция как социологическая категория и политическая сила (организационный анализ А.А.Богданова). Возможна ли технократия в России?
4. Финансовый капитал, организованность и власть. История и современность.
5. Статический алогизм массового сознания (проблема российского менталитета). Есть ли будущее у коллективизма?

(Круглый стол организован совместно с Международным институтом А. Богданова)

3. Круглый стол «Нужна ли эргономика социальной инженерии?»

Ведущие: Лепский В.Е., Львов В.М. (Россия)

Выступающие: Анисимов О.С., Генисаретский О.И., Малинецкий Г.Г., Найченко М.В., Реут Д.В. и др. (Россия)

1. Анализ состояния научно-методического обеспечения социального управления и проектирования в России.
2. Субъектно-ориентированный подход к организации социального проектирования.
3. Актуальные проблемы: научный мониторинг общества, гуманитарная экспертиза проектов, механизмы общественного контроля и самоорганизации и др.
4. Целесообразно ли формирование эргономики социальной инженерии?

(Круглый стол организован совместно с Эргоцентром)

4. Круглый стол «Рефлексивные процессы в постнеклассической науке»

Ведущий: Аршинов В.И. (Россия)

Выступающие: Буров В.А. и др. (Россия)

1. Идентификация гносеологического субъекта.
2. Этические системы гносеологического субъекта.
3. Структурирование реальности.
4. Категоризация опыта.
5. Проблемы сложности решения практических задач

(Круглый стол организован совместно с Институтом философии РАН)

Проектные группы

1. Организация механизма общественной рефлексии для решения стратегических проблем развития России

Ведущие: Крупнов Ю.В., Лепский В.Е.

(Проектная группа организована совместно с Фондом «Стратегия развития»)

2. Разработка учебных пособий по рефлексивной тематике для вузов

Ведущие: Анисимов О.С., Филимонов В.А. (Россия), Лефевр В.А. (США)

(Проектная группа организована совместно с Институтом рефлексивных процессов и управления)

Секции

1. Субъект. Рефлексия. Культура. Деятельность.

Ведущие: Журавлев А.Л., Розин В.М. (Россия)

2. Рефлексивные процессы: математическое моделирование и синергетика.

Ведущие: Малинецкий Г.Г. (Россия), Таран Т.А. (Украина)

3. Рефлексивные процессы в больших социальных системах (управление, безопасность, развитие).

Ведущие: Лепский В.Е., Райков А.Н. (Россия)

4. Рефлексивные процессы в массовых коммуникациях и PR.

Ведущие: Любашевский Ю.Я., Матвеева Л.В. (Россия)

5. Развитие рефлексивных способностей.

Ведущие: Анисимов О.С., Панов В.И., Семенов И.Н. (Россия)

Вечерние лекции

Лефевр В.А. (США). Ментализм и бихевиоризм.

Рабинович В.Л. (Россия). Возможна ли нерефлексивная культура?

Издан сборник тезисов симпозиума. Наиболее интересные выступления будут представлены на страницах журнала.

Председатель оргкомитета симпозиума
В.Е.Лепский

Вечер памяти Г.П.Щедровицкого

Школа культурной политики сообщает, что 22 февраля в Государственном музее А.С. Пушкина прошел вечер памяти, посвященный 75-летию со дня рождения выдающегося российского ученого, философа, основателя нового направления СМД-методологии – Георгия Петровича Щедровицкого. Работы Г.П.Щедровицкого с 1952 по 1994 гг. положили начало одной из самых значимых современных интеллектуальных школ, существующих в нашей стране.

Многолетняя деятельность Г.П.Щедровицкого, начавшаяся в 50-е годы прошлого века с создания элитного дискуссионного клуба, получившего название Московский методологический кружок, широко известна и признана не только в академических и университетских кругах, но и в области практических видов деятельности – прикладных и гуманитарных технологий, образования, политики, культуры. Создание оригинального метода организационно-деятельностных игр (ОДИ) и многочисленные издания в 50–80-е годы труда оказали огромное влияние на многие современные отрасли науки, техники, промышленности, предпринимательства, на государственное и корпоративное управление. Не случайно в вечере памяти приняли участие видные деятели науки, политические стратеги, известные журналисты и артисты.

Среди них – популярный джазовый музыкант и композитор Алексей Козлов (исполнивший сольную композицию, посвященную ученому), доктор психологических наук, профессор МГУ им. Ломоносова Тахир Базаров, профессор Московского архитектурного института Вячеслав Гла-

зычев, президент Фонда эффективной политики Глеб Павловский, писатель Роман Злотников, доктор философских наук, профессор, один из основателей советской социологии Борис Грушин, академик Российской академии образования, профессор Владимир Зинченко, директор Московского дома фотографии Ольга Свиблова, Полномочный представитель Президента в Приволжском федеральном округе Сергей Кириенко, и.о. Министра промышленности, науки и технологий РФ Андрей Фурсенко, главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев, председатель Центрального банка Армении Тигран Саркисян.

23 февраля прошли X Чтения памяти Г.П.Щедровицкого, в которых приняли участие ученики Георгия Петровича, ведущие представители философских и социальных наук, теории управления. С докладами выступили: председатель попечительского совета Школы культурной политики Петр Щедровицкий, профессор Олег Генисаретский, профессор, доктор психологических наук Борис Эльконин, кандидат психологических наук Вера Данилова, доктор философских наук, заведующий сектором аналитической антропологии Института философии РАН Валерий Подорога, кандидат экономических наук, депутат Государственной Думы Рифат Шайхутдинов, философ, методолог Тимофей Сергейцев, кандидат философских наук Борис Сазонов, методолог Олег Алексеев, профессор Олег Анисимов и другие.

Идеология для государственного управления в России

С 2 по 14 февраля 2004 г. в оздоровительном комплексе «Солнечный» Российской академии госслужбы при Президенте РФ был проведен проблемно-проектный игромодельный цикл разработок по теме «Методологическое обеспечение принятия Президентом России идеологических решений».

Разработаны различные предложения по реформированию системы подготовки госслужащих и придания ей функции «элитной», насыщенной требованиями акмеологического подхода. Были также выделены предложения к реформированию попыток подготовки будущих управленцев и лидеров России начиная с младших классов школы.

Член Клуба стратегической элиты
Анисимов О.С.

Eighth World Multi-Conference on Systemics, Cybernetics and Informatics
July 18-21, 2004, Orlando, Florida, USA
Modeling and Simulation of Decision Making Processes.

Invited Session

Session organizer Vladimir A. Lefebvre

Bipolarity, Choice, and Entro-Field

Vladimir A. Lefebvre, University of California, Irvine, USA

Structure-Determined and Emergent Procedures of Decision Making

Vladimir A. Lefebvre, University of California, Irvine, USA

Donald L. Bix and Stefan E. Schmidt, New Mexico State University, USA

Reflexive Control and Business

Vladimir E. Lepsky, Institute for Human Studies, RUSSIA

Agent-Based Modeling of Psychological Factors in Terrorist Recruitment

Donald E. Bix, Mike C. Coombs, Christopher Weaver, New Mexico State University, USA

Judgment Agents

Christopher Weaver, New Mexico State University, USA

An Information-Theoretic Approach to Manipulation

Marcus Greferath, California State University, San Diego, USA

Stefan E. Schmidt, New Mexico State University, USA

Modeling and Simulation of Randomized Decision Making

НОВЫЕ КНИГИ

Рефлексивные процессы и управление. Тезисы IV Международного симпозиума 7-9 октября 2003г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.- 172с.

Материалы IV Международного симпозиума отражают расширение тематики теории рефлексивных процессов и географии специалистов, разрабатывающих ее проблематику. В качестве основной вырисовывается тема социальной восприимчивости положений этой теории, а также практических приложений обосновываемых ею рекомендаций. Особо отмечается связь рефлексивности и нравственности (в самых широких толкованиях первой и второй).

Материалы сборника отражают разные подходы к процессам становления стратегического субъекта, способности взять ответственность за судьбы страны и мира; при этом рефлексивность является ключевым его качеством.

Сборник вызовет безусловный интерес не только у исследователей (в области естественных и гуманитарных наук), но также у практических работников: управленцев, аналитиков, экспертов, руководителей образовательных и коммуникационных структур.

Владимир Лефевр. Алгебра совести. Перевод со 2-го английского издания с дополн. М., Когито-Центр, 2002. 426 с.*

У этой книги необычная судьба. Первое ее издание вышло в 1982 году, холодная война была в разгаре, и вывод автора, что под видимыми идеологическими различиями ее участников находится глубинный раскол, связанный с существованием двух этических систем, вызвал бурную реакцию. Правые обвиняли Лефевра, что он идеализирует советское общество, в котором этика и мораль вообще отсутствуют, а левые видели в этой книге очередной происк империализма.

Хотя эта полемика и сделала книгу знаменитой, она заслонила ее основное психологическое и философское содержание, которое в полной мере открылось лет через десять после ее опубликования. В 2001-м году издательство «Клювер» выпустило второе, значительно расширенное ее издание, а в 2003-м году издательство «Когито-Центр» опубликовало русский перевод второго издания, опять же дополненный автором.

В чем же заключается главное содержание «Алгебры совести»? В ней изложен, причем систематически, формально-психологический метод анализа процессов выбора в сложных ситуациях, когда альтернативы имеют для человека как разные практические привлекательности, так и различный моральный смысл. Рассмотрим один из примеров, приведенных в книге. Нечто имеет возможность продать вместо картины известного художника прилично изготовленную подделку. В случае, если продавец откроет покупателю правду, он получит за картину сто долларов, а если скроет правду – миллион. Вопрос: с какой вероятностью, в идеале, этот человек скажет правду?

Традиционные утилитаристские модели, используемые в психологии выбора, предсказывают, что он почти наверняка выберет более выгодную для себя альтернативу: солгать и получить миллион долларов. Модель Лефевра говорит нам, что это произойдет лишь при условии, что моральная поляризация альтернатив этого человека совпадает с их выгодностью, т.е. что «добром» для него является более выгодная альтернатива, в данном случае сокрытие правды, а «злом» – менее выгодная, в данном случае раскрытие правды. Однако ситуация разительно меняется, если моральная поляризация альтернатив в этом конкретном примере противоположна их выгодности, т.е. сказать правду это «добро», а скрыть ее – «зло». В этом случае модель предсказывает, что человек, в рассматриваемом примере скажет правду с вероятностью, немного большей одной второй.

* Сокращенный вариант рецензии на книгу, опубликованный в «Психологическом журнале», 2004, том 25, № 1, с. 136-143.

Приведенный пример поясняет один из психологических принципов, заложенных в модель. Выбор человека имеет два аспекта. Автор обозначает их терминами деонтологический и утилитарный. Первый связан с их моральной оценкой, а второй с выгодностью.

Метод, изложенный в книге, позволяющий анализировать и значительно более сложные ситуации, когда сегодняшний выбор субъекта оказывает влияние на события, которые потенциально могут произойти в будущем. Техническая сущность метода, изложенного в «Алгебре совести», состоит в том, что реальному субъекту, находящемуся в ситуации выбора, ставится в соответствие определенное уравнение. В книге сформулировано правило, каким образом это делается.

Возможности этой модели не исчерпываются лишь предсказательной силой. Модель субъекта включает в себя его рефлексивную структуру, т.е. иерархию образов самого себя и другого, который вступает в отношения с данным субъектом. Таким образом, модель позволяет не только отражать выбор субъекта, но и связывать его с синхронно протекающими процессами оценки самого себя и другого, а также отражениями этих оценок на следующих этажах рефлексивной иерархии.

В первой части «Алгебры совести», которая почти полностью соответствует основному тексту первого издания, показывается, как внутреннее стремление лучше выглядеть в собственных глазах предопределяет выбор отношения с партнером. Таким образом, выбор отношения может быть предопределен не только какими-либо утилитарными факторами, но и чисто внутренними. Важнейший вопрос, возникающий при формальном описании ментального процесса генерации выбора, заключается в том, чтобы отделить врожденную компоненту этого процесса от культурно приобретенной. Лефевр полагает, что общая вычислительная схема, заложенная в человеческую ментальность, носит врожденный характер.

Итак, формальные процедуры работы с моральными оценками «хорошо» и «плохо» не зависят от социального контекста. Од-

нако общество способно предопределить характер вычислительного процесса, при этом не затрагивая формальных правил, по которым он проводится. В этой связи Лефевр проводит различие между системой ценностей и этической системой. Он пишет: «Любая обособленная организация людей имеет более или менее определенный "перечень" элементов, каждый из которых соотнесен с кодами добро и зло. Элементами таких списков могут быть природные и социальные явления (землетрясение, голод, победа в сражении), предметы культа (храм, икона, национальный символ), а также поступки и качества людей (ложь, убийство, доброта, самоотверженность). Такой перечень мы называем системой ценностей.» (стр. 51) Как отмечает автор, мы обычно оперируем не с одной ценностью, а с целым их комплексом. Поэтому когнитивная система человека должна владеть правилом перехода от оценок элементарных ценностей к оценкам комплексов, которые также предопределяются обществом.

Лефевр показывает, что таких правил только два. Первое говорит, что соединение добра и зла есть зло, а второе – что добро. Эти правила и предопределяют то, что автор называет этическими системами. Таким образом, две культуры, имеющие сходные системы ценностей, могут существенно отличаться, если в них реализованы разные этические системы. Формальное рассмотрение связи выбора отношения с другим человеком и этической системой приводит к неожиданному результату. В первой этической системе, где соединение добра и зла есть зло, человек поднимается в собственных глазах, когда выбирает отношение союза с другим человеком. Во второй этической системе, где соединение добра и зла есть добро, человек поднимается в собственных глазах, когда выбирает конфронтацию.

Из этого следует вывод, являющийся главным результатом первой части: в обществе со второй этической системой нет процедуры разрешения конфликта, сохраняющей честь и достоинство его участников. Конфликт либо заканчивается победой одной из сторон, либо прекращается вышестоя-

щей инстанцией. «Если такой инстанции нет, даже незначительное противоречие способно неограниченно разрастись, приводя к социальным катастрофам, в которых гибнут тысячи людей» (с. 36).

Формализм модели позволяет построить типологию «нормативных» характеров, соответствующих каждой этической системе.

Совершенно новой во втором английском издании и в русском переводе является вторая часть, где автор моделирует процесс выбора человеком не только альтернативы, но и программы, в соответствии с которой он будет совершать конкретные выборы в будущем. Они зависят от событий, исход которых в момент выбора программы еще неизвестен. Суть расширения теории на этот случай заключается в том, что субъекту ставится в соответствие такое уравнение, решением которого являются алгоритмы. Таким образом, записав и решив уравнение, можно получить ограниченный набор программ, каждая из которых может быть потенциально выбираться субъектом.

Выбор программы будущих выборов автор называет метавыбором. Лефевр показывает, что на этом пути можно объяснить глубинный смысл знаменитой дилеммы заключенного, попыткам разрешить которую посвящены сотни работ. В этой дилемме отражается главный парадокс теории рационального выбора. Обычно ее формулируют как проблему, стоящую перед двумя арестованными и изолированными друг от друга людьми. Их обвиняют в серьезном преступлении. Прокурор сообщает каждому из них, что в случае, если они оба признают свою вину, каждый получит три года тюрьмы, если оба будут отрицать вину – два года, однако, если один признается, а другой нет, то первый получит всего год, а второй пятьдесят лет. Дилемма заключается в том, что любое решение игрока имеет изъян: если он признается, то лишает себя возможности выйти на свободу через год, а если он будет молчать, то рискует быть осужденным на пятьдесят лет.

Лефевр дополнил эту ситуацию моральными оценками. Предположим, эти люди были арестованы по ошибке. Тогда призна-

ние себя виновным есть ложь, т.е. выбор негативного полюса, а отказ от признания есть правда, т.е. выбор позитивного полюса. После такого дополнения каждому игроку может быть поставлено в соответствие уравнение, и оказывается, что эти уравнения не имеют решений! Формальным аналогом дилеммы является неразрешимость уравнений. С психологической точки зрения, это означает, что когнитивная система каждого заключенного в такой ситуации не способна породить хотя бы одну программу выбора.

Такой подход открыл совершенно новые возможности для предсказания стратегических решений. Поэтому неслучаен все возрастающий интерес американских специалистов в области моделирования боевых действий к методу, изложенному в «Алгебре совести». Так, в университете штата Новая Мексика, в лаборатории физических наук разрабатываются новые принципы предсказания поведения террористов, основанные на моделях, предложенных Лефевром.

Следует подчеркнуть, что модель биполярного выбора, описанная в «Алгебре совести», может использоваться и далеко за пределами собственно морального выбора. В каком-то смысле, автору удалось реализовать грезу нескольких поколений психологов, создав аналитический аппарат для решения определенных психологических проблем, работающий столь же формально, как аналитические методы теоретической физики.

«Алгебра совести», безусловно, имеет общекультурное значение. Не случайно, ныне покойный, выдающийся российский специалист в области математической психологии В.Ю. Крылов включил фрагменты из «Алгебры совести» в свой курс высшей математики, который он читал на психологическом факультете МГУ.

В.Е. Лепский,
доктор психологических наук, Москва

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Все материалы от авторов принимаются только в электронном виде по e-mail или на дискете. Объем статьи – до 12 страниц (редактор Word, шрифт Times New Roman, размер 12, через 1,5 интервала, рисунки отдельными файлами). Литература в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. Аннотация статьи объемом не более 800 знаков.

К статье прилагается также краткая информация об авторе, фотография автора (файл в формате TIFF), адрес, телефон, факс, адрес электронной почты (e-mail обязателен).

Контакты с авторами в процессе доработки статьи осуществляются в основном по электронной почте.

Преимущество отдается статьям, в которых получены новые результаты.

ПРИБРЕТЕНИЕ ЖУРНАЛА

Информация о вариантах приобретения журнала представлена на сайте www.reflexio-n.ru.

Журнал можно приобрести в книжном киоске в здании Института психологии РАН по адресу: Москва, ул. Ярославская, д. 13, телефон 282 01 00.

За дополнительной информацией следует обращаться в редакцию журнала.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Клуб стратегической элиты (Россия)
Стратегические центры России

Анисимов О.С. (Россия)
Лидер для России (диалоги)

Лепский В.Е. (Россия)
Рефлексивный анализ 36 стратагем

Анисимова С.А. (Россия)
Анализ эпизода из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»
на основе булево-линейной модели рефлексивного выбора
и др.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Том 4. Январь–июнь 2004. 1

Издательство «Когито-Центр»
ИД No 05006 от 07.06.01

Подписано в печать 16.09.04
Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 8,5

Тираж 1500 экз.

Отпечатано в типографии «УПП Макс-Принт»